О СОБОРАХЪ, БЫВШИХЪ ВЪ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ ВВЕДЕНІЯ ВЪ НЕЙ ХРИСТІАНСТВА ДО ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1829.

Печатать позволяется.

Цензоръ, Академіи Инспекторъ Архимандритъ *Иннокентій.*

5 Сентября 1828.

ПАМЯТИ

Покойнаго Государственнаго Канцлера

Графа

НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА

РУМЯНЦОВА.

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Долгомъ поставляю увѣдомить Г. Читателей, что книга сія написана по волѣ покойнаго Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова. Сему Высокому Покровителю учености и любителю отечественныхъ древностей угодно было имѣть систематическое собраніе свѣденій о Соборахъ, бывшихъ въ нашей Церкви до временъ Іоанна IV Васильевича, которыя разсѣяны по разнымъ лѣтописямъ.

Программа, данная Графомъ для сего сочиненія, содержала слѣдующіе пункты: 1) показать мѣсто и время каждаго Собора, 2) по какому случаю составленъ, 3) какія лица на ономъ присутствовали, и 4) какія сдѣланы постановленія. Не смотря на скудость источниковъ, коими мнѣ мо-

жно было пользоваться, я старался объяснить всѣ сіи обстоятельства, разкрывающія состояніе Церкви нашей въ тѣ времена.

Къ сожалѣнію моему сей слабый трудъ мой не былъ окончанъ при жизни Графа. Имѣю честь представить его любителямъ отечественныхъ древностей, какъ первый еще Историческій опытъ о древнихъ Соборахъ Церкви нашей.

Н. Т.

О

СОБОРАХЪ, БЫВШИХЪ ВЪ РОССІИ СО ВРЕМЕНИ ВВЕДЕНІЯ ВЪ НЕЙ ХРИСТІАНСТВА, ДО ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА.

Все въ мірѣ управляется невидимою рукою Божіею, сохраняющею силы и бытіе всѣхъ тварей; но непостижимые пути Провидѣнія нигдѣ не открываются въ такомъ свѣтѣ и такой полнотѣ, какъ въ сохраненіи на землѣ Церкви Іисуса Христа. Сначала Іисусъ Христосъ Самъ видимо пребывалъ на землѣ и всемощною Своею силою созидалъ таинственное тѣло Церкви Своея. Но послѣ того, какъ Іисусъ Христосъ, давъ обѣтованіе невидимо быть съ Церковію до скончанія вѣка (1), вознесся на небо; Провидѣніе не иначе стало управлять ею и сохранять ее, какъ посредствомъ людей, избранныхъ Имъ на особенное сіе служеніе. Орудіями Провидѣнія въ сохра-

неніи Церкви сначала были Апостолы Іисуса Христа, непосредственно Имъ Самимъ избранные для всемірной проповѣди Евангелія, и облеченные силою Св. Духа; послѣ нихъ Пастыри и Учители Церкви, которые и донынѣ будучи поставляемы Духомъ Святымъ, имѣютъ своею обязанностію хранить Церковь на тѣхъ Божественныхъ основаніяхъ, на которыхъ она поставлена Іисусомъ Христомъ и Его Апостолами.

Силы человѣческія ограниченны; токмо при взаимной зависимости, и притомъ подъ верховнымъ управленіемъ Самаго Бога они могутъ составлять и сохранять общее благо. Посему Апостолы, пріявшіе отъ Іисуса Христа власть устроять и сохранять Церковь, немедленно послѣ вознесенія Его на небо, должны были общими силами исполнять высокія свои обязанности;—и по соизволенію Св. Духа не однократно составляли Священные Соборы, на которыхъ послѣ взаимной молитвы ко Іисусу Христу, и взаимнаго совѣщанія постановляли правила и законы церковные, разрѣшали недоумѣнія (2), избирали сотрудниковъ (3), и вообще производили все нужное для цѣлости и безопасности Церкви. Ихъ примѣру послѣдовали и Преемники ихъ, православные Пастыри Церкви; они во всѣ вре-

мена составляли Соборы, на которыхъ общими силами членовъ Іерархіи устрояли благо Церкви, то изъясненіемъ истиннаго разума Евангельскихъ догматовъ противъ Еретиковъ, то утвержденіемъ порядка при Богослуженіи и обрядовой внѣшности противъ Раскольниковъ, то наконецъ постановленіемъ Церковныхъ законовъ противъ людей развратныхъ и нечестивыхъ. Духъ Божій таинственно присутствовалъ на сихъ Священныхъ Собраніяхъ Іерарховъ Церкви; Онъ отверзалъ имъ уста для низложенія Ересей мечемъ Слова Божія; вооружалъ ихъ чудесами для посрамленія невѣрія; открывалъ имъ внутреннія основанія Церкви, на которыхъ они могли созидать внѣшній ея порядокъ и благочиніе. Такимъ образомъ Церковь Іисуса Христа, несмотря на всѣ козни своего врага, постоянно сохраняла первоначальную свою чистоту и православіе.

Тотъ же краеугольный камень, который первоначально былъ основаніемъ Вселенской Церкви, въ позднѣйшія времена положенъ въ основаніе нашей Православной Греко-Россійской Церкви, которая посему такимъ же образомъ была созидаема и сохраняема, какимъ образомъ была созидаема и сохраняема Церковь Вселенская, давшая ей бытіе, основаніе и законы.

*

Болѣе осьми столѣтій протекло съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ Православной Христіанской Вѣры озарилъ благословенное наше Отечество, — и до настоящихъ временъ никогда не угасалъ въ немъ, никогда не помрачался. Время, сокрушившее многіе памятники вѣры и благочестія Отцевъ нашихъ, не могло коснуться тѣхъ Божественныхъ основаній, на которыхъ утверждена въ нашемъ отечествѣ Православная Церковь Христова. Донынѣ тѣже исповѣдуются догматы Христіанскаго ученія, которые въ самомъ началѣ нашими Отцами были приняты отъ Православной Греческой Церкви; тѣмъ же образомъ совершается Богослуженіе, какимъ въ первый разъ совершили оное Правовѣрные Епископы, прибывшіе въ Кіевъ съ Святымъ Просвѣтителемъ Россіи Владиміромъ Великимъ; тѣже обряды, церковныя постановленія, законы, какіе во всѣ времена были въ Православной Греческой Церкви. Усматривая таковое единообразіе и неизмѣняемость Православной Вѣры въ отечествѣ нашемъ, безъ сомнѣнія, каждый Россіянинъ желаетъ знать, какимъ образомъ неоцѣненныя сокровища вѣры, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, непрестанно переходя изъ рода въ родъ не утратились, не потеряли своего достоинства, но до нашихъ

временъ сохранились во всей цѣлости и чистотѣ?

Исторія открываетъ намъ почти непрестанныя опасности, въ которыя Церковь наша была поставляема злоухищреніями врага своего. Возставали Еретики, которые своими лжемудрованіями старались возмутить ея спокойствіе, и даже потрясти самыя основанія ея (4); являлись лжепастыри Христова Стада, которые иногда священный жезлъ свой превращали въ бичь, разрушающій благосостояніе пасомыхъ ими (5), иногда вмѣсто благоухающаго слова жизни, износили смертную воню ложнаго и Богопротивнаго ученія своего (6), иногда изъ угожденія своимъ страстямъ нарушали церковныя правила и Священную власть свою дерзали употреблять на разрушеніе Церкви, а не на утвержденіе и сохраненіе оной (7). Наконецъ не только на Великокняжескомъ (3), но и на Первосвятительскомъ Престолѣ (9), Церковь видѣла своихъ враговъ, которые, забывъ Бога и совѣсть, хотѣли въ предательствѣ ея Папской власти найти средство къ своему возвышенію и славѣ. Нельзя никакъ думать, чтобы Церковь посредствомъ силъ человѣческихъ могла преодолѣть сіи опасности, тѣмъ болѣе, что она не рѣдко была поставляе-

ма въ оныя такими людьми, которые должны были быть ея столпами и утвержденіемъ. А посему въ сохраненіи православія нашей Церкви всякому открываются пути Провидѣнія, которое невидимо уготовляло ей различныя средства къ ея сохраненію и торжеству надъ врагами. Сіи непостижимые пути Провидѣнія, сокрытые отъ насъ отдаленностію временъ протекшихъ, открываетъ намъ Исторія Православныхъ Соборовъ, которые во всѣ времена были составляемы въ нашей Церкви для сохраненія ея цѣлости и безопасности. Она показываетъ намъ, какимъ образомъ плевелы Ересей, нерѣдко вносимые въ нашу Церковь чадами тьмы, были сожигаемы ревностію Святителей нашихъ, торжественно обличавшихъ Ересеначальниковъ и употреблявшихъ всѣ силы своея власти къ ихъ преслѣдованію и истребленію (10). Она представляетъ намъ опыты благоразумія нашихъ Пастырей, когда надобно было имъ вручать Первосвятительскій жезлъ мужу способному управлять всѣми дѣлами Церкви, и пещись о ея благосостояніи (11); опыты твердости ихъ духа и отеческой попечительности о благѣ Церкви, когда нужно было имъ бороться со внѣшними врагами, или отражать силу внутреннихъ

притязаній (12), опыты справедливости, строгости и безпристрастія, когда надобно было судить виновныхъ или въ нарушеніи покоя Церковнаго (13), или въ нарушеніи покоя Гражданскаго (14); наконецъ опыты Пастырской любви и стараній о внутреннемъ благосостояніи Церкви, когда нужно было поставлять правила касающіяся Церковнаго благочинія, образа жизни Духовныхъ лицъ, людей мірскихъ, и вообще всѣхъ членовъ Церкви (15). Кратко сказать, Исторія Соборовъ, бывшихъ въ нашей Церкви въ полномъ свѣтѣ открываетъ намъ все продолженіе Православной Вѣры нашей подъ сѣнію благодати Іисуса Христа, различныя состоянія и перемѣны нашей Церкви, ея враговъ и защитниковъ; и всюду послѣ взаимной борьбы тьмы со свѣтомъ представляетъ намъ торжество послѣдняго, нерѣдко тѣмъ болѣе блистательное, чѣмъ менѣе, по обыкновенному человѣческому сужденію, можно было ожидать онаго. По сему для каждаго истиннаго сына ея, желающаго видѣть благодатное въ ней присутствіе Іисуса Христа, познаніе Соборовъ, бывшихъ въ нашей Церкви, весьма полезно. Оно въ самомъ густомъ мракѣ временъ древнихъ откроетъ ему судьбу Церкви, и указывая на непрерывность Православна-

го ея исповѣданія, симъ самымъ научить нигдѣ не искать надежнѣйшаго пристанища, кромѣ ея Священнаго крова, ничему не слѣдовать въ жизни, кромѣ ея ученія и руководства, и наконецъ никого не любить всѣмъ сердцемъ и душею, кромѣ Іисуса Христа, который до нашихъ временъ сохранилъ всю ея славу и величіе, и насъ содѣлалъ свидѣтелями и причастниками Его неизреченныхъ благъ.

И такъ раскроемъ отечественныя наши лѣтописи, соберемъ ихъ свидѣтельства, и на основаніи оныхъ, постараемся положить хотя слабое начертаніе Исторіи Соборовъ, бывшихъ въ нашей Церкви отъ ея начала, до временъ Іоанна IV Васильевича Грознаго (16).

I. Соборъ Кіевскій.

Первый Соборъ Россійской Церкви былъ въ 1051—годѣ при Великомъ Князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ, по прошествіи сорока девяти лѣтъ послѣ введенія въ Россіи Христіанской вѣры. Причиною онаго было желаніе Великаго Князя, вопреки прежнему обыкновенію принимать Митрополитовъ изъ Греціи, избрать Митрополита изъ Россіянъ безъ отношенія къ Константинопольскому Патріарху (17). Нельзя согласиться съ

позднѣйшими Лѣтописцами нашими, что военныя дѣйствія между Россіею и Греціею препятствовали Великому Князю имѣть сношеніе по сему дѣлу съ Патріархомъ; (18) ибо война была въ 1043 годѣ, и миръ, посвидѣтельству Нестора, заключенъ чрезъ три года послѣ сего (19). Впрочемъ нельзя утверждать и того, чтобы война сія не имѣла ни какого вліянія на сей поступокъ Великаго Князя; ибо она была несчастна для Россіянъ по той побѣдѣ, которую Греки одержали надъ ними близъ города Варны, и по тому безчеловѣчію, съ каковымъ они поступили съ нашими плѣнниками въ Константинополѣ (20). Зная характеръ Великаго Князя, Гражданское и Церковное состояніе Россіи въ то время, весьма легко угадать причину такого поступка. Ярославъ любилъ свое отечество болѣе всего; всѣ желанія его были устремлены единственно къ тому, чтобы, водворивъ въ нѣдрахъ Россіи миръ и благоденствіе, содѣлать ее славною для народовъ чуждыхъ, и страшною врагамъ. Онъ помнилъ многократныя войны предковъ своихъ съ Греками; зналъ гордость Греческихъ Императоровъ, ихъ непостоянство въ сохраненіи мирныхъ условій, покушенія противъ нашего отечества при благопріятныхъ обстоя-

тельствахъ; самъ испыталъ ихъ жестокость и вѣроломство (21). По сему и во время мира не могъ имѣть къ нимъ искренней довѣренности, опасался ихъ всегда, и будучи союзникомъ знаменитыхъ Государей Европейскихъ, не хотѣлъ никогда быть отъ нихъ зависимымъ. И такъ могъ ли онъ равнодушно взирать на зависимость Россійскаго Духовенства отъ Патріарха Константинопольскаго? И при томъ могъ ли не опасаться, чтобъ Греки, утвердивъ въ Россіи Церковную власть свою, посредствомъ оной не стали какъ нибудь пролагать себѣ пути и къ утвержденію въ ней гражданскаго владычества? Какъ бы то ни было, зависимость каѳедры Митрополитской отъ Патріарха Константинопольскаго нѣкоторымъ образомъ унижала Престолъ Россійскій въ глазахъ Константинопольскаго двора;—и Ярославъ, любимый народомъ, уважаемый иностранными дворами, хотѣлъ возвысить Тронъ свой предъ Императоромъ Греческимъ, содѣлавъ Митрополита своего независимымъ отъ Константинопольскаго Патріарха. При томъ состояніе Церкви нашей въ сіе время соотвѣтствовало таковому желанію Великаго Князя.

Уже время младенчества ея окончилось; свѣтъ Евангелія проникъ въ самые отдаленные краи Россіи; вездѣ разрушены были идольскія капища, и на ихъ мѣстахъ возвышались Божіи храмы; строились Монастыри, учреждались училища; Христіанское просвѣщеніе и благочестіе всюду приносили обильные плоды (22). Духовенство Россійское, уважаемое Государемъ и народомъ, отличалось усердіемъ къ Вѣрѣ, бдительнымъ попеченіемъ о своей Паствѣ, любовію къ просвѣщенію и благочестивою жизнію. Кратко сказать, Церковь Россійская въ сіе время уже довольно утвердилась на камени православія, и по всей земли Руской (по свидѣт. Лѣт.) курился предъ Богомъ Фиміамъ молитвенный (23). И такъ почему же не утвердить было въ Россіи собственную свою Іерархію, когда уже не было никакой особенной нужды въ Пастыряхъ Греческихъ? По чему не возвесть на Митрополитскій Престолъ кого нибудь изъ сыновъ Россійской Церкви, когда уже много было способныхъ управлять ея кормиломъ? Будучи сыномъ отечества, онъ безъ сомнѣнія съ большею вѣрностію и ревеніемъ могъ заниматься ввѣренными ему дѣлами, и по естественной любви къ отечеству, всегда неутомимо пещися и о благѣ Церкви, и о благѣ

Государства. Мудрый Ярославъ видѣлъ всю возможность и необходимость имѣть Митрополитомъ Россіянина; посему и рѣшился поставить его безъ отношенія къ Патріарху. Конечно сей поступокъ Ярослава былъ непріятенъ и Императору и Патріарху; но они не имѣли права требовать отъ него зависимости въ дѣлахъ церковныхъ. Они должны были токмо радоваться о распространяющемся въ Россіи Православіи, какъ первые насадители онаго; своими совѣтами и наставленіями поддерживать оное и утверждать.

И такъ, рѣшившись непремѣнно видѣть Церковь Россійскую въ независимости отъ Константинопольскаго Патріарха, Ярославъ созываетъ Епископовъ Рускихъ въ Кіевъ, Столицу Государства, гдѣ онъ устроилъ для Митрополита и Каѳедральную Соборную Церковь во имя Софіи, великолѣпно украшенную златомъ, сребромъ, мусіею и драгоцѣнными (24) сосудами. Лѣтописи не сохранили намъ ни одного имени Святителей Россійскихъ присутствовавшихъ на семъ Соборѣ; хотя всѣ они, какъ можно думать (25), присутствовали на ономъ. Когда по предложенію Великаго Князя нашли они возможнымъ на основаніи Апостольскихъ правилъ законнымъ образомъ рукоположить Митрополита Россійской

Церкви безъ отношенія къ Патріарху; тогда Великій Князь представляетъ имъ Иларіона, мужа отличнаго по своимъ свѣденіямъ, благочестивой жизни и трудамъ подвижническимъ (26). Избранный Государемъ, былъ утвержденъ Соборомъ въ достоинствѣ Митрополита Церкви Россійской, и къ радости Государя и народа рукоположенъ нашими Епископами въ новой Софійской Церкви.

Судя по предмету, для котораго составленъ былъ Соборъ, нельзя думать, чтобы онъ продолжался долгое время, тѣмъ болѣе, что самъ Князь непосредственно участвовалъ въ дѣлахъ онаго и самъ избралъ Митрополита.

Новый Митрополитъ былъ независимымъ Владыкою Россійской Церкви, доколѣ живъ былъ Ярославъ; послѣ съ упадкомъ Государства, затмилась и слава Церковной Іерархіи. Она паки содѣлалась зависимою отъ Константинопольскаго Патріарха. Самъ Иларіонъ принужденъ былъ просить грамоты изъ Царя-Града, дабы утвердить себя на Митрополитскомъ Престолѣ (27).

II. Соборъ Кіевскій.

Со смертію Ярослава Великаго все перемѣнилось въ Россіи; и дѣла гражданскія, и дѣла цер-

ковныя приняли совсѣмъ другой ходъ. Россія опять раздѣленная на удѣльныя княженія, лишилась внутренней силы и могущества; междоусобія удѣльныхъ Князей истощили народныя силы, потрясли Великокняжескій Престолъ, и пріуготовили наконецъ Россіи тяжкое иго рабства, которое она носила два вѣка съ половиною.

Въ разстроенномъ и униженномъ состояніи отечества, Церковь наша, блистая внутреннею славою благочестивыхъ и ревностныхъ подвижниковъ, не могла стоять на той степени внѣшняго величія, на которой была постановлена Ярославомъ. Патріархи Константинопольскіе паки воспріяли надъ нею полную власть, управляли ею по своей волѣ, и поставляли своихъ Митрополитовъ. Впрочемъ тогда, когда брани и неустройства заграждали соотечественникамъ нашимъ путь въ Грецію и препятствовали имѣть съ Патріархомъ сношеніе, или когда въ самой Патріархіи происходили безпорядки, въ Церкви нашей были составляемы Соборы по дѣламъ церковнымъ; хотя опредѣленія соборныя по большой части послѣ были представляемы на утвержденіе Патріарху, и тогда имѣли полную силу, когда были имъ утверждаемы. По такой причинѣ былъ составленъ въ Россіи второй Со-

боръ въ 1147 годѣ при Великомъ Князѣ Изяславѣ Мстиславичѣ (28).

Въ Кіевѣ не стало Митрополита. Михаилъ Грекъ, видя непрестанныя волненія въ землѣ Руской, междоусобія удѣльныхъ Князей, несчастное состояніе граждань, разстроенныхъ внутренними войнами, не могъ спокойно управлять Россійскою Церковію; хотя Церковь, несмотря на всѣ сіи безпорядки и неустройства, была спокойна. Князья Россійскіе, сколько ни были водимы враждебнымъ духомъ властолюбія и неповиновенія къ Великому Князю, всегда прибѣгали къ Митрополиту, какъ къ отцу, совѣтовались съ нимъ въ дѣлахъ гражданскихъ; во время распрей искали его покровительства и посредничества, и по его содѣйствію и благословенію заключали миръ (29). По сему вѣроятно, послѣ многихъ съ своей стороны усилій водворить въ нѣдрахъ Россіи миръ и тишину, соединить ея владѣтелей узами любви, и единодушнаго стремленія къ общему благу отечества, Михаилъ, мужъ благочестивый и святый, не имѣя никакой надежды видѣть въ благоденствіи Россію, оставилъ Кіевъ, и, возвратившись въ свое отечество, мирно дожидалъ кончины дней своихъ. (30) Болѣе года Церковь Россійская была безъ

Пастыря. Нельзя думать, чтобы при разстроенномъ состоянiи Государства отъ раздѣленiя верховной власти, и Церковь не была также подвержена какимъ нибудь безпорядкамъ и неустройствамъ отъ раздѣленiя между многими Пастырями верховной власти Митрополита во время его отсутствiя. Но хотя бы не было и сего, уже смерть Митрополита должна была обратить вниманiе Великаго Князя на дѣла церковныя, и позаботиться о избранiи новаго Пастыря Церкви. Въ Царьградѣ въ сiе время не только Престолъ Императорскiй, но и Патрiаршескiй, содѣлавшись предметомъ любочестiя и ласкательствъ, непрестанно колебался. Михаилъ Окситъ добровольно сложилъ съ себя власть Патрiарха, желая лучше въ частной уединенной жизни наслаждаться спокойствiемъ, нежели управляя всею Восточною Церковiю, быть подверженнымъ всегдашнимъ безпокойствамъ отъ внѣшнихъ враговъ Церкви. Козма Аттикъ, преемникъ его только десять мѣсяцовъ сидѣлъ на Престолѣ; былъ низверженъ завистливыми врагами своими. Послѣ его совсѣмъ нестало главы въ Греческой Церкви; и почти цѣлый годъ не было никого на Патрiаршескомъ Престолѣ (31). По сему или должно было ожидать новаго Па-

тріарха въ Константинополѣ, дабы отъ него получить новаго Митрополита Россіи; или уже не ожидая сего избрать и поставить Митрополитомъ Россіянина Соборомъ Россійскихъ Епископовъ. Великій Князь не могъ знать, скоро ли утвердится порядокъ въ Патріархіи, и волнующаяся Греческая Церковь будетъ имѣть Верховнаго Пастыря; не могъ также не опасаться, дабы не произошло разстройства въ Россійской Церкви отъ долгаго ожиданія новаго Митрополита; а можетъ быть еще опасался, что и вновь присланный изъ Греціи Митрополитъ подобно Михаилу оставитъ Россійскую Церковь въ случаѣ безпорядковъ и неустройства въ Россійскомъ Государствѣ. Посему въ предупрежденіе вредныхъ слѣдствій, которыя легко могли произойти въ Церкви безъ Верховнаго ея Пастыря, а можетъ быть и желая утвердить въ Россіи независимую отъ Константинопольскаго Патріарха Іерархію, онъ по примѣру Великаго прадѣда своего Ярослава Владимировича, рѣшился поставить Митрополита Россіянина, Соборомъ Россійскихъ Епископовъ.

По повелѣнію Великаго Князя собрались въ Престольный градъ Россійскаго Государства и Митрополіи—Кіевъ шесть Епископовъ Рускихъ:

Онуфрій Черниговскій, Өеодоръ Бѣлогородскій, Даміанъ Юрьевскій, Өеодоръ Владимирскій, Нифонтъ Новгородскій и Мануилъ Смоленскій (32). По сказанію нѣкоторыхъ, къ симъ шести Святителямъ, надобно еще причислить Евфимія Епископа Переяславскаго, Іоакима Туровскаго и Козму Полоцкаго (33). Одни удивились предложенію Великаго Князя избрать новаго Митрополита безъ отношенія въ Царьградъ; ибо послѣ временъ Ярославовыхъ, всегда Митрополиты были присылаемы изъ Греціи: другіе, державшіеся обыкновеній, а не духа и силы законовъ, негодовали за сіе на Великаго Князя и прекословили его повелѣніямъ, почитая за грѣхъ, имѣть Митрополита неблагословленнаго Патріархомъ и неизбраннаго священнымъ Соборомъ въ Софійскомъ Константинопольскомъ храмѣ,—какъ будто Пастыри Россійской Церкви не тою же были облечены властію отъ Господа, какою Пастыри Церкви Греческой, сами избирающіе себѣ Патріарховъ, и какъ будто не такой же храмъ Св. Софіи былъ въ Кіевѣ, какой въ Царьградѣ; нѣкоторые безпристрастные и благоразумные Пастыри, желавшіе исполнить волю Великаго Князя, согласную съ пользою Церкви, честію Государства, и не противную зако-

ніямъ и постановленіямъ Св. Апостоловъ, единодушно согласились съ предложеніемъ Великаго Князя, и избрали Владыкою Россійской Церкви Климента, Смоленскаго затворника и схимника, мужа знаменитаго мудростію, писаніями и жизнію благочестивою (34). Лѣтописцы съ удивленіемъ повѣствуютъ объ его учености и свѣденіяхъ; говорятъ, что до его времяни, не было равнаго ему на землѣ Руской, что онъ непрестанно занимался умозрѣніями Философскими, чтеніемъ различныхъ книгъ, и въ особенности Священныхъ; много писалъ, и самъ удаляясь отъ всѣхъ, между всѣми распространялъ назидательныя свои творенія, заботясь о просвѣщеніи и спасеніи своихъ ближнихъ (35). Изъ числа противившихся желанію Великаго Князя особенно достоинъ замѣчанія по своей упорности, привер-женности къ Патріаршескому Престолу, Нифонтъ Епископъ Новогородскій, который говорилъ предъ лицемъ Собора, что поставить Митрополита Россійской Церкви безъ отношенія къ Патріарху противно преданію Восточной Церкви, крещеніемъ просвѣтившей землю Рускую и давшей перваго Митрополита Россійской Церкви Михаила, рукописаніемъ утвердившаго, что никто не долженъ быть Митрополитомъ въ Россіи, кро-

мѣ поставленнаго въ Константинопольскомъ Софійскомъ Соборѣ; и что они сами приняли рукоположеніе отъ Михаила, Митрополита Греческаго, слѣдовательно не могутъ избрать и рукоположить сами собою Митрополита Россійскаго (36). Сего мнѣнія держались нѣкоторые другіе Епископы, именно: Мануилъ Смоленскій, Ѳеодоръ Бѣлогородскій, Евѳимій Переяславскій, Іоакимъ Туровскій, и не бывшій на Соборѣ Епископъ Полотцкій—лютый врагъ и гонитель новаго Митрополита, многіе и другіе изъ всѣхъ сословій люди по предубѣжденію къ необходимости Патріаршескаго благословенія, основанному на обыкновеніи, а не на силѣ и духѣ законовъ и постановленій Церковныхъ (37). Вопреки словамъ Пастыря Новгородскаго, сильнымъ по духу времени, Онуфрій Святитель Черниговскій съ прочими Епископами настоятельно требовалъ, чтобы была исполнена воля Великаго Князя, согласная съ правилами Апостольскими и пользою Россійской Церкви. Онъ говорилъ, что Епископы безпрекословно могутъ избрать и рукоположить Митрополита для своей Церкви на основаніи Апостольскихъ правилъ, и что таковое постановленіе безъ сомнѣнія законно и справедливо (38). И кто безпристрастно разсужда-

ющій не согласится съ симъ истиннымъ Пастыремъ Церкви, безъ всякихъ предразсудковъ взирающимъ на справедливость дѣла? Неужели противно православію Церкви, естьли ея глава будетъ избранъ ея же членами; естьли Верховный Пастырь будетъ признанъ достойнымъ своего сана тѣми, коихъ долженъ онъ будетъ пасти, какъ овецъ своихъ? Не болѣе ли согласно съ пользою нашей Церкви, естьли Владыкою будетъ тотъ, кто и рожденъ и воспитанъ въ ея нѣдрахъ, слѣдовательно мужъ по самой природѣ уже обязанный блюсти ея цѣлость и славу, и съ самаго младенчества имѣвшій непрерывные случаи пріобрѣсти вѣрныя и основательныя свѣденія о характерѣ, нравахъ и вообще состояніи членовъ Церкви и ея Пастырей? Между тѣмъ противно и духу Религіи и законамъ Соборнымъ и гражданскимъ оставлять паству безъ Пастыря, и давать случай разстройству и безпорядкамъ Церковнымъ тогда, какъ можно законнымъ образомъ даровать ей онаго и симъ утвердить порядокъ дѣлъ Церковныхъ. Такъ, всякой видитъ справедливость предложенія Князя и согласнаго съ онымъ мнѣнія Епископа Черниговскаго; но на Соборѣ въ то время долго спорили и колебались обѣ стороны. Примѣръ

Ярослава Великаго ни сколько не подѣйствовалъ; наконецъ благоразумное предложеніе Пастыря Черниговскаго рѣшило споръ и успокоило волнующихся къ удовольствію Великаго Князя и другихъ, согласныхъ съ его волею. Онъ сказалъ, что въ Греціи издревле есть обыкновеніе посвящать Патріарха Константинопольскаго рукою Іоанна Крестителя, послѣ избранія его въ сей санъ Священнымъ Соборомъ Пастырей Греческихъ. Въ Кіевѣ хранится подобная Святыня, честная и чудотворная глава Священномученика Папы Римскаго Климента; почему посвященіе сею главою Митрополита Россійскаго, избраннаго Пастырями Россійской Церкви, также должно быть равной важности и силы (39). Предложеніе странное и необыкновенное; но никто не могъ его оспорить. Ибо подобное сему происходило и въ Церкви Греческой. Всѣ согласились съ мнѣніемъ Онуфрія; одинъ Нифонтъ не убѣдился, и хотя не могъ уже спорить на Соборѣ, однако рѣшился не признавать законнымъ Владыкою новаго Митрополита и осуждалъ Епископовъ, какъ человѣкоугодниковъ (40). Избранный на Соборѣ Митрополитъ къ утѣшенію Великаго Князя и истинныхъ сыновъ Церкви съ благоговѣніемъ принялъ Соборное опредѣленіе,

вышелъ изъ молчальной кельи своей, торжественно въ сопровожденіи знатнѣйшаго Россійскаго Духовенства вступилъ въ Софійскій храмъ, и былъ тамъ посвященъ главою Святаго Климента 27 Іюля 1147 года. Симъ торжественнымъ посвященіемъ Митрополита кончилось собраніе Пастырей Церкви (41). Къ сожалѣнію плоды сего Собора не столь были значительны, сколь многаго стоило труда привести въ исполненіе предложеніе Великаго Князя. Скоро и въ Митрополіи Россійской произошли такіе же безпорядки, какіе въ Патріархіи Константинопольской. Климентъ не долго правилъ Церковію; былъ изгнанъ новымъ Княземъ. Избранный на его мѣсто Митрополитъ вскорѣ былъ смѣненъ новымъ присланнымъ отъ Патріарха (42). И съ сихъ поръ Патріархи опять начали посылать Митрополитовъ въ Кіевъ. Продолжавшееся разстройство Государства болѣе и болѣе утверждало неприкосновенность власти ихъ; а долговременная къ ней привычка Духовенства и народа Россійскаго усиливала всеобщее къ нимъ уваженіе, даже иногда до безразсудности.

III. Соборъ Кіевскій.

Прошло десять лѣтъ послѣ того, какъ Пастыри отечества нашего собирались въ Столицу Православія — Кіевъ, для избранія Первосвятителя нашей Церкви;—и въ Кіевѣ опять составляется Соборъ, третій по порядку времени, но первый по своей важности и предмету, противъ Мартина Еретика, Патріарха раскольниковъ нашихъ (43).

Мартинъ, Монахъ, сынъ Армянскаго Священника, пробывъ семь лѣтъ въ Римѣ, гдѣ непрестанно раждались Ереси, одна послѣ другой, принесъ ихъ съ собою въ Кіевъ, и началъ распространять ихъ не только между простымъ народомъ, но даже между Пастырями Церкви, слабыми въ вѣрѣ. Ученіе его не было новое, имъ самимъ вымышленное, но смѣсь различныхъ заблужденій и Ересей; частію заимствовано отъ Армянъ, соотечественниковъ его, частію отъ Азимитовъ, частію наконецъ отъ древнѣйшихъ враговъ Православія: Евтихія, Діоскора, Аполлинарія; почему оно и называется въ Исторіи смѣшеннымъ. Касаясь не однихъ только обрядовъ и преданій Церковныхъ, но и самыхъ Догматовъ Вѣры, онъ старался поколебать и по-

рядокъ Церковный и ученіе Православное. Дабы болѣе привлечь къ себѣ вниманіе народа Рускаго, и заслужить уваженіе Духовенства, онъ употреблялъ обманъ и хитрость; назвалъ себя Грекомъ, и что всего важнѣе для тогдашняго народа и Духовенства нашего, родственникомъ Патріарха Константинопольскаго. Пользуясь довѣріемъ къ своему обману, простотою мало просвѣщенныхъ, и еще не довольно утвержденныхъ въ вѣрѣ, онъ смѣло въ теченіи двухъ лѣтъ разсѣевалъ свои заблужденія и устно и письменно; многіе не только изъ простаго народа, но и изъ Духовныхъ обратились къ нему, охотно приняли льстивое его ученіе и отпали отъ единства вѣры. Возмутился покой нашей Церкви; въ одномъ мѣстѣ Пастырь не находилъ своихъ овецъ, похищенныхъ волкомъ симъ; въ другомъ овцы блуждали безъ Пастыря, оставившаго ихъ; во многихъ храмахъ измѣнился порядокъ Богослуженія и стали слѣдовать нововведеннымъ обычаямъ. Зло посѣянное имъ непрестанно распространялось и укоренялось, и наконецъ столь пагубныя произвело слѣдствія, что для изкорененія онаго необходимо потребны были усилія всего Духовенства Россійскаго.

Митрополитъ Константинъ, бдительный по-

печитель Церковнаго благочинія, и истинный Пастырь Христова стада, видя Церковь въ великомъ смущеніи и разстройствѣ повелѣлъ не токмо знаменитымъ особамъ Духовнымъ, но всему Духовному чину собраться въ Кіевъ въ 1157 годѣ при Великомъ Князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ, дабы предъ лицемъ всего Собора Пастырей Россійскихъ обличить лжеучителя, обратить къ Православію отторженныхъ имъ отъ единства вѣры, и предавъ проклятію упорныхъ его послѣдователей водворить тишину и спокойствіе въ Церкви.

Сначала не было Еретика на Соборѣ; разсуждали только одни Пастыри Церкви. Митрополитъ раскрываетъ предъ всѣми раны Церкви нашей; съ сожалѣніемъ говоритъ о страшномъ возмущеніи, произведенномъ врагомъ Православія между истинными ея чадами; требуетъ совѣта предпринять какія нибудь мѣры къ исправленію сего зла, — и среди самаго собранія Священнаго находитъ такихъ Пастырей, которые не стыдились по простотѣ своей защищать богопротивное ученіе, объявляли его истиннымъ, и ни какъ не хотѣли признаться въ своемъ заблужденіи. И на Соборѣ произошло великое смятеніе, такое же, какое было и въ Церкви въ сіе

время. Митрополитъ не могъ успокоить волнующихся, и всѣхъ обратить къ единодушному обличенію возмутителя; рѣшился наконецъ самъ обличить его предъ лицемъ всего Собора, и вмѣстѣ съ нимъ тѣхъ, которыхъ онъ уловилъ въ свою сѣть.

По повелѣнію Первосвятителя призвали Мартина на Соборъ. Нельзя не удивляться кротости, снисходительности и терпѣнію Митрополита, когда онъ спрашивалъ сего страшнаго врага Христіанскаго на Соборѣ, и обличалъ его въ заблужденіяхъ! Онъ явилъ себя истиннымъ Пастыремъ, который съ сожалѣніемъ взираетъ на заблудившагося и кроткими увѣщаніями и обличеніями старается исцѣлить раны его и другихъ прельщенныхъ имъ. Сначала Митрополитъ спрашивалъ его о мѣстѣ его рожденія и воспитанія, о времени прибытія въ Россію и причинѣ сего послѣдняго. Еретикъ отвѣчалъ ему притворно, что онъ родился и былъ воспитанъ въ Константинополѣ, и пришелъ въ Кіевъ въ 1149 годѣ видѣть Россію и житіе Россіянъ честное. Симъ отвѣтомъ безъ сомнѣнія онъ хотѣлъ возбудить всеобщее къ себѣ уваженіе, какъ къ человѣку родившемуся и воспитанному въ самой столицѣ Православія, изъ которой Россіяне по-

лучили свою Вѣру. Потомъ Митрополитъ обратился къ его ученію и обличалъ его въ томъ, что оно противно истинной вѣрѣ, преданной намъ Св. Апостолами и Отцами Церкви, хотя Мартинъ вопреки ему осмѣливался православное ученіе наше, принятое отъ Восточной Церкви торжественно называть противнымъ и новымъ. Обличеніе сіе состояло въ изложеніи различныхъ заблужденій, коими наполнена была книга его, носившая на себѣ Священное имя *правды*. Во первыхъ Митрополитъ обличалъ его въ томъ, что онъ въ первой главѣ своего ученія по Ереси Армянской учитъ совершать Евхаристію на одномъ винѣ безъ воды, научая его, что сіе несогласно ни съ обыкновеніемъ Восточной Православной Церкви, ни съ Св. Писаніемъ, въ которомъ говорится, что изъ прободеннаго ребра Іисусова истекла и кровь и вода. Далѣе въ томъ, что онъ во второй главѣ учитъ совершать Евхаристію на опреснокахъ, а не на квасномъ хлѣбѣ, какъ должно по преданію Православной Церкви. Потомъ укорялъ его, что вопреки Апостольскимъ и Отеческимъ постановленіямъ, онъ учитъ поститься въ Субботу, Среды, Пятки на сплошныхъ недѣляхъ и Пасхѣ, а на противъ въ Великую Субботу разрѣшаетъ на сыръ, яйца

и рыбу; а такимъ образомъ превращаетъ совершенно Церковный порядокъ, издревле установленный Св. Отцами Церкви. Дерзкій обманщикъ не устыдился и въ семъ случаѣ противорѣчить Архипастырю, торжественно увѣряя его, что въ Православной Греческой Церкви происходитъ точно такъ, какъ онъ учитъ. Такъ почиталъ онъ Духовенство наше простымъ, легковѣрнымъ и не утвержденнымъ въ вѣрѣ! Потомъ Владыка продолжалъ обличать Мартина въ томъ, что онъ кромѣ того, что учитъ употреблять при совершеніи Евхаристіи опрѣсноки и притомъ подъ печатью распятія, а не двоечастнаго креста, который обыкновенно изображается у Грековъ на просфорахъ, совершенно отметаетъ проскомидію подобно Латинянамъ, запрещаетъ Мѵропомазаніе при крещеніи, обращеніе на Востокъ во время молитвы; велитъ во всѣхъ Церковныхъ обрядахъ, какъ то при крещеніи, рукоположеніи и т. п. ходить по солнцу, а не противъ солнца. Симъ словамъ Святителя хитрый Еретикъ хотѣлъ противуположить не только то, что такъ происходитъ во всей Восточной Церкви, но даже и во многихъ Россійскихъ Церквахъ, надѣясь можетъ быть, что многіе изъ его послѣдователей бывшихъ на Соборѣ, по его ука-

занію на нихъ, примутъ его сторону, и вмѣстѣ съ нимъ общими силами будутъ защищать ложное его ученіе. Но онъ обманулся въ своей надеждѣ; ибо истина уже открылась предъ очами тѣхъ, кои обманулись его ученіемъ. Они увидѣли, что всѣ слова Святителя Божія, исполненныя кротости и любви, были истинно справедливы; напротивъ же неосновательные отвѣты Мартиновы были ни что иное, какъ хитрый, дерзкій обманъ, соединенный съ притворнымъ униженіемъ предъ Митрополитомъ и лестію ко всему народу Рускому. Посему торжественно раскаялись предъ Митрополитомъ въ своемъ заблужденіи, и сказали, что все противное уставамъ и обрядамъ Православной Церкви они начали дѣлать уже послѣ того, какъ по невѣденію своему были прельщены его ученіемъ: а до того времени поступали точно такъ, какъ учитъ Митрополитъ. Сіе отступленіе отъ Мартина нѣкоторыхъ, пріявшихъ его ученіе, и всенародное ихъ раскаяніе, долженствовало возбудить въ немъ спящую совѣсть, и разположить его самаго къ раскаянію; однако онъ и послѣ сего не преставалъ еще противорѣчить Митрополиту, и ученіе свое признавать истиннымъ. Митрополитъ обличалъ его еще въ томъ, что

онъ разрѣшалъ Монахамъ есть мясо, признавалъ во Іисусѣ Христѣ одно естество, и училъ, что онъ принесъ плоть съ неба; повелѣвалъ Аллилуія говорить дважды, полагать крестное знаменіе сперва на лѣвое плѣчо, а не на правое, слагать первый ручный перстъ съ двумя послѣдними, а указательнымъ и среднимъ благословлять и креститься. Для утвержденія послѣдняго правила своего Мартинъ не убоялся привести свидѣтельство Блаженнаго Феодорита, котораго нельзя найти ни въ одномъ его сочиненіи, и правило Ефесскаго Собора, котораго никогда не было, клятвенно увѣряя, что и то и другое онъ самъ видѣлъ, и читалъ въ Греческихъ книгахъ; и что по этому вся Греція такъ поступаетъ. Однако не взирая на сіи доказательства обманщика, повидимому сильныя, поборникъ истины твердо держался обыкновенія древняго и изъяснялъ таинственный смыслъ онаго и основаніе словами Святителей Россійскихъ Михаила и Ѳеопемпта. Наконецъ обличилъ его и въ послѣднихъ главахъ его лжеученія, именно въ томъ, что онъ велитъ поставлять храмы олтаремъ на полдень, а не на востокъ, и отправлять Литургію по обыкновенію Латинскому, а не Греческому. Думая, что обличен-

ный Еретикъ на семъ же самомъ Соборѣ принесетъ торжественное покаяніе и обратится къ Православной Вѣрѣ, онъ съ кротостію увѣщавалъ его и убѣждалъ, дабы онъ престалъ возмущать спокойствіе истинныхъ Христіанъ; но можно ли ожидать исправленія отъ такого человѣка, который не смотря ни на торжественное собраніе, ни на кроткое и милостивое съ нимъ обхожденіе Первосвятителя Россійской Церкви, ни даже на самое отступленіе отъ него его послѣдователей, съ дерзостію и безстыдствомъ непрестанно произносилъ ложь, и никогда не смущался? Нѣтъ, онъ, не смотря на гнусной поступокъ свой и явный обманъ, не преставалъ спорить на Соборѣ, не согласился признать ученія своего ложнымъ, и не покорился обличившему его Митрополиту.

По сему всѣ Пастыри, присутствовавшіе на Соборѣ, воздавъ достодолжную благодарность своему Владыкѣ за праведное обличеніе Еретика, единогласно предложили ему совѣтъ, дабы для лучшаго свидѣтельства истины его словъ, и совершеннаго обличенія ложнаго ученія Мартинова, все дѣло сіе перенести на судъ къ Константинопольскому Патріарху, и отъ него ожидать совершеннаго рѣшенія. И въ самомъ дѣлѣ

что болѣе могло подѣйствовать на умы и сердца Россіянъ, преданныхъ ученію Греческой Церкви, какъ не рѣшеніе Патріарха Православнаго? Что болѣе могло разогнать густую мглу, которою Мартинъ успѣлъ покрыть Россійскую Церковь, какъ не тотъ свѣтъ, которой они привыкли видѣть въ ученіи Восточномъ? Митрополитъ видѣлъ пользу сего благоразумнаго совѣта Пастырей, и безпрекословно согласился на оный. Посему въ томъ же годѣ Іюня 19 дня онъ отправилъ Іеромонаха Исаію въ Царьградъ съ посланіемъ къ Патріарху, въ которомъ изложилъ все ученіе Мартиново, Соборные противъ онаго вопросы и отвѣты на оные; а Мартина приказалъ содержать подъ крѣпкою стражею.

Въ Кіевѣ стало спокойно послѣ сего. Всѣ были довольны опредѣленіемъ Соборнымъ; хвалили мудрость Митрополита, досадовали на возмутителя и ожидали рѣшенія его участи. Прекратились собранія Пастырей, и по прежнему вездѣ утвердился порядокъ Церковный. Должно думать, что смущалась въ сіе время одна душа Мартинова; заключенный въ темницу, онъ не могъ нигдѣ разсѣять мрачныхъ мыслей своихъ; лишенный свободы не могъ болѣе дѣйствовать

и исполнять коварныхъ намѣреній своихъ. Не было ни откуда ему надежды. Ибо совѣсть его не могла молчать тогда, когда все говорило противъ нее, и возбуждало ее отъ страшнаго усыпленія; не могла не обличать его тогда, какъ онъ торжественно былъ обличенъ въ его неправдѣ и заблужденіяхъ коварныхъ, и ничего болѣе не могъ ожидать далѣе, кромѣ обличенія и наказанія.

Годъ и четыре мѣсяца пробылъ въ Константинополѣ посланный къ Патріарху отъ лица Собора Россійскихъ Пастырей, ожидая рѣшенія сего важнаго дѣла. Возвратившись въ Кіевъ вмѣстѣ съ Посланникомъ Патріаршескимъ Архимандритомъ Игнатіемъ, онъ предсталъ предъ Митрополита, разказалъ ему подробно все, что происходило по сему дѣлу въ Константинополѣ, и принесъ Соборный свитокъ, въ которомъ изложено было определеніе Константинопольскаго Собора, составленнаго по сему случаю Патріархомъ и продолжавшагося три дни.

Митрополитъ приказалъ перевести свитокъ сей съ Греческаго языка на Славянскій, дабы для всего народа былъ понятенъ, и торжественно прочесть его на новомъ Соборѣ, который онъ составилъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ.

Привели на Соборъ и Мартина. Изъ читаннаго увидѣли, что Патріархъ и всѣ Пастыри Греческой Церкви утвердили все то, что говорилъ Митрополитъ на Соборѣ, и опровергли все ученіе Мартиново, признавъ его Еретикомъ, врагомъ православія. Преданный проклятію въ Царьградѣ, Мартинъ былъ проклятъ и въ Кіевѣ. Должно его было отправить въ Царьградъ по приказанію Патріарха, дабы онъ, какъ Грекъ, получилъ тамъ достойную казнь; ожидали его покаянія и покорности.

Вспомнимъ, что Мартинъ торжественно былъ обличенъ Митрополитомъ на прежнемъ Соборѣ; приведенъ въ стыдъ и замѣшательство отступленіемъ отъ него всѣхъ его послѣдователей; шестнадцать мѣсяцевъ содержался подъ крѣпкою стражею, какъ возмутитель общественнаго покоя; кромѣ стыда и страха не могъ имѣть никакихъ другихъ ощущеній; былъ обличенъ и въ Царьградѣ Владыкою всѣхъ Православныхъ Пастырей и преданъ проклятію,—теперь самъ слышитъ среди торжественнаго собранія Пастырей Россійской Церкви громкія восклицанія: Анаѳема, рѣшительное осужденіе и отверженіе; вообразимъ всё это, и удивимся ли, естьли потряслась душа его и возмутилась усыпленная

совѣсть? Громъ проклятія поколебалъ всѣ чувства его, возбудилъ стыдъ, открылъ ему несчастное, гибельное его состояніе;—привычка противиться угрызеніямъ совѣсти потеряла свою силу, и, при первомъ движеніи сердечныхъ чувствованій, слезы полились обильнымъ источникомъ изъ очей его. Самою необходимостію поставленный въ униженное состояніе, онъ просилъ прощенія у всего Собора, и три дня назначены ему были для принесенія покаянія.

Прошли три дня, роковые для Мартина; но съ ними не прошли пагубныя его заблужденія. Безъ сомнѣнія, оставивъ торжественное собраніе Пастырей, онъ въ уединеніи размышлялъ о своей судьбѣ. Послѣ сильнаго боренія съ самимъ собою, послѣ жестокихъ мученій совѣсти, и тѣхъ страшныхъ ощущеній, которыя должны были волновать его сердце во время всеобщаго его осужденія, конечно душа его должна была нѣсколько успокоиться, и какъ бы забыть свое несчастное состояніе. Сими-то, кажется, страшными минутами спокойствія и забвенія воспользовался обольститель человѣковъ, и, ища погибели каждаго, совратилъ Мартина съ пути истиннаго покаянія. Воображенію размышляющаго Еретика снова представились тѣ мечты,

которыя увлекли его въ несчастныя заблужденія; онъ вспомнилъ о тѣхъ усиліяхъ, которыя употреблялъ онъ къ распространенію ложнаго своего ученія; стыдъ отъ сознанія заблужденій не столько дѣйствовалъ на его совѣсть, сколько стыдъ отъ безуспѣшности его предпріятій; страхъ обличенія и наказанія потерялъ силу отъ напраснаго страха видѣть себя совершенно исповѣдающимъ свои заблужденія. Съ другой стороны онъ не могъ также забыть и общаго гласа, осудившаго его на отторженіе отъ истинныхъ сыновъ Церкви, и внутренняго гласа совѣсти, обличавшаго его въ коварномъ его намѣреніи совратить Православныхъ съ пути истиннаго; не могъ забыть слезъ, пролитыхъ имъ предъ лицемъ всего Собора при первомъ движеніи сердца, возмущеннаго страшными впечатлѣніями, и начала покаянія, которое онъ уже принесъ, прося прощенія въ своихъ заблужденіяхъ. Посему душа его волновалась снова отъ нерѣшимости, признать ли себя совершеннымъ Еретикомъ и просить прощенія въ своихъ заблужденіяхъ, или снова утверждать свое ложное ученіе. Перваго требовали его обстоятельства, совѣсть и чувства; послѣдняго ложный стыдъ покаянія и упорное желаніе, даже вопреки со-

вѣсти своей, удержать хотя какое нибудь мнѣніе, несогласное съ правильнымъ ученіемъ Церкви. И такъ онъ рѣшился согласить то и другое; рѣшился и принести торжественное покаяніе въ нѣкоторыхъ своихъ заблужденіяхъ предъ лицемъ Собора, и вопреки ученію Церкви, утверждать справедливость нѣкоторыхъ своихъ мнѣній, и именно тѣхъ, которыя онъ заимствовалъ отъ древнѣйшихъ Еретиковъ Церкви, еще на Вселенскихъ Соборахъ преданныхъ проклятію Отцами Церкви. Можетъ быть, онъ чрезъ сіе притворное и несовершенное покаяніе надѣялся и освободить себя отъ проклятія Церковнаго, пресѣкавшаго ему всѣ способы къ достиженію его коварныхъ плановъ, и вмѣстѣ удовлетворить тайному своему честолюбію, непозволявшему ему совершенно признаться въ его заблужденіяхъ. Къ несчастію своему онъ обманулся въ сей надеждѣ, и строго былъ наказанъ правосудіемъ Небеснымъ за лицемѣріе, хитрость и нераскаянность свою!

Вѣроятно, не надѣясь сохранить въ памяти всего того, что приготовилъ онъ къ принесенію своего лицемѣрнаго покаянія, а можетъ быть и по требованію Собора для подлинности дѣла, онъ предалъ письмени свои отвѣты, и проливая

притворныя слезы, читалъ оные предъ Духовенствомъ Кіевскимъ, вновь собравшимся по сему дѣлу, въ присутствіи Митрополита. Кому изъ благочестивыхъ Христіанъ не пріятно видѣть обращеніе заблудившагося брата своего? Такъ, конечно Мартинъ тронулъ судей присутствовавшихъ на Соборѣ, повидимому чистосердечнымъ своимъ раскаяніемъ, излагая отдѣльно всѣ пункты ложнаго своего ученія, и признавая торжественно несправедливость онаго; слезы покаянія, проливаемыя имъ, безъ сомнѣнія привели въ умиленіе сердца слушателей — судей, и исторгли изъ нихъ слезы благодарности къ Богу, обратившему заблудившагося; можно думать, что многіе въ сердцахъ своихъ уже простили его, и молились, дабы Богъ простилъ его, когда слышали его проклинающимъ ученіе свое и всѣхъ держащихся онаго. Но кто постигнетъ тайну сердца человѣческаго? Кто узнаетъ, что подъ личиною кающагося грѣшника, предающаго проклятію всѣхъ, слѣдующихъ его ученію, еще скрывается страшный врагъ Православія, надъ главою котораго гремитъ громъ небеснаго проклятія? Мартинъ, принесши повидимому искреннѣйшее покаяніе во всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, наконецъ упорно началъ утвер-

ждать справедливость самыхъ важныхъ изъ оныхъ. Онъ утверждалъ мнѣніе Аполлинарія, Евтихія, Діоскора, что во Іисусѣ Христѣ одно естество, и что онъ плоть принесъ съ Неба, и прошелъ чрезъ утробу Дѣвы, какъ чрезъ трубу. И такимъ образомъ къ удивленію всѣхъ присудствовавшихъ на Соборѣ, опять явилъ себя упорнымъ врагомъ Православія, и открылъ лицемѣрное свое покаяніе.

Долго Митрополитъ убѣждалъ его принести истинное покаяніе и въ сихъ заблужденіяхъ своихъ;—но онъ остался непреклоннымъ къ истинѣ! Всеобщее проклятіе Пастырей Церкви, бывшихъ на Соборѣ въ послѣдній уже разъ возгремѣло надъ его главою, и возвѣстило ему вѣчное отторженіе отъ истинныхъ сыновъ Божіихъ.

Впрочемъ Милосердіе Божіе еще и послѣ сего ожидало его покаянія,—и онъ имѣлъ время принести оное, когда изъ Кіева былъ посланъ въ Царьградъ къ Патріарху для рѣшенія его судьбы; ибо онъ называлъ себя родственникомъ Патріарха. И тамъ долго Патріархъ врачевалъ его раны; но онъ, можетъ быть, не предвидя своей погибели, разтравлялъ ихъ и отвергалъ врачеваніе. Наконецъ не видя ни какой надежды къ его исправленію, и опасаясь вреднаго вліянія его

ученія на умы и сердца другихъ Христіанъ, Патріархъ осудилъ Мартина на сожженіе. Съ смертію его окончился Соборъ, продолжавшійся годъ и четыре мѣсяца. (44).

IV. Соборъ Кіевскій.

Недолго послѣ временъ Мартиновыхъ, миръ и тишина царствовали въ нѣдрахъ благословенной нашей Церкви. Еще громъ проклятія, которымъ былъ онъ пораженъ на Кіевскомъ Соборѣ, отзывался въ памяти многихъ, присутствовавшихъ на ономъ; еще свидѣтели тѣхъ несчастныхъ перемѣнъ, которыя Мартинъ старался произвести въ нашей Церкви, съ ужасомъ расказывали своимъ дѣтямъ о его ученіи и дѣлахъ, и едва ли сами успѣли забыть о всеобщемъ безпокойствѣ и смущеніи тѣхъ временъ,—и уже снова видять въ Церкви безпорядки, колебавшіе всеобщее спокойствіе чадъ ея. Изъ среды самыхъ Пастырей явились нѣкоторые отступники отъ древнихъ отеческихъ правилъ, осмѣлившіеся вводить новыя обыкновенія въ Церковь, и симъ самымъ породившіе въ ней расколы, которые возмутили простую вѣру тогдашнихъ Христіанъ, твердо державшихся священныхъ обычаевъ предковъ своихъ.

Сначала Леонъ, Епископъ Ростовскій, за корыстолюбіе и грабежъ изгнанный народомъ, и лишенный Епископскаго мѣста, (45) въ 1164 годѣ утверждалъ, что въ праздники Рождества Христова и Богоявленія, естьли они случатся въ Среду или Пятокъ, не должно ѣсть мяса (46). Но къ счастію Церкви, сіе новое ученіе его, соблазнительное для вѣрныхъ исполнителей Церковныхъ правилъ и обычаевъ древнихъ, пагубное для людей суевѣрныхъ и мало просвѣщенныхъ, оскорбительное для всѣхъ Пастырей, твердо сохранившихъ непреклонность древняго порядка и постановленій отеческихъ, скоро было опровергнуто и въ Россіи и въ Греціи Православными Іерархами. Въ Россіи Ѳеодоръ Епископъ Суздальскій обличилъ Леона предъ Князьями и народомъ; въ Греціи Адріанъ, Святитель Болгарскій, торжественно, въ присутствіи Императора Мануила и пословъ Россійскихъ, опровергъ его, и симъ самимъ предотвратилъ вредныя слѣдствія его ученія (47). Потомъ Поликарпъ, Игуменъ Кіевопечерскаго Монастыря въ 1168 годѣ, положилъ за правило въ своей обители во всѣ Господскіе Праздники, а) естьли они случатся въ Среду или Пятницу, ѣсть сыръ, яйца, мо-

а) Какъ то: въ праздникъ Срѣтенія Господня и другіе.

локо и масло. Постановленіе новое, совершенно различное отъ Леонова, но вмѣстѣ противное и правиламъ Церковнымъ! Къ сожалѣнію не было никого, кто бы могъ убѣдить Поликарпа въ несправедливости его поступка, или открыть ему пагубныя слѣдствія онаго; на противъ Святославъ Князь Черниговскій, многіе другіе Князья, и даже Епископы приняли его ученіе, и отступили отъ древняго обыкновенія Христіанскаго, только въ одни Праздники Рождества Христова и Богоявленія никогда не поститься, а въ прочіе всегда держать постъ, естьли они случатся въ Среду или Пятницу. Митрополитъ Константинъ, бдительный хранитель Церкви и благочестія, возбранялъ Поликарпу вводить сіе новое обыкновеніе, однакожъ немогъ утушить раздора и несогласія, которые по сему случаю родились между Пастырями.

Великій Князь Мстиславъ Изяславичь, едва только успокоившійся въ Кіевѣ, послѣ блистательной побѣды надъ Половцами, досадовалъ, видя безпокойство Церковное, и не нашелъ другаго средства утвердить порядокъ въ Церкви, и примирить разномыслящихъ, какъ токмо разсмотрѣть Соборомъ сіе дѣло, и поступать на основаніи Соборнаго опредѣленія.

Такимъ образомъ въ 1168 годѣ, въ Кіевѣ составился четвертый Соборъ для разрѣшенія спора, должно ли въ Господскіе праздники, естьли они случатся въ Среду или Пятницу, держать постъ? По повелѣнію Великаго Князя, всѣ просвѣщенные Пастыри Церкви, Епископы, Игумены, Священники и Монахи явились на Соборъ. До ста пятидесяти особъ Духовныхъ заключало сіе торжественное собраніе кромѣ Князей и вельможъ (48). На Соборѣ семъ были великіе споры и несогласія между присудствующими. Одни держались мнѣнія Митрополитова, противнаго ученію Поликарпову, между коими особеннаго достойны вниманія два Антонія, Епископы Черниговскій и Переяславскій; другіе напротивъ утверждали справедливость нововведеннаго обыкновенія, и отвергали обыкновенія древнія обителей Святыхъ. Не было ни одного человѣка, который бы могъ утвердить предъ всѣмъ собраніемъ истину того или другаго; всѣ спорили, и никто не могъ рѣшить спора. Притомъ же страсти дѣйствовали на Соборѣ, и большая часть присудствовавшихъ искали своихъ личныхъ выгодъ, а не пользы общественной. Одни боялись Митрополита, другіе Князей и Епископовъ, приверженныхъ къ Поликарпу; по сему не

утверждали ни того, ни другаго; охотнѣе хотѣли сознаться въ недозананіи истины, нежели навлечь на себя неудовольствіе и гоненіе защищеніемъ той или другой стороны.

Наконецъ рѣшили было послать сіе дѣло на рѣшеніе Патріарху; но сему воспротивились Князья, требуя непремѣнно, чтобы оно было рѣшено Соборомъ Кіевскимъ. Послѣ сего не знали, что дѣлать: Андрей Юрьевичь думалъ, что причиною таковыхъ безпорядковъ недѣятельность Митрополита; совѣтовалъ Великому Князю избрать новаго безъ отношенія къ Патріарху, и потомъ новымъ Соборомъ разсмотрѣть сіе дѣло; но Великій Князь опасался симъ поступкомъ произвести еще большее возмущеніе въ Церкви и благоразумно отвергъ совѣтъ Андреевъ. Надлежало ему самому войти въ сіе дѣло, и согласно съ мнѣніями большей части Духовныхъ Пастырей, рѣшить оное на Соборѣ; но онъ и самъ боялся раздражить Епископовъ, ожидалъ рѣшенія отъ Собора, и не смѣлъ рѣшить своимъ мнѣніемъ.

Такимъ образомъ на Соборѣ семъ не послѣдовало никакихъ постановленій; всякой остался при своемъ мнѣніи, и могъ поступать такъ, какъ хотѣлъ. Когда защитники Поликарпа уда-

лились, Митрополитъ съ Епископами Черниговскимъ и Переяславскимъ, осудили его на заточеніе; впрочемъ симъ не утвердили порядка въ Церкви: странное прѣніе о семъ дѣлѣ долгое еще время послѣ сего волновало умы и совѣсть людей простодушныхъ (49).

V. Соборъ Кіевскій.

Но сими безпорядками еще не исполнилась мѣра тѣхъ искушеній, которыя Церковь наша должна была перенести для большаго утвержденія въ себѣ Креста Іисусова, а вмѣстѣ съ нимъ своея твердости и славы. Теперь откроется намъ ужасное явленіе Богохульства и мученій, которыя были причиною пятаго Собора въ нашей Церкви.

Изъ Среды Пастырей явился врагъ Церкви и отечества Ѳедоръ, Монахъ Печерскій, потомъ Суздальскій Игуменъ, и наконецъ Епископъ Ростовскій. Будучи родственникомъ Болярину Кіевскому Петру Бориславичу, обладая даромъ краснорѣчія и богатствомъ великимъ, онъ пріобрѣлъ къ себѣ любовь и уваженіе Андрея Юрьевича Князя Бѣлорускаго. Когда изгнанный Андреемъ Юрьевичемъ изъ Ростова Святитель Несторъ окончилъ дни свои въ Кіевѣ; Ѳеодоръ съ вели-

кимъ имуществомъ отправился въ Царьградъ, купить тамъ себѣ Святительское мѣсто. Увѣряя Патріарха, что въ Кіевѣ нѣтъ Митрополита, онъ, можетъ быть, надѣялся пріобрѣсть себѣ и Митрополію Всероссійскую: но къ счастію Церкви нашей ложь сія была безуспѣшна. Впрочемъ онъ успѣлъ воспользоваться ею при помощи своего имущества для пріобрѣтенія себѣ Епископской Ростовской Каѳедры (50).

Рукоположенный Патріархомъ въ Царьградѣ, онъ оставилъ Грецію, и по безразсудной гордости своей не желая явиться къ Митрополиту, прямо прибылъ въ Ростовъ. Съ радостію принятый Андреемъ Юрьевичемъ Святокупецъ принялъ Епископскій жезлъ, и, почитая себя ни отъ кого въ Россіи независимымъ, не хотѣлъ повиноваться Митрополиту. Митрополитъ безъ сомнѣнія недовольный обиднымъ для него поступкомъ Ѳеодора, впрочемъ не смѣя лишить его Епископскаго сана, какъ поставленнаго Патріархомъ, требовалъ отъ него по крайней мѣрѣ, чтобы онъ явился къ нему въ Кіевъ, и принялъ отъ него благословеніе Архипастырское; но Ѳеодоръ не внимая даже дружескому совѣту Андрея Юрьевича, никакъ не хотѣлъ сего сдѣлать, и съ гордостію отвѣчалъ, что Митрополитъ не имѣетъ

никакого права требовать себѣ повиновенія и зависимости. Раздраженный своевольствомъ Епископа, дерзостію и неповиновеніемъ, Митрополитъ грамотою своею повелѣлъ всѣмъ находящимся въ Епархіи Ростовской Духовнымъ не почитать Феодора за Епископа, не принимать отъ него благословенія, и не отправлять вмѣстѣ съ нимъ Богослуженія (51). Но между тѣмъ, какъ сія грамота достигла Ростовскаго Духовенства, и сдѣлалась извѣстною, Феодоръ ослѣпленный гордостію и корыстолюбіемъ произвелъ сначала безпорядки неимовѣрные въ Церкви, а потомъ злодѣянія, до сихъ поръ неслыханныя и ужасныя. Сначала онъ предалъ проклятію Игуменовъ и Священниковъ, запретивъ имъ Священнодѣйствіе; брилъ имъ бороды и головы для осмѣянія; потомъ повелѣлъ во многихъ городахъ и селахъ запереть Божіи храмы и прекратить службу Божественную, въ надеждѣ получить за разрѣшеніе оной богатыя приношенія. Въ Ростовѣ и Владимірѣ, нигдѣ не было слышно пѣнія Церковнаго; пресѣклось служеніе Литургіи; скорбь и ужасъ объяли сердца Христіанъ благочестивыхъ. Недовольный оброками приносимыми ему несчастнымъ Духовенствомъ, невинно страдавшимъ подъ судомъ злодѣйскимъ, онъ силою гра-

билъ области Церковныя и монастырскія, жестоко мучилъ тѣхъ, которые осмѣливались противиться дерзкимъ его намѣреніямъ; иныхъ разсѣкалъ на части, другимъ отрѣзывалъ языки и выжигалъ глаза; иныхъ распиналъ на дскахъ и стѣнахъ. Даже до того простеръ злодѣйскую дерзость свою, что распялъ внизъ главою постельничаго Княжескаго; разрубалъ на части богатыхъ женщинъ (52), и варилъ ихъ въ котлахъ. Кто повѣритъ симъ неслыханнымъ злодѣйствамъ, произведеннымъ не язычникомъ, жаждущимъ крови Христіанской, ни дикимъ варваромъ, дышущимъ злобою и местію, но Епископомъ Православной Церкви, блюстителемъ мира и порядка, Пастыремъ овецъ Христовыхъ?

Но не будемъ удивляться неимовѣрнымъ дѣламъ злодѣя; несправедливо пріобрѣтенная власть всегда служитъ бичемъ для подвластныхъ; и безсовѣстно получившій оную всегда бываетъ безсовѣстенъ при ея употребленіи.

При томъ Ѳеодоръ не имѣлъ ни совѣсти, ни Религіи; онъ забылъ Бога! Простерши отягченныя корыстію руки свои къ изліянію крови ближнихъ своихъ, онъ вмѣстѣ открылъ и богохульныя уста свои, изрыгая хулу на Матерь Божію, Святыхъ, и на Православную Церковь. По-

слѣ сего, удивительно ли, что онъ могъ произвести всѣ тѣ ужасныя злодѣянія? Злодѣянія, кажется, необходимы для Богоотступника, равно какъ добрыя дѣла для Богочтителя.

Князь долго терпѣлъ изверга, и непрестанно угрожая ему наказаніемъ, кажется, ожидалъ его исправленія. Наконецъ уже ропотъ народный и вопль несчастныхъ заставили Князя предать его суду. Отвергнувъ Ѳеодора, прежде любимаго имъ, онъ съ посломъ своимъ отправилъ его въ Кіевъ къ Митрополиту Константину, пославъ подробное донесеніе о всѣхъ произведенныхъ имъ безпорядкахъ и злодѣйствахъ (53).

Митрополитъ послѣ тщетныхъ увѣщаній обратить злодѣя къ покаянію, принужденъ былъ предать его достойному наказанію. Необыкновенные поступки Епископа и преступленія важныя, неслыханныя въ Россіи, требовали особеннаго разсмотрѣнія и голоса всей Церкви:—посему Митрополитъ и составилъ по сему дѣлу въ 1169 году въ Кіевѣ Соборъ.

Лѣтописцы не сохранили намъ дѣлопроизводства сего важнаго Собора; знаемъ только, что Ѳеодоръ былъ преданъ на немъ проклятію и осужденъ на казнь. Впрочемъ и объ образѣ его наказанія находимъ различныя повѣствованія; одни

говорятъ, будто онъ съ жерновымъ камнемъ былъ брошенъ въ воду (54); другіе же увѣряютъ, что ему велѣно было отрѣзать языкъ, выколоть глаза, отсѣчь правую руку, а потомъ и голову (55). Казнь необыкновенная, но достойная злодѣйствъ необыкновенныхъ! Съ его гибелью погибли и всѣ его пагубныя сочиненія, которыми онъ хотѣлъ возмутить благочестивыхъ Христіанъ. Онѣ были торжественно сожжены предъ собравшимся народомъ на градской площади (56). Болѣе ничего не извѣстно о семъ Соборѣ; безъ сомнѣнія ужасъ объялъ сердца Пастырей Православныхъ, судившихъ Ѳеодора, и они со скорбію рѣшивъ его несчастную судьбу молили Бога о благосостояніи Церкви, пораженной страшными ударами злодѣя.

VI. Соборъ Владимірскій.

Послѣ временъ Ѳеодоровыхъ въ теченіи цѣлаго столѣтія не находимъ у Лѣтописцевъ сказаній ни объ одномъ Соборѣ. Многіе, конечно, подумаютъ, что порядокъ и миръ водворившіеся въ Церкви послѣ страшныхъ ударовъ, которые она претерпѣла отъ злодѣйской руки Богоотступника, были тому причиною; но, къ несчастію Церкви, не таковы были ея обстоятель-

ства. Бѣдственное ея состоянiе почти было неразлучно съ несчастною судьбою отечества. Непрестанныя междоусобiя Князей, кровопролитныя войны и опустошенiя почти повсемственныя, тяжкое иго рабства, возложенное Татарами, привели Россiю въ жалкое состоянiе по всѣмъ отношенiямъ. Истощились народныя силы; не стало богатства и величiя; упалъ духъ народнаго благородства; все пришло въ безпорядокъ и неустройство. Вмѣстѣ съ симъ совершенно затворилась дверь къ просвѣщенiю, густая мгла невѣжества и суевѣрiя покрыла всѣ почти сословiя; за симъ необходимо слѣдовала порча нравовъ и уклоненiе отъ истиннаго благочестiя. Среди сего всеобщаго разстройства и бѣдствiй народа Рускаго, и въ Церковь вкрались безпорядки, которые удобно усиливались народнымъ суевѣрiемъ и невѣжествомъ. Тринадцатое столѣтiе представляетъ жалкую картину гражданскаго и нравственнаго униженiя Россiянъ!

Но къ счастiю Церкви Промыслъ въ половинѣ тринадцатаго вѣка возвелъ на Престолъ Всероссiйской Митрополiи Кvрилла, мужа знаменитаго добродѣтелями истинно пастырскими. Не только по праву управленiя Церковiю, но по самому мѣсту рожденiя своего будучи сыномъ Цер-

кви и отечества, онъ съ горестію взиралъ на несчастныя обстоятельства своихъ соотечественниковъ, и со всею дѣятельностію, сколько можно было, старался о исправленіи всѣхъ злоупотребленій, примѣчаемыхъ имъ во всѣхъ состояніяхъ Государства. Какъ отецъ добрый и нѣжный, онъ мирилъ Князей между собою и съ отечествомъ, внушая имъ, что всѣ бѣдствія, постигающія отечество, единственно происходятъ отъ раздоровъ и несогласія; какъ Пастырь просвѣщенный и ревностный, онъ въ теченіи тридцатилѣтняго правленія Церковію, непрестанно просвѣщалъ Духовенство, искоренялъ заблужденія народа, и бдительно наблюдалъ за всѣмъ, что происходило въ Церкви (57). Узнавъ, что издавна вкоренившіяся заблужденія въ народѣ, поддерживаются нечистотою нравовъ въ самомъ Духовенствѣ, безпорядками въ дѣлахъ Церковныхъ, соблазнительными для народа суевѣрнаго и грубаго, онъ рѣшился обратить Духовенство къ истинному исполненію священныхъ его обязанностей, и пресѣчь всѣ безпорядки, имъ производимые. Посему повелѣлъ нѣкоторымъ Епископамъ, именно: Далмату Новгородскому, Игнатію Ростовскому, Ѳеогносту Переяславскому, Сумеону Полоцкому собраться во Вла-

димірѣ, новую Столицу Государства и Митрополіи, для поставленія Серапіона, Епископа Владимірскаго, и здѣсь въ 1274 годѣ составилъ Соборъ, на которомъ предметомъ разсужденія были замѣченные имъ безпорядки въ дѣлахъ Церковныхъ (53). Правила сего достопамятнаго Собора достойны особеннаго вниманія; ибо, будучи направлены противъ безпорядковъ Церковныхъ, даютъ намъ ясное понятіе о состояніи Церкви нашей въ то время, о просвѣщеніи и нравственности Духовенства и народа; а сами въ себѣ открываютъ намъ благочиніе Церковное того времяни, и мудрость Первосвятителя, ревностно старавшагося о утвержденіи онаго.

Въ Церкви нашей происходили великіе безпорядки. Многіе изъ духовныхъ, долженствовавшіе просвѣщать народъ свѣтомъ истиннаго Богопознанія, искоренять въ немъ пагубныя заблужденія, и пресѣкать путь суевѣрію, сами блуждали во мракѣ невѣденія, и служили соблазномъ для паствы. Нѣкоторые Епископы, заботясь единственно о мірскихъ выгодахъ, а не о благѣ Церкви, до того унизились, что осмѣливались продавать священный санъ, и вручали Пастырскій жезлъ такимъ людямъ, которые не имѣли никакихъ достоинствъ, кромѣ богатства; что

же сказать о сихъ Пастыряхъ, ими поставленныхъ? Корыстію пріобрѣтенный санъ всегда употребляется для пріобрѣтенія корысти, и всегда помрачается нерадѣніемъ и развратомъ носящихъ оный. Такимъ образомъ многіе Священники злоупотребляли самыми Священными вещами, какъ то: смѣшивали Божественное муро съ елеемъ, и симъ смѣшеніемъ помазывали все тѣло крещаемаго; повелѣвали Діаконамъ вмѣсто себя совершать проскомедію; отъ дней Пасхи даже до недѣли всѣхъ Святыхъ упивались виномъ, и не совершали Божественной службы, и многіе другіе производили безпорядки, противные и нравственности и благочинію Церковному. Кириллъ, одушевленный ревностію къ вѣрѣ и чистотѣ Евангельскаго ученія и Церковныхъ правилъ, не могъ безъ душевной скорби взирать на столь бѣдственное состояніе своей паствы. Почитая бѣдствія отечества наказаніемъ за испорченность нравовъ въ народѣ, происходящую отъ нерадѣнія Духовныхъ, онъ убѣдительно призывалъ ихъ къ истинному просвѣщенію и жизни благочестивой. ,,Какое мы видѣли слѣдствіе, ,,говорилъ онъ, уклоняясь отъ истинныхъ пра- ,,вилъ Христіанства? Не разсѣялъ ли насъ Богъ ,,по лицу земли? Не взяты ли грады наши? Не

„истреблены ли Князи остріемъ меча? Не отведены ли въ плѣнъ семейства? Не опустошены ли Церкви? Не томимся ли ежедневно отъ „зла безбожныхъ и нечестивыхъ враговъ? Се „казнь за нарушеніе уставовъ Церкви!“ Послѣ сего вопреки всѣмъ замѣчаннымъ ими безпорядкамъ, установили на Соборѣ слѣдующія правила для Духовенства:

А) Касательно избранія Пастырей: 1) Епископамъ не поставлять на մздѣ ни Игуменовъ, ни Священниковъ; рукополагающихъ на мздѣ извергать, равно какъ и домогающихся такого рукоположенія причетниковъ извергать, а монаховъ и мірянъ предавать проклятію. Симъ закономъ согласнымъ съ правилами Вселенскихъ Соборовъ, онъ хотѣлъ остановить умноженіе недостойныхъ Пастырей, и даровать Церкви способныхъ исполнять сію священную обязанность. Но дабы сіе правило въ полной мѣрѣ споспѣшествовало той цѣли, для которой опредѣлено, то сверхъ сего онъ еще повелѣлъ: 2) Всѣмъ Епископамъ при поставленіи Священниковъ и Діаконовъ строжайшимъ образомъ изслѣдовать образъ ихъ жизни, и для сего призывать ихъ сосѣдовъ, кои знаютъ ихъ отъ самаго дѣтства, и уже рукополагать ихъ по отобраніи надлежа-

щихъ свидѣтельствъ о ихъ честномъ поведенiи. 3). Отнюдь не опредѣлять на служенiе олтарю пришельцевъ незнаемыхъ, рабовъ не получившихъ свободы, также не соблюдшихъ цѣломудрiя до брака, вступившихъ въ незаконные браки, блудниковъ, безграмотныхъ, кощунниковъ, хищниковъ, пьяницъ, лжесвидѣтелей, сварливыхъ, убiйцъ хотя и невольныхъ, жестокесердыхъ, и вообще всѣхъ, коихъ поведенiе зазорно и соблазнительно для другихъ. Но токмо тѣхъ облекать Священнымъ саномъ, которые по испытанiю Духовнаго Отца, поручительству седьми Священниковъ и другихъ добрыхъ свидѣтелей окажутся не имѣющими сихъ препятствiй. 4) Поелику же Духовные въ то время не были изъ самаго дѣтства прiуготовляемы къ Пастырской должности въ училищахъ, какъ сiе происходитъ въ настоящее время; но по большой части просвѣщались и усовершенствовались во время служенiя Церкви: то Кѵриллъ приказалъ ищущихъ Священнаго Сана постепенно возводить на Церковные степени; сначала поставлять ихъ въ чтецы, потомъ въ Дiаконы, а наконецъ уже въ Священники, дабы они постепенно исполняя всѣ должности Церковныя привыкли къ Церковнымъ правиламъ, имѣли бы время

изучиться Божественнымъ истинамъ Писанія, заслужить себѣ уваженіе и любовь народную; а послѣ могли бы съ пользою для Церкви исполнять Пастырскую обязанность. 5) Поставляемому во Діакона имѣть не менѣе 25, а во Священника не менѣе 30 лѣтъ. 6) Епископамъ строго запрещается брать съ нихъ деньги за поставленіе, кромѣ опредѣленныхъ Митрополитомъ семи гривенъ для крылошанъ.

Б) Противъ злоупотребленія при совершеніи таинствъ крещенія, мvропомазанія и Евхаристіи, установилъ: 1) чтобы въ крещеніи три раза погружать, а не обливать крещаемаго водою; 2) чтобы Священникамъ мvра не смѣшивать съ Елеемъ, и симъ смѣшеніемъ не помазывать всего тѣла; но мvромъ и Елеемъ порознь помазывать извѣстныя части тѣла крещаемыхъ, какъ то: чело, очи, уши, ноздри, уста и проч. по правилу Лаодикійскаго Собора; 3) Діаконамъ проскомидіи не совершать, и не причащаться имъ прежде Священниковъ, а Священникамъ прежде Епископовъ.

В) Касательно благочинія Церковнаго повелѣлъ: 1) приношеній къ Храму не освящать лицамъ не облеченнымъ священнымъ саномъ, ниже Діаконамъ; 2) Причетникамъ и Vподіаконамъ не

прикасаться къ священнымъ сосудамъ; 3) Не посвященнымъ не входить въ олтарь, не читать Апостола, не пѣть Прокимна; самымъ Священникамъ и Діаконамъ съ благоговѣніемъ входить, дабы не оскорбить Святыни безчиннымъ съ нею обхожденіемъ. Наконецъ желая изкоренить развратные поступки нѣкоторыхъ Священниковъ Новогородскихъ, которые отъ Пасхи до недѣли всѣхъ Святыхъ праздновали только и веселилися, упивались виномъ и нисколько не радѣли о своей паствѣ, никого не крестили, и никогда не отправляли Божественной службы, онъ повелѣлъ Епископамъ исправить таковыхъ, обратить къ истинному покаянію, а въ противномъ случаѣ извергнуть. Подобно сему также обративъ Пастырское вниманіе на непристойные и оскорбительные поступки многихъ изъ народа Рускаго, которые, держась древнихъ языческихъ обыкновеній, въ Божественные Праздники вмѣсто того, чтобъ съ молитвою и благодарностію приходить въ святые храмы къ Божественной службѣ, сходились на бѣсовскія игрища, крикомъ и свистомъ сзывали себѣ подобныхъ пьяницъ, бились дрекольемъ до самой смерти, снимая одежду съ убитыхъ, строжайшимъ образомъ приказалъ, всѣхъ таковыхъ, предавъ проклятію, от-

лучить отъ Божіихъ Церквей; не принимать отъ нихъ никакихъ приношеній, то есть: ни Просфоръ, ни кутьи, ни свѣчь; по смерти ихъ не отправлять по нихъ Церковнаго поминовенія, и не класть тѣлъ ихъ близъ Церквей; Священниковъ, осмѣливающихся совершать надъ ними что нибудь по Христіанскому обряду, лишать сана.

Сими мудрыми и строгими правилами Кvриллъ хотѣлъ искоренить развратъ народа и заблужденія Духовенства, установить порядокъ въ дѣлахъ Церковныхъ, и возвести паству свою хотя на нѣкоторый степень благородства и Христіанскаго совершенства. Потомство, съ горестію воспоминая о заблужденіяхъ предковъ своихъ, должно чтить память сего незабвеннаго Архипастыря, тридцать лѣтъ ревностно подвизавшагося для блага своей паствы: Дѣянія Собора сего будутъ вѣчнымъ памятникомъ его святыхъ подвиговъ для всѣхъ истинныхъ чадъ Церкви и отечества.

VIII. Соборъ Кіевскій.

Чрезъ десять лѣтъ послѣ достопамятнаго Собора, составленнаго Кvрилломъ, Митрополитъ Максимъ въ 1284 годѣ собиралъ въ Кіевъ всѣхъ Рускихъ Православныхъ Епископовъ; но Лѣтопи-

сецъ, предавшій намъ сіе событіе, не оставилъ никакихъ подробностей о семъ Соборѣ, не открылъ даже случая, по которому онъ былъ составленъ (59). Нѣкоторые думаютъ, что причиною онаго было желаніе Митрополита предъ перенесеніемъ своего престола изъ Кіева во Владиміръ объявить о семъ Епископамъ, и посовѣтоваться съ ними объ ихъ отношеніяхъ къ нему по дѣламъ Духовнымъ (60); но мнѣніе сіе не согласно съ обстоятельствами времяни: ибо престолъ Митрополитскій былъ перенесенъ во Владиміръ спустя четырнадцать лѣтъ послѣ сего Собора (61). При томъ о семъ дѣлѣ удобно можно было учинить письменное разпоряженіе. Вѣроятнѣе можно положить, что Митрополитъ, за годъ предъ симъ возвратившійся изъ Орды, гдѣ ходатайствовалъ о продолженіи милостей Ханскихъ Россійскому Духовенству, имѣлъ нужду открыть лично и торжественно Епископамъ тѣ преимущества, которыя онъ испросилъ у Хана для Духовенства, и посовѣтоваться съ ними о средствахъ оградить Духовенство на всегда отъ бѣдствій и гоненій, которыя непрестанно постигали прочія сословія Государства (62).

VIII. Соборъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

Во все время правленія Максимова Церковію, она наслаждалась миромъ; ибо Духовенство, уважаемое Ордынскимъ Ханомъ, пользовалось отличными преимуществами, и не терпѣло гоненій. Одни только бѣдствія соотечественниковъ возмущали покой благочестивыхъ Пастырей, и препятствовали имъ счастливо пользоваться ихъ выгодами. Но по смерти Максима произошли нѣкоторые безпорядки въ Церкви при занятіи Митрополитскаго Престола. Нѣкоторый Игуменъ Геронтій, честолюбивый, дерзкій, пронырливый хотѣлъ себѣ то наглостію, то лестію и богатствомъ, предвосхитить Первосвятительскій жезлъ (63); но къ счастію Церкви, Промыслъ всѣ усилія его къ пріобрѣтенію власти обратилъ къ стыду и посрамленію (64), и облекъ оною мужа Святаго, славнаго Христіанскими добродѣтелями, и жизнію подвижническою. Это былъ Петръ, Игуменъ Волынскій.

Въ 1308 годѣ осчастлививъ Паству своимъ прибытіемъ изъ Царьграда, онъ сначала остановился въ Кіевѣ, но послѣ въ 1309 годѣ для спокойствія оставивъ сей городъ, не рѣдко возмущаемый внѣшними врагами, перешелъ во Вла-

димірѣ (65), гдѣ уже давно Великіе Князья имѣли свое пребываніе. При самомъ вступленіи его на Митрополитскій Престолъ, уже встрѣтили его искушенія, необходимыя для каждаго Святаго мужа. Врагъ Христіанскаго покоя возбудилъ въ нѣкоторыхъ ненависть противъ Святителя, кои долго упорствовали, не желая принять его Архипастырскаго благословленія, и покориться власти его; но кротость и смиреніе Святаго побѣдили сіи несправедливыя негодованія. Пристыжденные въ своей несправедливости враги Петровы покорились кроткому гласу его, призывавшему ихъ къ миру, просили у него прощенія, и приняли истинно—Пастырское отъ него благословеніе (66).

Но вскорѣ за симъ изъ самыхъ Пастырей Церкви возсталъ недоброжелатель Петру, который употреблялъ всѣ средства къ его низложенію. Недоброжелатель сей былъ Андрей, Епископъ Тверскій, сынъ Литовскаго Князя Герденя, человѣкъ легкоумный и дерзкій (67). Завидуя славѣ человѣка Божія, мучимый тайнымъ честолюбіемъ, онъ сначала вооружилъ противъ него Пастырей. Но когда всѣ сіи козни его не имѣли никакого успѣха; то онъ рѣшился наконецъ оклеветать своего Владыку предъ Патріархомъ

Константинопольскимъ. Патріархъ безъ сомнѣнія слышалъ о добродѣтеляхъ Св. Петра, которыя привлекли къ нему сердца всѣхъ благочестивыхъ Россіянъ; зналъ о его Святой жизни изъ письма, присланнаго къ нему Княземъ Галицкимъ, и самъ лично во время пребыванія его въ Царьградѣ имѣлъ случай удостовѣриться въ тѣхъ похвалахъ, которыми превозносили Петра; посему изумился, получивъ столь непріятную вѣсть отъ Андрея, и не повѣривъ клеветѣ, послалъ одного изъ своихъ Клириковъ къ Митрополиту, дружески увѣщавая его очистить себя и исправиться (68). Еще прежде, нежели Посланникъ Патріарха успѣлъ достигнуть предѣловъ земли Русской, невинный Петръ уже услышалъ о тѣхъ клеветахъ, которыми зависть и злоба хотѣли помрачить его чистыя добродѣтели. Вѣсть сія должна была поразить обвиняемаго Митрополита; но надежда на Бога, терпѣніе и кротость были непреоборимою защитою его противъ всѣхъ нападеній вражескихъ. „Ежели „Богъ за насъ, то кто противъ насъ?“ говорилъ онъ, и сія твердая увѣренность въ Божіей помощи успокоила духъ его. Съ невинною совѣстію, сердцемъ чистымъ онъ встрѣтилъ Патріаршескаго Посланника, и готовъ былъ отвѣ-

чать противъ всѣхъ ложныхъ на него доносовъ; но не извѣстно, по требованію ли Посланника сего, или по желанію самаго Петра, положено было дѣло сіе разобрать на Соборѣ. Такимъ образомъ составленъ былъ Соборъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ въ 1313 годѣ.

На Соборѣ семъ, при Патріаршескомъ Посланникѣ, присутствовали Епископъ Ростовскій Сvмеонъ, Игуменъ Прохоръ, дѣти Великаго Князя Михаила Ярославича Дмитрій и Александръ, множество другихъ Князей, Вельможъ, Игуменовъ, Священниковъ и Иноковъ. Безъ сомнѣнія необычайность суда надъ Митрополитомъ, любовь къ Петру и уваженіе народное содѣлали собраніе сіе безчисленнымъ: предсталъ на Соборъ по требованію его и обвинитель Петровъ Андрей. Дѣло началось тѣмъ, что Посланникъ Патріаршескій торжественно предъ всѣми объявилъ Петру повелѣніе Патріарха и доносъ на него Епископа Тверскаго; но о продолженіи его, къ сожалѣнію, ничего нѣтъ извѣстнаго. Не знаемъ ни тѣхъ клеветъ, коими Андрей хотѣлъ очернить предъ Патріархомъ Митрополита, ни тѣхъ оправданій, которыя приносилъ обвиняемый праведникъ предъ лицемъ Собора. Лѣтописецъ пишетъ, что въ сіе время произошло великое воз-

мущеніе между присутствующими по причинѣ клеветы на Святаго Петра; а отсюда можно заключить, что глас сего Собора оправдалъ невиннаго прежде, нежели онъ открылъ уста къ своему защищенію. Безъ сомнѣнія, увѣренность въ добродѣтеляхъ Св. Петра столь была велика, что никто не хотѣлъ и вѣрить, чтобъ возможно было ему уклониться на путь беззаконія, особенно когда клевета на него нисколько не была согласна съ его поступками: притомъ можетъ быть уже и прежде нѣкоторые знали о козняхъ Андреевыхъ; потому безъ всякаго изслѣдованія были увѣрены въ невинности Митрополита. Къ удивленію Посланника Патріаршескаго, къ стыду обвинителя, и къ славѣ Праведника сильное волненіе произшедшее на Соборѣ дотолѣ не утихло, доколѣ Святый Петръ не укротилъ его своею кротостію и смиреніемъ.

Въ слухъ всего Собора произнесъ онъ сіи слова Св. Григорія: „братія и чада о Христѣ возлюбленная! Я не лучше весьма Іоны Пророка: „аще убо мене ради бысть волненіе сіе великое, изжените меня, и уляжетъ молва отъ „васъ.“ Какое оправданіе могло быть сильнѣе и дѣйствительнѣе сихъ словъ Праведника, своею честію, своею пользою, всѣми своими выгодами

и преимуществами жертвовавшаго общему спокойствію присутствовавшихъ на Соборѣ? И что болѣе могло сразить оклеветавшаго его врага, возбудить въ немъ совѣсть, и обличить его въ неправедныхъ его доносахъ, какъ не то спокойствіе Праведника, которое выражалось во всѣхъ его словахъ и поступкахъ? Безъ сомнѣнія Андрей, чувствуя внутреннее смущеніе отъ угрызенія совѣсти, видя всеобщую увѣренность въ невинности обвиняемаго имъ, не осмѣлился среди сего торжественнаго собранія утверждать гнусную клевету свою, и долженъ былъ признаться въ своей несправедливости. Зрѣлище величественное и достопамятное: невинность кротостію побѣждаетъ всѣ козни злобы и зависти, торжествуетъ надъ ними не ища себѣ побѣды, и не имѣя накакого орудія къ своей защитѣ кромѣ себя! Но торжество еще болѣе содѣлалось блистательнымъ, когда оправданный Святитель, забывъ совершенно причиненное ему зло, предъ всемъ Соборомъ великодушно простилъ своего обвинителя, почитая виновнымъ не его собственно, но вѣчнаго врага рода человѣческаго. „Миръ ти, чадо Андрее Епи„скопе, говорилъ онъ къ нему: не ты сія со„творилъ, но изъ начала завидующій роду чело-

*

„вѣческому Діаволъ. Ты храни себя отнынѣ, а „мимошедшее да проститъ тебѣ Богъ.“

Впрочемъ Андрей, хотя и получилъ прощеніе отъ Св. Петра, однако мучимый стыдомъ и раскаяніемъ по своему желанію отказался отъ управленія Епархіею и удалился въ уединеніе оплакивать свои согрѣшенія. Давъ Пастырское наставленіе и увѣщаніе прощенному имъ врагу, Святитель обратилъ поучительную Бѣседу свою и ко всѣмъ присутствовавшимъ на Соборѣ, Князьямъ, Епископамъ, Священникамъ и народу; и благословивъ всѣхъ, отпустилъ съ миромъ (69).

Соборъ сей достоинъ особеннаго вниманія по необычайности суда надъ Митрополитомъ и высокимъ добродѣтелямъ Святаго Петра (70).

IX. Соборъ Московскій.

Еще при жизни Св. Петра вмѣстѣ съ Великокняжескимъ Престоломъ и Митрополитскій былъ перенесенъ въ Москву (71). Здѣсь въ 1347 годѣ въ первый разъ былъ Соборъ при Великомъ Князѣ Сѵмеонѣ Іоанновичѣ и Митрополитѣ Ѳеогностѣ о дѣлахъ Церковныхъ касательно исправленія Монашества и Клира (72); но дѣло-производство сего Собора и другія обстоятельства совершенно неизвѣстны. Въ Монастыряхъ, на-

полненныхъ множествомъ мірскихъ людей, укрывавшихся въ оные отъ преслѣдованія Татаръ, какъ въ мирное и безопасное убѣжище, въ то время происходили большіе безпорядки между Иноками, которые получая богатыя сокровища оставляли попеченіе о душевномъ спасеніи, и нерѣдко занимались житейскими дѣлами (73). По сему ничего нѣтъ удивительнаго, естьли Сѵмеонъ Іоанновичь, начавшій уже пещись о возстановленіи Государственнаго величія и благоденствія народнаго, обративъ на сіе вниманіе, рѣшился искоренить злоупотребленія, и на Соборѣ съ Митрополитомъ и прочимъ знатнѣйшимъ Духовенствомъ занялся разсмотрѣніемъ образа жизни Иноковъ и прочихъ Духовныхъ, и исправленіемъ существовавшихъ тогда безпорядковъ, вредныхъ для Церкви и отечества. Соборъ сей особенно достопримѣчателенъ потому, что на немъ положено начинать новый годъ съ перваго Сентября. Опредѣленіе сего Собора было послано съ Архимандритомъ Рожественскимъ въ Царьградъ къ Патріарху на утвержденіе.

X. Соборъ Московскій.

Вскорѣ послѣ сего отечество наше пробудилось отъ страшнаго усыпленія своего и уже

торжествовало надъ грознымъ Мамаемъ; но Церковь страдала въ сіе время отъ безпорядковъ, произшедшихъ при занятіи Первосвятительскаго Престола. Еще при жизни Св. Алексѣя, правившаго Россійскою Церковію въ началѣ Царствованія Димитрія Іоанновича, Патріархъ Константинопольскій Филоѳей поставилъ Митрополитомъ для Россіи Купріяна, ученаго Сербина, который впрочемъ будучи не принятъ Великимъ Княземъ въ Москву, (потому, что Москва еще имѣла въ то время Митрополита, знаменитаго добродѣтелями Пастырскими и Христіанскими), принужденъ былъ жить въ Кіевѣ (74). Между тѣмъ нѣкто Михаилъ или Митяй, Священникъ села Коломенскаго острымъ умомъ, знаніями, краснорѣчіемъ, обширною памятію, пріятнымъ голосомъ, красотою лица, величественною наружностію и благородными поступками отличавшій себя между всѣми Московскими Іереями заслужилъ особенное къ себѣ уваженіе и благоволеніе Великаго Князя, такъ, что онъ избралъ его себѣ въ отцы Духовные, и ввѣрилъ ему храненіе Великокняжеской печати (75); послѣ сего желая возвести его на степень еще знаменитѣйшую, не смотря на негодованіе Духовныхъ, облекъ его саномъ Архимандрита Спасскаго Мо-

настыря (76). Милость Государева къ Михаилу до того наконецъ возрасла, что онъ рѣшился его по смерти Св. Алексѣя возвести на Митрополитскій Престолъ, не смотря на то, что присланный отъ Патріарха Митрополитъ давно уже жилъ въ Кіевѣ, и ожидалъ себѣ Престола. Великій Князь, когда уже увидѣлъ, что наступаетъ время кончины Св. Алексѣя, приступилъ къ нему, и усердно просилъ его, чтобы онъ благословилъ Михаила на его мѣсто, и послѣ долговременныхъ настояній наконецъ успѣлъ исходатайствовать ему благословеніе (77). Святый Алексѣй скончался;—и Михаилъ, не дождавшись еще рѣшительнаго постановленія въ Митрополиты, самовольно облекъ себя въ Святительскую одежду, присвоилъ себѣ всю казну и ризницу Митрополитскую, и началъ судить дѣла Церковныя самовластно (78). Однако и для сохраненія необходимаго порядка, и для постояннаго утвержденія себя на Митрополитскомъ Престолѣ, ему нужно было принять для сего законное рукоположеніе. Въ Царьградъ отправиться не хотѣлось, или отъ опасенія, что не получить благословенія отъ Патріарха, давно уже пославшаго новаго Митрополита въ Россію, или можетъ быть отъ страха во время от-

сутствія своего потерять милость Государеву. По сему онъ предложилъ Великому Князю собрать въ Москву Епископовъ Россійскихъ для его рукоположенія, увѣряя его, что сіе согласно съ правилами Апостольскими; и безъ сомнѣнія напомнилъ ему и о преждебывшихъ подобныхъ примѣрахъ при Ярославѣ Великомъ и Изяславѣ Мстиславичѣ. Великій Князь послушался Михаила; и такимъ образомъ въ Москвѣ въ другой разъ составился Соборъ въ 1378 годѣ для рукоположенія Михаила въ Митрополиты Россійской Церкви (79). Всѣ Архіереи присутствовали на семъ Соборѣ; и Великій Князь самъ лично предложилъ имъ рукоположить Михаила въ Митрополиты. Никто изъ нихъ не смѣлъ ослушаться Князя, Великаго не по имени только, но и по дѣламъ, кромѣ Діонисія Епископа Суздальскаго. Онъ съ непоколебимою твердостію предъ лицемъ Собора спорилъ съ Великимъ Княземъ о томъ, что не законно поставлять Митрополита въ Россіи, и къ несчастію Михаила побѣдилъ Князя. Князь не могъ болѣе говорить противъ Діонисія; но не хотѣлъ и уступить ему (80). Такимъ образомъ Соборъ окончился, не сдѣлавъ никакого опредѣленія.

Михаилъ (81) и Діонисій (82) отправились въ

Царьградъ, дабы тамъ рѣшить свою судьбу; впрочемъ внезапная смерть Михаилова, постигшая его въ то время, когда взору его уже открылись величественныя зданія Царяграда, прекратила всѣ его замыслы и искательства (83).

По смерти его взошелъ на Митрополитскій Престолъ вызванный изъ Кіева Кvпріянъ Архипастырь, знаменитый въ Церкви нашей ученостію и писаніями, любомудрія и разума Божественнаго исполненный (84).

При Митрополитѣ Кvпріанѣ было два Собора въ нашей Церкви. Первый былъ въ Твери въ 1390 годѣ (85).

XI. Соборъ Тверскій.

Тверскій Епископъ Евѳимій, по прозванію Висленъ, не извѣстно какими поступками, навлекъ на себя неудовольствіе всей Паствы своей. Всѣ возстали противъ него; народъ не любилъ его; Духовенство не имѣло къ нему должнаго уваженія, и искало случая свергнуть съ себя иго повиновенія ему; Бояре и самъ Великій Князь Тверскій Александръ Михайловичь столь были недовольны имъ, что не хотѣли видѣть его на Епископскомъ Престолѣ въ своемъ городѣ. Надобно было просить Митрополита о его удаленіи и осудить ненавидимаго ими Пастыря Со-

боромъ. Посему Великій Князь послалъ къ Митрополиту письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ его удостоить его и народъ его Архипастырскаго посѣщенія, открывъ безъ сомнѣнія ему и истинную причину сего приглашенія. Между тѣмъ приказалъ пріуготовить Великому Архипастырю великолѣпную встрѣчу, и самъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его прибытія. Митрополитъ съ удовольствіемъ уважилъ прозьбу Князя, своего благодѣтеля и друга (86), и вскорѣ оставилъ Столицу. Два Митрополита Греческихъ: Матѳей Адріанопольскій и Никандръ Гайскій, Михаилъ Епископъ Смоленскій и Святитель Пермскій Стефанъ, сопровождали его, вѣроятно для того, чтобы присутствовать на Соборѣ (87). Съ торжествомъ и честію особенною встрѣченный въ различномъ разстояніи отъ города (88) Боярами Тверскими, Княжескою Фамиліею, самимъ Княземъ Митрополитъ въ Субботу вечеромъ увидѣлъ и Духовенство Тверское у вратъ Города, вышедшее къ нему на встрѣчу съ Крестомъ животворящимъ и иконою Богоматери; служилъ въ Тверскомъ Соборѣ Божественную Литургію; послѣ того торжественно былъ принятъ Княземъ во дворцѣ его, и получилъ отъ него богатые дары. На четвер-

тый день по прибытіи его въ Тверь составленъ былъ Соборъ во дворцѣ Великокняжескомъ. Собрались всѣ Духовные, Архимандриты, Игумены, Священники, Иноки, Бояре, и даже народъ простой; и вмѣстѣ съ Княземъ съ нетерпѣніемъ ожидали Митрополита, ожидая вмѣстѣ и осужденія своего Епископа. Митрополитъ, прибывъ въ сіе торжественное собраніе вмѣстѣ съ сопровождавшими его Архіереями, возсѣлъ на судилище, и на основаніи правилъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ, какъ пишетъ Лѣтописецъ, началъ разбирать дѣло Евѳимія. Къ сожалѣнію мы ничего не знаемъ ни о жизни обвиняемаго, ни о тѣхъ поступкахъ, которые вмѣняли ему въ вину обвинявшіе его; Лѣтописецъ только пишетъ, что на Соборѣ семъ всѣ возстали противъ Евѳимія, и Духовные, и Бояре и простые, и обвиняли его въ мятежѣ и раздорѣ Церковномъ. Митрополитъ сначала запретилъ ему Священнослуженіе, и хотѣлъ между тѣмъ подробнѣе разсмотрѣть дѣло; потомъ старался примирить его съ Княземъ и Духовенствомъ, но никакъ не могъ успѣть въ семъ. По сему удаливъ его отъ управленія Епархіею, впрочемъ не лишивъ никакихъ правъ Святительскихъ, повелѣлъ ему жить въ Москвѣ, въ Чудовомъ Монастырѣ (89).

Соображая всѣ обстоятельства, трудно рѣшить, дѣйствительно ли былъ виноватъ Евфимій, или только какими нибудь подозрѣніями и обстоятельствами посторонними подпалъ ненависти Паствы своей? Естьли бы въ самомъ дѣлѣ онъ былъ виноватъ въ какихъ либо поступкахъ, вредныхъ или благу Церкви, или пользѣ отечества; естьли бы онъ съ небреженіемъ проходилъ свое служеніе, и дѣлами недостойными Пастыря подавалъ худой примѣръ и соблазнъ для своихъ овецъ; кратко сказать, естьли бы онъ былъ нетерпимъ на Епископскомъ Престолѣ, каковымъ почитали его Князь, Духовенство, и народъ Тверскій; то безъ сомнѣнія Митрополитъ, столь ревностный и попечительный о благѣ Церкви, и столь благоразумно управлявшій ею, каковъ былъ Купріанъ, никакъ бы не согласился защищать его, и употреблять всѣ усилія въ примиреніи его съ Княземъ и Духовенствомъ. Притомъ кажется и самый Князь чувствовалъ нѣкоторую несправедливость свою въ осужденіи Ефимія, и опасался Соборнаго опредѣленія въ пользу его; ибо иначе при всемъ уваженіи своемъ къ Митрополиту, онъ не оказалъ бы ему столь необыкновенныхъ почестей, и не принялъ бы его такъ торжественно. Кромѣ сего, сомнѣ-

ніе о томъ, что обвиненіе Евфимія было не совсѣмъ справедливо, подтверждается повѣствованіемъ самаго Лѣтописца, который говоритъ, что на Соборѣ всѣ возстали на Евфимія, и обвиняли его клеветами самыми тяжелыми и нестерпимыми (90). Впрочемъ съ другой стороны нельзя совершенно и оправдать его; ибо невозможно представить, чтобъ всѣ сословія, и Духовенство и Бояре и народъ простой вмѣстѣ съ Княземъ своимъ какъ бы единодушно не терпѣли Пастыря своего, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ онъ достоинъ бы былъ любви и уваженія. Безъ сомнѣнія естьли онъ былъ истинный Пастырь, то непремѣнно нашелъ бы много преданныхъ себѣ сердецъ, и не заслужилъ бы всеобщаго къ себѣ нерасположенія. Вѣроятнымъ послѣ сего соображенія представляется, что Евфимій не былъ преступникомъ ни противъ Церкви, ни противъ отечества; не былъ также и истинный Пастырь Христова Стада. Посему благоразумно поступилъ съ нимъ Митрополитъ, лишивъ Епископскаго жезла, но не лишивъ Святительскаго сана. Рѣшивъ судьбу Евфимія и жителей Твери, Митрополитъ въ томъ же годѣ отправился къ Москву, взявъ съ собою въ свой Монастырь и обвиненнаго Епископа (91).

XII. Соборъ Московскій.

Вторый Соборъ при Митрополитѣ Купріянѣ былъ въ Москвѣ, въ 1401 годѣ. Причиною онаго были дѣла Новогородскаго Архіепископа Іоанна. Новгородцы еще со временъ Ярослава Великаго предъ всѣми городами Россійскими гордились правами народной вольности, отличались духомъ своеволія и неповиновенія власти Великаго Князя, и любя Республиканскую независимость не рѣдко возмущеніями своими нарушали общій покой отечества. Таковыми они были и во времена Митрополита Купріяна при Великомъ Князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ. Отказавшись платить народную дань Великому Князю (92), они торжественно объявили Митрополиту во время посѣщенія имъ Новаграда, что Духовенство ихъ не зависитъ отъ него по дѣламъ суднымъ, а подлежитъ только власти своего Архіепископа (93). Архіепископъ Іоаннъ, не взирая на непремѣнную обязанность свою, внушать своей Паствѣ должное повиновеніе законной власти, держалъ сторону ихъ своеволія и непокорности; убѣжденіями своими содѣйствовалъ ихъ возмущеніямъ, и безъ сомнѣнія самъ желая быть независимымъ, ревностно ходатайствовалъ о гражданскихъ правахъ паствы

своей (94); даже до того простеръ дерзость свою, что однажды благословилъ народъ Новгородскій поднять оружіе противу Великаго Князя (95). Великому Князю хотѣлось усмирить гордость Новгородцевъ. Для сего необходимо было лишить Іоанна управленія Епархіею. Ибо увѣщанія Архипастыря сильно дѣйствовали на сердце народа. Такимъ образомъ Князь и Митрополитъ рѣшились лишить Іоанна Пастырскаго жезла.

Въ 1401 годѣ Митрополитъ вызвалъ Іоанна въ Москву, и составилъ Соборъ, на которомъ въ присутствіи самаго Іоанна разсуждали о дѣлахъ его: Архіепископъ Черниговскій Исаакій, Архіепископъ Ростовскій Григорій, Епископъ Суздальскій Наѳанаилъ, Епископъ Тверскій Арсеній, Епископъ Ѳеогностъ и Григорій Епископъ Коломенскій (96). Къ сожалѣнію мы ничего не знаемъ о дѣлопроизводствѣ сего Собора; Лѣтописецъ не оставилъ намъ никакихъ подробныхъ свѣденій о тѣхъ преступленіяхъ, которыя представлены были на Соборѣ къ обвиненію Іоанна; изъ общаго только замѣчанія его, что Іоаннъ гордый и дерзновенный преданъ былъ наказанію для наученія смиренію себя и другихъ, видно, что единственно причиною его осужденія было возму-

щеніе Новгородцевъ, которое онъ поддерживалъ своими совѣтами, и единодушное съ ними исканіе права независимости и самовластія. Нѣкоторымъ можетъ показаться несправедливымъ рѣшеніе сего Собора, естьли причиною осужденія Іоаннова положить одно только желаніе его удержать право независимости гражданской. Іоаннъ, скажутъ они, любилъ Паству свою, и будучи дѣятельнымъ хранителемъ чистоты нравовъ и благочестія народнаго, былъ также ходатаемъ Гражданской свободы, а посему онъ болѣе достоинъ уваженія и похвалы, нежели осужденія? Но надобно помнить, что Новгородцы первѣйшіе сыны Россіи, Новгородцы основатели ея политическаго бытія, всегдашіе подданные Великаго Князя, братья Кіевлянъ и Москвитянъ по союзу крови и вѣры; то послѣ можно ли почесть справедливымъ, естьли они не захотятъ повиноваться самодержавной волѣ Помазанника Божія, и не должно ли признать преступникомъ гражданскимъ того, кто осмѣлился бы питать въ нихъ духъ своеволія и непокорности? Правда, они имѣли нѣкоторое право вольности, отличное отъ другихъ городовъ Россійскихъ на основаніи грамотъ Ярославовыхъ; однако же не имѣли никакого права выходить изъ предѣловъ

повиновенія своему Самодержцу, особенно въ такихъ случаяхъ, когда требовалась отъ нихъ дань покорности и зависимости, нисколько не противная ихъ гражданскимъ преимуществамъ. А отказаться платить дань своему Государю для общественнаго благосостоянія тогда, какъ они составляютъ членовъ Государства, и не повиноваться Верховному Пастырю Церкви тогда, какъ они покоятся подъ ея сѣнію, не есть ли проступокъ противузаконный? И такъ не виноватъ ли Іоаннъ, съ толикою ревностію защищавшій незаконныя права Новгородцевъ? При томъ Іоаннъ былъ Архипастырь, слѣдовательно блюститель мира, стражъ нравственнаго благочинія, образъ смиренія и кротости Христіанской! Гдѣ же всѣ сіи совершенства Пастырскія, когда онъ по тайному честолюбію, желая свергнуть съ себя власть Митрополита, внушалъ народу не повиноваться державному Скипетру Государя, и святительскими руками своими благословлялъ Новгородцевъ на войну междоусобную? И такъ осужденіе Іоанна не должно почитать пристрастнымъ и незаконнымъ. Удалить отъ управленія дѣлами гражданскими, а тѣмъ болѣе Церковными человѣка, дѣйствующаго вопреки своему назначенію и обществен-

ной пользѣ, есть благодѣяніе сколько для другихъ, столько и для него самаго. Впрочемъ Іоаннъ, пробывъ три года и шесть мѣсяцевъ въ заключеніи въ Николаевскомъ Монастырѣ, опять былъ отправленъ въ Новгородъ для управленія онымъ и съ радостію принятъ Новгородцами (97).

На семъ же Соборѣ былъ лишенъ Епископскаго жезла Савва, Епископъ Луцкій; но неизвѣстно по какимъ причинамъ: Лѣтописецъ, предавшій намъ Исторію сего Собора, обвиняетъ его въ гордости и непокорности (98); но другіе думаютъ, что причиною осужденія его были жалобы Витовта, коего гнѣву онъ подвергся по какимъ нибудь обстоятельствамъ (99).

Послѣ сего Собора Церковь Россійская еще болѣе шести лѣтъ благоденствовала подъ мудрымъ управленіемъ Купріяна.

XIII. Соборъ въ Новгородкѣ Литовскомъ.

Со смертію сего знаменитаго Пастыря прекратились счастливые дни мира и тишины нашей Церкви. Будучи благочестивъ, дѣятеленъ и благоразуменъ, онъ владѣлъ сердцами народа и Князей, и умѣлъ сохранить всеобщее къ себѣ уваженіе и покорность. Великій Князь Московскій Василій Дмитріевичь любилъ его искренно,

и слушалъ какъ Отца (100). Князь Тверскій Александръ Михайловичь былъ ему другомъ, и болѣе всѣхъ имѣлъ къ нему почтенія и любви (101), наконецъ и Витовтъ Кестутьевичь, владѣтель древнѣйшей столицы нашей Кіева и Литвы, чувствовалъ полное къ нему уваженіе, и съ честію принималъ его въ областяхъ своихъ, какъ Владыку Церкви (102). Такимъ образомъ Церковь наша и въ раздѣленномъ отечествѣ (103) покоилась подъ благословенною рукою Купріана, будучи соединена узами Вѣры и единствомъ Іерархіи. Какъ бы предчувствуя плачевное ея раздѣленіе, Купріанъ на смертномъ одрѣ, благословивъ всѣхъ, оставилъ желаніе мира и благоденствія (104); но искреннее цѣлованіе умирающаго Пастыря могло быть послѣ токмо утѣшеніемъ для возмущенныхъ раздѣленіемъ Іерархіи Христіанъ.

Еще при жизни Купріяна Витовтъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на зависимость Южнаго Духовенства отъ Митрополита Московскаго. Ибо власть онаго надъ Церковію Южной Россіи была немаловажнымъ препятствіемъ къ утвержденію его могущества и въ другихъ частяхъ Россіи. Митрополиты Московскіе, именуясь Кіевскими, но имѣя пребываніе вмѣстѣ съ Великими

*

Князьями въ Москвѣ, всегда усердствовали имъ и пеклись о выгодахъ Престола ихъ; получая знатные доходы на Югѣ, богатство Литовское переводили въ Москву; но болѣе всего дѣйствуя на совѣсть людей, питали духъ братства между Сѣверными и Южными Россіянами, опасный для правленія Литовскаго. Витовтъ все это видѣлъ, и давно хотѣлъ отторгнуть Церковь Южную отъ Власти Митрополита Московскаго; но Купріянъ дѣятельнымъ управленіемъ дѣлами Церковными, частымъ посѣщеніемъ Южныхъ областей Россіи, и наипаче благоразумнымъ и осторожнымъ поведеніемъ въ отношеніи къ Витовту, разрушалъ его планы, и какъ бы невольно заставлялъ его удерживаться отъ исполненія его намѣренія (105).

Не стало Купріяна; не стало и никакого препятствія Витовту исполнить свое намѣреніе. Можетъ быть, естьли бы преемникъ Купріяна имѣлъ одинаковыя съ нимъ достоинства въ управленіи дѣлами Церкви, одинаковую осторожность и благоразуміе въ политическомъ обращеніи съ Витовтомъ; Витовтъ удержался бы отъ своего намѣренія, или по крайней мѣрѣ встрѣтилъ бы великія препятствія при исполненіи онаго. Ибо сила того уваженія, кото-

рымъ Россіяне всегда отличались къ Великимъ своимъ Архипастырямъ, легко могла разрушить всѣ замыслы и усилія властолюбивыхъ нарушителей мира и тишины Церковной. Но къ сожалѣнію Преемникъ Купріяна не имѣлъ тѣхъ качествъ, кои потребны для Пастыря, среди смутныхъ обстоятельствъ, въ коихъ Церковь находилась въ то время. Преемникъ сей былъ Фотій, Морейскій Грекъ, мужъ благоразумный и добродѣтельный, но не опытный въ управленіи дѣлами, и не имѣющій свѣденій о политикѣ Государственной (106). Еще съ дѣтства привыкши провождать безмолвную пустынническую жизнь, онъ съ трудомъ несъ бремя великаго своего служенія; оставляя столицу и дѣла нерѣдко въ глубокомъ уединеніи (107) скучалъ, и со слезами воспоминалъ о тихихъ дняхъ прежней, неизвѣстной свѣту жизни его: а такимъ образомъ, скрывая себя отъ взоровъ своей Паствы, онъ не успѣлъ пріобрѣсти народной къ себѣ любви и уваженія. Не заботясь о томъ, чтобъ утвердить искренную привязанность къ себѣ Князя и Вельможъ, онъ возбудилъ къ себѣ ихъ нерасположеніе, которое было причиною невниманія ихъ къ общей пользѣ Духовенства; наконецъ будучи воспитанъ въ неблагорасположеніи къ

Католической Церкви, онъ никакъ не хотѣлъ искать милости Витовта; и, не посѣщая его областей, навлекъ на себя его негодованіе (109). И такъ Витовту не было уже никакого препятствія исполнить свое намѣреніе; ожидалъ только удобнаго случая, который вскорѣ и открылся.

Фотій, будучи истиннымъ Монахомъ по жизни, не могъ избѣжать ненависти людей враждебныхъ; востали клеветники, и частію ссорили его съ Великимъ Княземъ Московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, частію съ Витовтомъ. Нерасположеніе перваго къ Митрополиту было причиною того, что онъ не препятствовалъ тестю своему раздѣлить Митрополію Всероссійскую на двѣ части; а нерасположеніе втораго было причиною сего раздѣленія. Витовту представили, что Фотій, пребывая въ Москвѣ, никогда не посѣщаетъ южныхъ странъ Россіи, нисколько незаботится о управленіи дѣлами Церковными въ областяхъ его, а между тѣмъ получаетъ несмѣтные доходы, переноситъ древнѣйшія сокровища Кіевскія въ Москву, и даже до опустошенія обременяетъ жителей Кіева и Литвы пошлинами и данями тяжелыми (109). Витовтъ съ радостію воспользовался симъ представлені-

емъ людей недобросовѣстныхъ, и рѣшился на семъ основаніи отторгнуть Южную Церковь отъ власти Митрополита Московскаго, и симъ прервать послѣдніе узы, коими еще южные Россіяне какъ братья соединялись съ Сѣверными—подданными Православняго Князя Россійскаго.

И такъ Витовтъ ничего не опасался, ни со стороны Фотія, ни со стороны Великаго Князя Московскаго, нерасположеннаго къ Фотію; но опасался только народа, который по особенной приверженности своей къ Православной Вѣрѣ, по предубѣжденію къ важности власти Митрополита Московскаго, и по нерасположенію къ Витовту, легко могъ воспротивиться и не признать новаго Митрополита своимъ Владыкою. Но зная, что власть Соборная имѣетъ особенную силу надъ сердцами народными, онъ рѣшился все Духовенство Южное употребить орудіемъ къ исполненію своихъ замысловъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1414 года по повѣленію Витовта Исаакій Епископъ Черниговскій, Ѳеодосій Полоцкій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Владимірскій, Іоаннъ Галицкій, Севастіанъ Смоленскій, Харитонъ Пермскій, Павелъ Червенскій, Евѳимій Туровскій, прибыли въ Новгородокъ Литовскій, гдѣ едва ли можно было найти третью часть

жителей нашего исповѣданія, и составили Соборъ, на которомъ Государь иновѣрный располагалъ судьбою нашей Церкви и Духовенства!

Витовтъ самъ присутствовалъ на семъ Соборѣ. Предложивъ Епископамъ всѣ невыгоды для Церкви Кіевской, которыя, по представленію враговъ Фотія, происходили отъ зависимости ея отъ Московскаго Митрополита, предложилъ имъ вмѣстѣ, или лучше сказать, требовалъ отъ нихъ, чтобъ они избрали особеннаго Митрополита, который бы независимо управлялъ Южною Церковію, и, имѣя пребываніе въ Кіевѣ, не по имени только, но самымъ дѣломъ былъ Кіевскій. Предложеніе Витовта, говоритъ лѣтописецъ, привело въ смущеніе всѣхъ Епископовъ, и они недоумѣвали, что сказать ему въ отвѣтъ (110). Не трудно угадать причины сего смущенія; стоитъ только обратить вниманіе на состояніе нашего отечества и Церкви въ областяхъ Витовта. Южныя области Россіи много страдали отъ власти Витовтовой; кромѣ того, что Католики, Единовѣрцы и любимцы Витовта, присвоили себѣ почти всю власть въ управленіи южными Россіянами, они весьма несправедливо и жестоко поступали съ ними; самъ Витовтъ, усердный почитатель Папы и недобро-

желатель нашего Православія, мало заботясь о благосостояніи иновѣрныхъ своихъ подданныхъ, заботился только о возвышеніи посредствомъ ихъ своего могущества, и посему не рѣдко ихъ благомъ жертвовалъ личнымъ своимъ выгодамъ (111).

И такъ можно ли было Епископамъ нашимъ безъ смущенія слышать предложеніе Витовта объ учрежденіи особенной Іерархіи въ Южной Россіи? Страхъ видѣть Церковь въ опасностяхъ подъ правленіемъ Митрополита, совершенно зависимаго отъ власти Витовтовой, горестное воспоминаніе протекшихъ временъ мира и благоденствія Церкви подъ правленіемъ Государей Православныхъ, и наконецъ скорбныя ощущенія тяжкаго ига Витовтовой власти, должны были произвести сильное волненіе въ сердцахъ православныхъ нашихъ Пастырей, и посему-то молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ ихъ на предложеніе Витовта.

Витовтъ, или не умѣлъ, или, вѣроятнѣе, не хотѣлъ замѣтить истинной причины ихъ молчанія; принялъ оное за знакъ ихъ согласія на предложеніе его, и повелѣлъ имъ обвинить предъ нимъ Фотія въ томъ самомъ, въ чемъ онъ обвинялъ его предъ ними. Епископы воспротивились

ему; но не могли устоять против угроз его, которыми онъ принуждалъ ихъ къ исполненію своего повѣленія; и противъ желанія своего рѣшились по повелѣнію Витовта написать къ нему донесеніе на Фотія, въ которомъ обвинили его въ нерадивомъ управленіи Церковію и истощеніи всѣхъ ея сокровищъ; требовали отъ него покровительства и защиты, требовали, чтобъ онъ далъ имъ особеннаго Митрополита. Симъ окончилось первое Собраніе Епископовъ, положившее начало раздѣленію Іерархіи нашей на двѣ части (112).

Между тѣмъ, какъ Витовтъ радовался о успѣшномъ началѣ своего предпріятія, и повелѣлъ описать все принадлежащее къ Кіевской Церкви, также всѣ города, области и села Церковныя, какъ бы готовилъ ее новому Митрополиту своему; вѣсть о предпріятіи его и Соборѣ Литовскомъ достигла Москвы, и привела въ смущеніе Митрополита. Онъ не зналъ, что предпринять въ семъ случаѣ; то чувствуя свою невинность и несправедливость тѣхъ представленій, коими обвиняли его, сомнѣвался въ поступкѣ Витовтовомъ, столь странномъ, неожиданномъ и смѣломъ; то слыша непрестанныя подтвержденія онаго, смущался отъ страха и

нерѣшимости своей. Наконецъ рѣшился самъ отправиться въ Кіевъ, и достовѣрно узнать о всѣхъ происшествіяхъ Южной Церкви; и, естьли можно будетъ, примириться съ Витовтомъ; ежели же нѣтъ, итти въ Царьградъ, и искать защиты у Патріарха. Хитрый и осторожный Витовтъ не упустилъ изъ виду Фотія; зная, что онъ непремѣнно предприметъ какія нибудь мѣры къ разрушенію его плановъ, онъ самъ рѣшился разрушить всѣ его предпріятія. Едва только Митрополитъ успѣлъ вступить въ предѣлы Литовскіе; уже Витовтъ, угадавъ его намѣреніе, пресѣкъ ему дальнѣйшій путь; поймалъ его, какъ плѣнника; отнялъ все, что онъ имѣлъ, и опять возвратилъ съ безчестіемъ въ Москву. И воспоминать горестно о семъ поступкѣ Витовта, прискорбномъ для Церкви нашей, оскорбительномъ для Государства; что же должны были чувствовать въ то время Митрополитъ и все Духовенство наше? Страхъ и скорбь произвели всеобщее смущеніе между Духовенствомъ и народомъ Православнымъ; всѣ проклинали Витовта, сожалѣли о Митрополитѣ, о Церкви и о себѣ. Но поступокъ сей былъ только началомъ гоненія Витовтова на Митрополита и Церковь. Послѣ сего онъ, описавъ всѣ города и

волости принадлежащія Митрополиту, отдалъ ихъ своимъ Вельможамъ; а намѣстниковъ Митрополита, которые имѣли пребываніе въ Кіевѣ для смотрѣнія за дѣлами Церковными и хозяйственными, отослалъ въ Москву, отнявъ все ихъ имущество.

Остановивъ Митрополита на пути въ Царьградъ, Витовтъ съ большею дѣятельностію началъ заниматься исполненіемъ своего намѣренія. Въ другой разъ въ томъ же годѣ собралъ Епископовъ областей своихъ; повелѣлъ имъ избрать Митрополита въ Кіевъ и отправить къ Патріарху для поставленія. Нѣкоторые изъ нихъ опять покушались воспротивиться Витовту, и совѣтовали ему примириться съ Фотіемъ; но ихъ усиліе было тщетно. Витовтъ принуждалъ ихъ согласиться на требованіе его; и они на второмъ Собраніи своемъ, избрали Митрополита Церкви Кіевской Григорія Цимблака, родомъ Болгарина, мужа ученаго и просвѣщеннаго.

Григорій немедлѣнно послѣ Соборнаго избранія отправился для поставленія въ Царьградъ, съ грамотами отъ Витовта къ Царю и Патріарху и донесеніемъ на Фотія; но Царь и Патріархъ не хотѣли и слышать о учрежденіи особенной Митрополіи въ Кіевѣ. Безъ сомнѣнія они

предвидѣли также, какъ наши Епископы, пагубныя слѣдствія для Православной Вѣры отъ сего раздѣленія Митрополіи; предвидѣли хитрые замыслы Витовта, старавшагося чрезъ сіе усилить свою власть въ Россіи, и разпространить Католическую Вѣру; при томъ доброхотствовали Фотію, который еще въ Греціи своею жизнію подвижническою и святою заслужилъ всеобщую къ себѣ любовь и уваженіе; посему и не согласились исполнить прошеніе Витовта. Витовтъ вторично отправилъ посольство въ Царьградъ, и представивъ отъ лица Епископовъ своихъ жалобу на Фотія, именемъ всей Церкви своей неотступно просилъ Царя и Патріарха удовлетворить его прошенію; но они, не взирая на всѣ представленія его, рѣшительно отказали ему, и Григорій со скорбію принужденъ былъ оставить Царьградъ, не получивъ благословенія отъ Патріарха на Престолъ Кіевской Митрополіи. Отказъ сей безъ сомнѣнія долженъ былъ возбудить въ Витовтѣ сильное негодованіе на Царя и Патріарха; но между прочимъ не остановилъ его рѣшительнаго намѣренія. Цѣлый годъ ничего не было слышно о семъ дѣлѣ; Витовтъ тайно изыскивалъ средства къ исполненію своего намѣренія; между тѣмъ, какъ Митрополитъ

и Епископы, обрадованные отказомъ Патріарха, утѣшались надеждою счастливой перемѣны обстоятельствъ. Вѣроятно, враги Фотія внушили Витовту, что поставленіе Митрополита можетъ быть совершено и безъ воли Патріарха, самыми Епископами областей его (такъ какъ сіе при Ярославѣ Владиміровичѣ и Изяславѣ Мстиславичѣ); а можетъ быть и самъ Григорій, желая взойти на Митрополитскій Престолъ, открылъ сіе Витовту; и онъ наконецъ, воспользовавшись симъ совѣтомъ, въ 1416 годѣ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ третій разъ собралъ Епископовъ своихъ въ Новгородокъ Литовскій для окончательнаго рѣшенія дѣла, и поставленія Григорія въ Митрополита Кіевскаго. На Соборѣ опять услышалъ несогласіе Епископовъ на исполненіе требованія его; и опять силою власти своей и угрозъ вооружился противъ несогласія ихъ, и не смотря на всѣ ихъ представленія, что ни по правиламъ Св. Апостолъ, ни по правиламъ Соборнымъ, ни даже по правамъ Гражданскимъ, не должно раздѣлять Іерархіи единыя Церкви на двѣ совершенно одна отъ другой отдѣленныя части, рѣшительно требовалъ отъ нихъ исполненія его воли, и наконецъ угрозою смерти успѣлъ восторжествовать надъ сопротивленіемъ Пастырей

нашихъ. Они, со скорбію и страхомъ, противъ воли, объявили свое согласіе Витовту поставить Григорія Митрополитомъ Кіевской Церкви. Въ слѣдствіе сего опредѣленія 15 Ноября того же года Григорій въ угодность Витовту торжественно возведенъ былъ на Священный Престолъ древней Россійской Митрополіи Соборомъ девяти Православныхъ Епископовъ, при многочисленномъ собраніи Духовенства, Вельможъ и народа. Съ сихъ поръ древняя Митрополія наша раздѣлена на двѣ, и Московскіе Первосвятители оставались только по имени Кіевскими (113).

Витовтъ зналъ, что поступокъ сей приведетъ въ смущеніе Церковь; посему для прекращенія всѣхъ худыхъ слѣдствій, приказалъ Епископамъ вмѣстѣ съ новымъ Митрополитомъ своимъ составить въ оправданіе свое грамоту, которая послѣ и была объявлена во всенародное извѣстіе. Достопамятная грамота сія была слѣдующаго содержанія.

,,Всяко даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ ,,свыше исходяй отъ Отца свѣтовъ. И мы пріяли сей даръ Небесный; и мы утѣшились онымъ, ,,Епископы странъ Россійскихъ, друзья и братья ,,по Духу Святому, смиренный Архіепископъ По-

,,лоцкій и Литовскій Өеодосій, Епископъ Исаа-
,,кій Черниговскій, Діонисій Луцкій, Герасимъ
,,Владимірскій, Севастіанъ Смоленскій, Харитонъ
,,Холмскій, Евфимій Туровскій. Видя запустѣніе
,,Церкви Кіевской, главной въ Руси, имѣя Пасты-
,,ря, только именемъ, а не дѣломъ, мы скорбѣ-
,,ли душею: ибо Митрополитъ Фотій презиралъ
,,наше духовное стадо; не хотѣлъ ни править
,,онымъ, ни видѣть его; корыстовался един-
,,ственно нашими Церковными доходами, и пере-
,,носилъ въ Москву древнюю утварь Кіевскихъ
,,храмовъ. Богъ милосердый подвигнулъ сердце
,,Великаго Князя Александра Витовта Литов-
,,скаго и многихъ Рускихъ земель Государя: онъ
,,изгналъ Фотія, и просилъ инаго Митрополита
,,отъ Царя и Патріарха; но ослѣпленные непра-
,,ведною мздою, они не вняли моленію праведно-
,,му. Тогда Великій Князь собралъ насъ Еписко-
,,повъ, всѣхъ Князей Литовскихъ, Русскихъ, и
,,другихъ подвластныхъ ему Бояръ, Вельможъ,
,,Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ,—и
,,мы въ Новомъ Градѣ Литовскомъ, въ храмѣ Бо-
,,гоматери по благодати Св. Духа и преданію
,,Апостольскому посвятили Кіевской Церкви
,,Митрополита, именемъ Григорія, и свергнули
,,Фотія, представивъ его вины Патріарху, да

„не рекутъ люди сторонніе: „Государь Витовтъ
„иной Вѣры; онъ не печется о Кіевской Церкви,
„которая есть мать Рускимъ, ибо Кіевъ есть
„мать всѣмъ градамъ нашимъ.“ Епископы издрев-
„ле имѣли власть ставить Митрополитовъ, и
„при Великомъ Князѣ Изяславѣ посвятили Кли-
„мента. Такъ и Болгары, древнѣйшіе насъ въ
„Христіанствѣ, имѣютъ особеннаго Первосвя-
„тителя; такъ и Сербы, коихъ земля не мо-
„жетъ равняться ни величествомъ, ни множе-
„ствомъ народа съ областями Александра Ви-
„товта. Но что говорить о Болгарахъ и Сер-
„бахъ? Мы послѣдовали уставу Апостоловъ, ко-
„торые предали намъ, ученикамъ своимъ, бла-
„годать Св. Духа, равно дѣйствующую на всѣхъ
„Епископовъ. Собираясь во имя Господне, Свя-
„тители вездѣ могутъ избирать достойнаго
„Учителя и Пастыря, Самимъ Богомъ избирае-
„маго. Да не скажутъ легкомысленные: „отлу-
„чимся отъ нихъ, когда *они* удалились отъ Цер-
„кви Греческой!„ Нѣтъ: мы хранимъ преданія
„Св. Отцевъ, клянемъ Ереси, чтемъ Патріарха
„Константиноградскаго и другихъ; имѣемъ одну
„Вѣру съ ними, но отвергаемъ только безза-
„конную въ церковныхъ дѣлахъ власть, присвоен-
„ную Царями Греческими: ибо не Патріархъ, но

„Царь даетъ нынѣ Митрополитовъ, торгуя важ-
„нымъ Первосвятительскимъ саномъ. Такъ Ма-
„нуилъ, любя не славу Церкви, а корысть свою,
„въ одно время прислалъ намъ трехъ Митро-
„политовъ: Купріяна, Пимена и Діонисія. Сіе
„было виною многихъ долговъ, убытковъ, мяте-
„жа, убійства, и—что всего хуже, что не подо-
„баетъ Царю—Мірянину ставить Митрополи-
„товъ за деньги, мы избрали достойнаго Перво-
„святителя. . . . . Въ лѣто 6924 Индикта,
„Ноября 15 (въ 1415 году). (114).“

XIV. Соборъ Московскій.

Въ то время, когда грамота сія, объявленная Литовскимъ Соборомъ по повелѣнію Витовта во всенародное извѣстіе, утверждала власть Григорія въ Южной Церкви, и успокоивая Духовенство и народъ водворяла тишину и порядокъ въ новоустроенной Митрополіи, въ Москвѣ произвела она сильное волненіе, и вооруживъ все Духовенство Великой Россіи противъ Литовскаго Собора, и поставленнаго на ономъ Митрополита, была поводомъ къ составленію новаго Собора въ Москвѣ, на которомъ преданы проклятію всѣ отпадшіе отъ власти Московскаго Митрополита Россіяне. Фотій, пламенѣя ревностію къ пользѣ Россійской Церкви

и справедливо негодуя на Витовта, всѣми силами старался перемѣнить уже оконченныя дѣла. Посему сначала писалъ къ Вельможамъ и народу Южной Россіи, увѣщевая ихъ отложиться отъ новаго Митрополита Россіи, и снова соединиться братскими узами съ Великороссіянами. Но дѣятельность Витовта и Григорія препятствовала исполненію благихъ для Россіи желаній его. Всѣ увѣщанія его остались безплодными: Вельможи боялись Витовта; Пастыри, уже рукоположивъ Григорія, не смѣли отрѣчься отъ своего утвержденія; народъ, отчасти опасаясь своего Властелина, а отчасти повинуясь Соборному опредѣленію своихъ Епископовъ и Пастырскимъ убѣжденіямъ Григорія, съ холодностію принималъ посланія Фотія. Такимъ образомъ раздѣленіе Іерархіи нашей утверждалось, и надежда о ея соединеніи совершенно терялась. Фотію ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ уже самому объявить Южную Іерархію отторгшеюся отъ Московскаго Престола; но, дабы въ семъ самомъ отторженіи проложить путь ея соединенію, онъ рѣшился послѣ кроткаго гласа увѣщаній поколебать сердца Южныхъ Россіянъ страшными угрозами проклятія—и симъ послѣднимъ средствомъ перемѣнить дѣла Церкви.

Посему въ 1417 годѣ составилъ въ Москвѣ Соборъ, на которомъ въ присутствіи Епископовъ Великороссійскихъ и прочаго Духовенства торжественно объявилъ постановленіе Литовскаго Собора незаконнымъ, предалъ проклятію поставленнаго на ономъ Митрополита, обвиняя его въ коварныхъ замыслахъ противъ нашей Церкви, и вмѣстѣ поставившихъ его Епископовъ, какъ человѣкоугодниковъ и недостойныхъ сыновъ отечества. Желая еще болѣе устрашить всѣхъ Южныхъ Россіянъ, онъ запретилъ Великороссіянамъ всякое съ ними сообщеніе, знакомство, дружбу и даже общественныя связи. Но къ несчастію нашей Церкви всѣ усилія ревностнаго Фотія на семъ Соборѣ не принесли ожидаемаго плода; и дѣянія Собора сего остались для потомковъ памятникомъ плачевнаго раздѣленія нашей Іерархіи, породившаго весьма великія бѣдствія въ нашей Церкви (115).

XV. Соборъ Московскій.

Послѣ сего Собора Фотій четырнадцать лѣтъ мирно управлялъ нашею Церковію, до самой смерти оплакивая пагубное раздѣленіе Митрополіи нашей; но опасность, которою угрожало оное нашему Православію, неожиданно явилась

тамъ, гдѣ нисколько объ ней не думали. На томъ самомъ Престолѣ, на которомъ Фотій, пламенѣя ревностію къ Православной Вѣрѣ, предалъ проклятію уклонившихся по повелѣнію Литовскаго Государя Россіянъ отъ его правленія, чрезъ шесть лѣтъ послѣ его кончины, явился измѣнникъ православію, который всею силою своего краснорѣчія и убѣжденій старался ниспровергнуть древнее исповѣданіе нашихъ Отцевъ и предать Православную Церковь нашу власти Римской; но къ счастію Церкви, въ той же самой Столицѣ Православія, въ которой Фотій Соборнымъ проклятіемъ отпадшихъ отъ его правленія хотѣлъ предупредить ихъ отпаденіе къ Латинской Церкви, новой Соборъ Православныхъ Епископовъ нашихъ осудилъ предателя и лишилъ Святительскаго сана.

Предатель сей былъ *Митрополитъ Исидоръ*, Грекъ, уроженецъ Фессалоники (116), присланный къ намъ изъ Константинополя для управленія Церковію, которая по смерти Фотія шесть лѣтъ сиротствовала безъ главы (117) отъ внутреннихъ смятеній Государства Московскаго, въ то самое время, когда Греческій Императоръ и Патріархъ собирались ѣхать въ Италію къ Папѣ Евгенію IV, на VIII-й Вселенскій Соборъ,

для соединенія раздѣленныхъ Церквей Востока и Запада.

Будучи воспитанъ въ нѣдрахъ Западной церкви, Исидоръ охладѣлъ любовію къ Православію Отцевъ своихъ. Имѣя умъ образованный знаніемъ Діалектики тѣхъ временъ и способный къ разсужденію о самыхъ глубокихъ истинахъ Богословія, онъ не имѣлъ сердца просвѣщеннаго вѣрою, которая разсѣвая мракъ недоумѣній разума открываетъ человѣку истины откровенія во всемъ свѣтѣ ихъ; посему снискавъ себѣ благоволеніе Римскаго Первосвященника своими знаніями, хитростію, краснорѣчіемъ, онъ наконецъ въ благодарность за его благодѣянія, или лучше въ надеждѣ получить новыя несравненно большія отъ него милости, не усумнился, тайно отрекшись православія своихъ отцевъ, предать себя Латинской Церкви, и наконецъ содѣлать себя преимущественнымъ орудіемъ усилій Папы въ утвержденіи его власти надъ Греческою и Россійскою Церквами. Съ симъ безъ сомнѣнія намѣреніемъ предварительно по согласію съ Папою домогался онъ взойти на Престолъ Россійской Митрополіи, и успѣлъ склонить на свою сторону Патріарха Константинопольскаго (119).

Получивъ грамоты отъ Царя и Патріарха и

ласковыя письма къ Великому Князю Московскому Василію Васильевичу, онъ отправился въ Россію, и торжественно былъ встрѣченъ въ Москвѣ Великимъ Княземъ, Духовенствомъ и народомъ, какъ истинный Святитель Церкви, одаренъ щедро и пышно угощенъ во Дворцѣ Кремлевскомъ (119). Но еще Церковь наша, столь долгое время не видавшая своего Первосвятителя, не успѣла принять его въ свои нѣдра, не успѣла успокоиться подъ сѣнію отеческихъ его благословеній;—и уже новый ея Владыка хочетъ ее оставить, и не узнавъ ея твердости въ православіи и неизмѣнной вѣрности въ сохраненіи отеческихъ преданій, думаетъ предать ее вмѣстѣ съ собою власти Папской. Прошло не болѣе четырехъ мѣсяцевъ пребыванія Исидора въ Москвѣ, какъ онъ объявляетъ Великому Князю свое намѣреніе итти въ Италію на осьмый Вселенскій Соборъ. „Тамъ, говоритъ онъ, „Православный Царь Греческій Іоаннъ Палеологъ, „Патріархъ Константинопольскій Іосифъ, Отцы „Греческой Церкви соберутся для утвержденія „союза и мира съ Первосвященникомъ Римскимъ; „тамъ, среди торжественнаго Собранія всего „Востока и Запада, будутъ разсуждать они о „догматахъ Вѣры Христіанской, и изрекши

„неизмѣняемыя правила ея, утвердять на всег- „да единство Божіихъ Церквей (120).“ Но Великій Князь долго не соглашался на сіи повидимому лестныя и важныя представленія Исидора. „Отцы и дѣды наши, отвѣтствовалъ онъ ему, „не хотѣли слышать о соединеніи законовъ Гре- „ческаго и Римскаго; я самъ не желаю сего.“ Когда же Исидоръ, твердо рѣшившись содѣйствовать исполненію властолюбивыхъ предпріятій Папы, убѣдительно просилъ Князя объявить свое соизволеніе, и представлялъ ему важность сего Собора и необходимость для Россіи участвовать въ ономъ; Князь, противъ воли своей, рѣшился удовлетворить требованію Исидора, и, какъ бы предчувствуя его отступленіе отъ православія, ревностно умолялъ его хранить чистоту Вѣры и принесть ее съ собою. „Я не „желаю того, (чтобы ты шелъ въ Италію), ска- „залъ онъ Исидору наконецъ; но, естьли мыс- „лишь иначе, то иди, не запрещаю тебѣ. Пом- „ни только чистоту нашей Вѣры, и принеси „оную съ собою (121).“ Исидоръ клялся не измѣнять Православію; но, еще не достигши Италіи, уже открылъ свой обманъ и вѣроломство! Дорогою будучи встрѣченъ въ Ливоніи Дерптскимъ Епископомъ и нашими Священниками (ибо

въ семъ городѣ находились двѣ Русскія Церкви), онъ съ благоговѣніемъ приложился ко Крестамъ Духовенства Католическаго, и потомъ уже къ образамъ Греческимъ (122); Россіяне сопутствовавшіе ему (123) изумились, гадали о его намѣреніи измѣнить Православію, и съ того времени не имѣли къ нему довѣренности. Прибывъ въ Феррару 18 Августа 1440 года, гдѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Евгеніева, онъ торжественно принятъ Сонмомъ Святителей Церкви, и занялъ на Соборѣ мѣсто Патріарха Антіохійскаго. Пятьнадцать разъ сходились для прѣнія о исхожденіи Св. Духа, о употребленіи просфоръ и опрѣсноковъ при Священнодѣйствіи, о состояніи души по смерти и о верховной власти Папской надъ Церковію (124), и во всѣхъ сихъ собраніяхъ Исидоръ, преступивъ клятву, данную Великому Князю, всею силою своей учености и красноречія дѣйствовалъ въ пользу Папы, безпрекословно соглашался на всѣ представленія учителей Западныхъ, и негодовалъ на Поборника Православія, Марка Ефесскаго Митрополита, который не взирая на несчастныя обстоятелства отечества, заставившія Импера-

тора и Патріарха смириться предъ Папою въ обманчивой надеждѣ получить отъ него помощь и защиту, гремѣлъ на Соборѣ противъ Латинянъ и безъ страха торжественно объявилъ несправедливость присвоенныхъ Папами правъ надъ Церковію (125). Соборъ перенесли во Флоренцію; Исидоръ и туда перенесъ безсовѣстныя свои намѣренія. Тамъ, дѣйствуя единодушно съ Виссаріономъ Архіепископомъ Никейскимъ, онъ склонялъ несчастныхъ Грековъ къ согласію съ представленіями Папскими, представлялъ имъ гибельныя слѣдствія неуспѣха въ семъ дѣлѣ, и наконецъ восторжествовалъ надъ жалкими соотечественниками своими, не успѣвъ однакожъ побѣдить ревностнаго Марка.

Греки уступили Папѣ, — и Актъ соединенія Восточной и Западной Церкви былъ утвержденъ на Соборѣ. Главные пункты, на коихъ основывалось сіе соединеніе, были слѣдующіе: 1) что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына; 2) что опрѣсноки и квасной хлѣбъ могутъ быть равно употребляемы въ Священнодѣйствіи; 3) что души праведныя блаженствуютъ на небесахъ, грѣшныя страдаютъ, а среднія между тѣми и другими очищаются, или палимыя огнемъ, или угнѣтаемыя густымъ мракомъ, или волнуемыя

бурею, или терзаемыя инымъ способомъ, что всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день суда и явятся предъ судилищемъ Христовымъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; 4) что Папа есть Намѣстникъ Іисуса Христа и глава Церкви; что Патріархъ Константинопольскій занимаетъ вторую степень, и такъ далѣе. Всѣ утвердили сію хартію соединенія Церквей; Императоръ, мѣстоблагостители Патріаршескихъ Престоловъ, (Патріархъ Іосифъ умеръ, не дождавшись конца Собора, и погребенъ во Флоренціи), Семнадцать Митрополитовъ, всѣ Архіепископы и Епископы Востока, дали клятвенное увѣреніе пребывать въ союзѣ съ Папою; одинъ только Маркъ Ефесскій, неумолимый Старецъ, презрѣвъ всѣ угрозы и корысть, до конца пребылъ поборникомъ Православія Греческаго, и вмѣстѣ съ Григоріемъ Митрополитомъ Иверскимъ, Исаакіемъ Тирскимъ и Софроніемъ Газскимъ не подписалъ опредѣленія Соборнаго. Къ счастію Церкви нашей торжество Папъ было кратковремянно; въ Греціи народъ среди самыхъ несчастныхъ обстоятельствъ не хотѣлъ и слышать о соединеніи съ Западомъ, и обвиняя своихъ Пастырей въ измѣнѣ Церкви и корыстномъ предательствѣ Папѣ, отрекся отъ сего союза; въ Россіи Великій Князь

возсталъ противъ Исидора, и твердостію своего исповѣданія испровергъ всѣ убѣжденія его краснорѣчія, торжественно обличивъ въ клятвопреступленіи и измѣнѣ (126).

Исидоръ, торжествующій свою побѣду надъ Правовѣріемъ, украшенный отъ Папы Кардинальскою шапкою, одаренный богатыми сокровищами, съ именемъ Легата Апостольскаго для всѣхъ земель Сѣверныхъ (127), отправился въ Россію 6 Сентября, и еще во время пребыванія своего въ Далмаціи и Венгріи, писалъ грамоты во всѣ подвластныя ему Епархіи Литовскія (128) о соединеніи раздѣленныхъ Церквей Востока и Запада. Обрадованный торжественною встрѣчею жителей Кіева, которые съ истиннымъ восторгомъ послѣ несчастнаго раздѣленія Митрополіи взирали на него, какъ на единственнаго Митрополита всѣхъ Россійскихъ Епархій, онъ наконецъ торжественно вступилъ въ Москву (129), и съ радостію узрѣвъ Великаго Князя вручилъ ему грамоту отъ Папы. Евгеній извѣщалъ его о благословенномъ успѣхѣ Флорентійскаго Собора, и хвалилъ ревность Исидора, болѣе всѣхъ содѣйствовавшаго оному (130). Великій Князь принялъ сіе скромное и ласковое письмо Первосвященника Римскаго; и (въ молчаніи не зная отпа-

денія) ожидалъ дальнѣйшихъ послѣдствій Исидорова пребыванія на Соборѣ. Исидоръ явился Духовенству и народу, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ его въ Кремлевскомъ храмѣ Богоматери;—и удивилъ всѣхъ неожиданною новостію при своемъ явленіи: предъ нимъ несли Латинскій Крестъ и три палицы серебряныя. Удивленіе сіе еще болѣе увеличилось, когда среди Православнаго храма изъ устъ Первосвященника своего Россіяне услышали имя Папы Римскаго, Верховнаго главы Христовой Церкви, тогда, какъ прежде всегда были поминаемы Православные Патріархи Восточные. Всѣ недоумѣвали, страшились и гадали о сей удивительной перемѣнѣ; какъ наконецъ Исидоръ открылъ причину оной. По окончаніи службы Діаконъ съ Амвона торжественно объявилъ о соединеніи Церквей на VIII мнимомъ Вселенскомъ Соборѣ, и прочиталъ грамоту онаго, столь несогласную съ древнимъ ученіемъ Церкви Греческой. Въ глубокомъ молчаніи Россіяне съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга; необыкновенность предмета поразила ихъ; они не могли размышлять о слышанномъ. Слышали только, что вся Церковь Греческая покорилась Папѣ, Императоръ и всѣ знаменитѣйшіе Іерархи Востока на Вселенскомъ

Соборѣ рѣшили столь долговремянный споръ;—и поколебались въ Вѣрѣ; ни одного слова не смѣли произнести предъ Исидоромъ; безмолствовали и Епископы и Вельможи. Уже предатель Православія торжествовалъ свою побѣду среди сего всеобщаго молчанія Православныхъ! Но Провидѣніе невидимо осѣнило нашу Церковь своимъ покровомъ; въ то самое время, когда унылые сонмы Россіянъ безмолствовали, Великій Князь увидѣвъ отступленіе Исидора отъ древняго Православія, перемѣну преданій отеческихъ и предательство Церкви Папской власти, воспылалъ ревностію обличить клятвопреступника, и, вступивъ въ прѣніе съ Исидоромъ, торжественно наименовалъ его Лжепастыремъ, губителемъ душъ, Еретикомъ; голосъ Государя возбудилъ спящихъ Пастырей и Вельможъ; всѣ обратили взоры на Исидора, и уже не страшились разсуждать о принесенныхъ имъ новостяхъ изъ Италіи. Такимъ образомъ въ Москвѣ составился Соборъ, на которомъ Великій Князь, вмѣстѣ съ Духовенствомъ и Боярами своими разсуждалъ о грамотѣ VIII Вселенскаго Собора! На Соборѣ прочитали снова Флорентійскія опредѣленія; сличили ихъ съ прежними правилами и догматами Греческой Церкви, и нашли пристрастными и неоснова-

тельными. Ни торжественность собранія, ни многочисленность Іерарховъ Восточныхъ, ни почти всеобщее согласіе присутствовавшихъ на Флорентійскомъ Соборѣ не утвердили предубѣжденія между судіями Исидора въ его пользу; истина открылась во всемъ свѣтѣ; рѣшились держаться неизмѣнно древнихъ преданій Восточныхъ, и сохранить Вѣру въ той чистотѣ, въ которой она принесена Св. Владиміромъ въ благословенное наше отечество. Краснорѣчивый, хитрый Исидоръ истощалъ всѣ силы своего ума и слова, дабы побѣдить истину на Соборѣ Московскомъ; всячески старался сѣтями лжемудрованія своего опутать здравомыслящихъ, и любовь къ Священнымъ преданіямъ Древности охладить любовію къ новостямъ, столь повидимому занимательнымъ. Но всѣ усилія его были напрасны: его признали корыстолюбивымъ предателемъ Церкви; лишили Пастырскаго жезла, и обличивъ въ Ереси, убѣждали принести искреннее покаяніе, и опять обратиться къ православному исповѣданію Вѣры. Низведенный съ Митрополитскаго Престола Исидоръ былъ содержанъ подъ стражею въ Чудовомъ Монастырѣ (131). Болѣе не знаемъ мы никакихъ подробностей о семъ Соборѣ,—первомъ въ нашей Церкви по важ-

ности предмета и вліянію на судьбу ея; но для сердца нашего довольно и того, что намъ оставили Лѣтописцы: довольно знать то, что Предатель Церкви нашей осужденъ и изгнанъ; Вѣра сохранена въ древней ея первоначальной чистотѣ; Православіе восторжествовало надъ заблужденіемъ, и еще тверже укоренилось въ отечествѣ нашемъ.

XVI. Соборъ Московскій.

Едва только Великій Князь Василій Васильевичь успѣлъ, изгнавъ Исидора, возстановить миръ и тишину въ нашей Церкви; какъ вдругъ открылись новыя отечественныя бѣдствія, которыя угрожали поколебать и твердость Великокняжескаго Престола, и снова подвергнуть Россію тяжкому игу рабства. Издавна ненавидимый двоюроднымъ братомъ своимъ Димитріемъ Шемякою, онъ принужденъ былъ послѣ новой ссоры открыть съ нимъ войну междусобную, и въ тоже самое время, окруженный отъ враговъ внѣшнихъ, отражать страшныя ихъ нападенія. Среди сихъ смутныхъ обстоятельствъ Лѣтописцы упоминаютъ кратко о Соборѣ, составленномъ Димитріемъ Шемякою (133). Обратимъ вниманіе на дѣла гражданскія, дабы объяснить дѣла сего Собора нераскрытыя Исторіею.

Царь Казанскій Улу—Махметъ, овладѣвъ Нижнимъ Новгородомъ, шелъ къ стѣнамъ Московскимъ; Великій Князь собралъ войско; встрѣтилъ страшнаго непріятеля на берегахъ рѣки Неряи; сражался съ отличнымъ мужествомъ; но войско непріятелей было вдвое многочисленнѣе нашего; храбрость должна была уступить числу; воины наши побиты, и самъ Великій Князь, весь покрытый ранами, принужденъ былъ отдаться въ плѣнъ непріятелю (134). Горестны были обстоятельства отечества; Москва восстрепетала отъ ужаса; страшный пожаръ, истребившій около трехъ тысячь человѣкъ и множество красныхъ зданій Московскихъ, усугубилъ бѣдствія (135). Надобно было спасать отечество:—но Шемяка, помышляя только о гибели Великаго Князя, рѣшился погубить Россію. Вступилъ въ союзъ съ Царемъ Казанскимъ, и уже дѣло шло о томъ, чтобы Василію быть въ вѣчной неволѣ, а ему Великимъ Княземъ Россійскимъ подъ Верховною властію Улу—Ахмета. Но Провидѣніе спасло отечесто наше отъ неминуемаго рабства. Казань была осаждена врагомъ;—и Ахметъ долженъ былъ оставить Россію. Василій заплатилъ дань Царю, получилъ свободу, и немедлѣнно присутствіемъ своимъ ожи-

вилъ Москву, погребенную подъ страшными развалинами домовъ, и устрашенную разрушенiемъ Престола (136).

Шемяка съ досадою удалился въ Угличь; ненависть къ Великому Князю мучила злодѣя, — и онъ рѣшился погубить его въ стѣнахъ Кремлевскихъ. Вступивъ въ тайную связь съ Iоанномъ Можайскимъ Княземъ жестокосердымъ и легкомысленнымъ, и обманувъ Тверскаго Князя Бориса, Шемяка по предварительному согласiю съ нѣкоторыми единомышленниками своими въ Москвѣ, вступилъ нечаянно въ Столицу, среди глубокой зимней ночи. Великiй Князь былъ въ сiе время въ обители Преподобнаго Сергiя; они вломившись во Дворецъ захватили мать, супругу, многихъ вѣрныхъ Бояръ, казну его, и послѣ бросились искать Великаго Князя. Осадили Монастырь; Великiй Князь не имѣя средствъ къ спасенiю, искалъ убѣжища въ Церкви. Iоаннъ Можайскiй и тамъ преслѣдовалъ его: Василiй, услышавъ голосъ злодѣя, громко закричалъ ему: „Братъ „любезный! помилуй! не лишай меня Святаго мѣ„ста: никогда не выйду отсюда, здѣсь постри„гуся; здѣсь умру.“ И потомъ взявъ въ руки животворящiй Крестъ и Икону Богоматери предъ гробомъ Преподобнаго хотѣлъ обезоружить воз-

мучителя напоминовеніемъ ему священной клятвы ихъ быть въ любви и вѣрности взаимной; но ненависть и мщеніе заглушили гласъ совѣсти Іоанновой; жалкіе вопли Великаго Князя были напрасны,—и онъ наконецъ великодушно предалъ себя Промыслу Божію.

Желая отмстить ему за ослѣпленіе брата Шемяки, Василія косаго, они лишили его зрѣнія, и изгнали вмѣстѣ съ супругою въ Угличь. Невинныя дѣти Великаго Князя, Князья Іоаннъ и Юрій были тайно спасены преданными Престолу Пѣстунами ихъ, и отправлены подъ защиту къ Князю Ряполовскому Ивану.

Шемяка взошелъ на Великокняжескій Престолъ; — и Дворяне Московскіе, съ печальнымъ сердцемъ, дали присягу злодѣю. Не опасаясь болѣе ослѣпленнаго Князя, Шемяка опасался невинныхъ его дѣтей; боясь еще возмутить Россіянъ нападеніемъ на Князя Ряполовскаго для похищенія сихъ невинныхъ, онъ рѣшился употребить подлый обманъ. Зная уваженіе, которое всѣ имѣли къ Іонѣ, Святителю Рязанскому, и полагаясь на силу убѣжденій его болѣе, нежели на силу оружія, онъ обратился къ нему съ слѣдующею прозьбою. „Мужъ Святый! обѣщаю до„ставить тебѣ санъ Митрополита; но прошу

„твоей услуги. Иди въ свою Епископію, въ городъ Муромъ, возьми дѣтей Великаго Князя на „свою Епитрахиль, и привези ко мнѣ: я готовъ „на всякую милость; выпущу отца ихъ; дамъ „имъ удѣлъ знаменитый, да господствуютъ на „ономъ и живутъ въ изобиліи.“ Святитель, несомнѣваясь въ его искренности, отправился въ Муромъ, и ревностно старался успѣть въ Димитріевомъ порученіи. Бояре Муромскіе колебались; но опасаясь злодѣйскаго нападенія Шемяки, и отъ сего пагубнѣйшихъ слѣдствій для всего рода Великаго Князя, рѣшились вручить ихъ Святителю Божію. Потребовали клятвы отъ Іоны; и отдали ему несчастныхъ младенцевъ въ Церкви Богоматери, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, торжественно принялъ ихъ съ Церковной пелены на свой Епитрахиль въ удостовѣреніе, что Димитрій не сдѣлаетъ имъ ни малѣйшаго зла.

Шемяка лицемѣрно плакалъ отъ умиленія, ласкалъ, цѣловалъ юныхъ племянниковъ; и на третій день отправилъ съ Іоною къ отцу ихъ въ Угличь. Іона, возвратившись въ Москву, занялъ домъ Митрополитскій; но Шемяка не исполнилъ своего обѣта объ освобожденіи несчастнаго Князя. Князья Ряполовскіе воспылали гнѣвомъ про-

тивъ обманщика,—и рѣшились отмстить ему; Іона сокрушался глубокою скорбію, и непрестанно обличалъ Шемяку въ обманѣ. Вскорѣ Димитрій увидѣлъ замыслы защитниковъ Великокняжескихъ—и вострепеталъ отъ ужаса; негодованіе народа на его безразсудное правленіе еще болѣе усугубило страхъ похитителя Престола (137).

Среди сихъ-то страшныхъ угрозъ пробудилась совѣсть Шемяки, усыпленная обманами и злодѣйствомъ; онъ прибѣгъ къ Духовенству, и въ его совѣтахъ искалъ себѣ покоя и защиты. Въ 1446 годѣ составилъ онъ Соборъ въ Москвѣ, на которомъ присутствовали Епископы, Архимандриты и Игумены; предметомъ разсужденія, былъ вопросъ Димитрія, освободить ли Василія отъ неволи (138)? Не надобно, кажется, спрашивать Лѣтописцевъ, какое послѣдовало рѣшеніе на сей вопросъ Димитрія; безъ сомнѣнія Пастыри наши не могли равнодушно взирать на Похитителя Престола, отягченнаго злодѣйствами и совѣстію нераскаянною; не могли вѣрить Шемякѣ, который всѣ дѣла свои ознаменовалъ хитростію и вѣроломствомъ, и не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни любви къ подданнымъ, безразсудно управлялъ народомъ, и гото-

вилъ погибель Государству. Притомъ искренно любили Василія, какъ истиннаго сына Церкви, всегда ревностнаго къ ея пользамъ; еще слова его, произнесенныя имъ въ обличеніе Исидора, отзывались въ ихъ памяти и сердцѣ; несчастная судьба его возбуждала въ нихъ чувство сожалѣнія и скорби, и, изглаждая изъ памяти ихъ нѣкоторые недостатки его, внушала одно почтеніе къ нему и любовь. Такимъ образомъ предложеніе Димитрія должно было обрадовать ихъ надеждою избавленія Василія отъ неволи, а вмѣстѣ можетъ быть и надеждою избавленія Россіи отъ правленія Димитріева,—и они, не извѣстно какъ, только съ убѣдительностію, свойственною служителямъ Церкви, совѣтовали обезпокоенному Шемякѣ освободить Василія отъ неволи. Іона обманутый, невинный посредникъ въ вѣроломствѣ Шемяки, болѣе всѣхъ возгремѣлъ на Соборѣ противъ измѣнника, и обличивъ его въ коварномъ его поступкѣ, неотступно требовалъ, чтобы онъ исполнилъ данное имъ обѣщаніе. „Ты нарушилъ уставъ правды, говорилъ онъ ему: ввелъ меня въ грѣхъ, постыдилъ „мою старость. Богъ накажетъ тебя, естьли „не выпустишь Великаго Князя съ семействомъ, „и не дашь имъ обѣщаннаго Удѣла. Можешь ли

„опасаться слѣпца и невинныхъ младенцевъ? „Возми клятву съ Василія, а насъ Епископовъ „во свидѣтели, что онъ никогда не будетъ вра- „гомъ твоимъ.“ Убѣжденія Святителя поколебали сердце Димитрія; долго онъ размышлялъ, колебался; съ одной стороны желаніе исполнить совѣтъ Пастырей, угодить требованіямъ защитниковъ Великаго Князя, и примириться съ безпокойною совѣстію своею, требовало отъ него освобожденія несчастнаго плѣнника; съ другой страхъ потерять похищенный Престолъ, увидѣть въ свободномъ, хотя и слѣпомъ Василіѣ своего врага и Мстителя, держалъ его въ какой-то нерѣшимости. Но Іона не переставалъ вопіять противъ неправды;—и наконецъ сокрушилъ жестокость Шемяки. Злодѣй объявилъ свободу Великому Князю.

Желая торжественно даровать ее своему плѣннику, и какъ бы предъ лицемъ всей Россійской Церкви и отечества, взять съ него клятву въ дружбѣ и совершенной ему покорности, для безопасности своего Престола, Шемяка вмѣстѣ съ Епископами, Архимандритами и Игуменами, Князьями и Боярами отправился въ Угличъ къ несчастному Василію. Среди сего Священнаго Собора державный слѣпецъ и неволь-

никъ явился услышать милостивое благоволеніе врага своего. Зрѣлище величественное и трогательное! Великій Князь торжественно исповѣдуетъ свои грѣхи, признаетъ надъ собою справедливое наказаніе Божіяго правосудія и милосердіе Димитрія. „Я одинъ во всѣмъ виновенъ, говоритъ онъ, съ сердечнымъ умиленіемъ „и слезами; пострадалъ за грѣхи мои и беззаконія; излишно любилъ славу міра и преступалъ клятвы; гналъ васъ, моихъ братьевъ; губилъ Христіанъ, и мыслилъ еще изгубить многихъ; однимъ словомъ заслуживалъ казнь смертную. Но ты, Государь, явилъ милосердіе надо „мною и далъ мнѣ средство къ покаянію.“ Всѣ плакали, славя Ангельское смиреніе души Василіевой; Шемяка радовался, и пышно угостивъ Василія съ его семействомъ, Епископами и Вельможами, далъ въ удѣлъ ему Вологду; Василій далъ клятву быть вѣрнымъ похитителю его Престола!

Духовенство торжествовало свободу Василія; и симъ окончился Соборъ, составленный Шемякою въ Москвѣ. Но похититель Престола не долго оставался на немъ: Василій, разрѣшенный отъ клятвы данной Шемякѣ Трифономъ, Игуменомъ Бѣлозерскаго Монастыря со всего братіею, во-

оружился противъ врага своего, и, изгнавъ его изъ Столицы, снова взошелъ на Прародительской Престолъ свой къ общей радости и благоденствію Россіянъ (139).

XVII. Соборъ Московскій.

Благословляя Небо за его щедроты, Василій Васильевичъ, слѣпецъ по тѣлу, но прозорливый по душѣ, съ удивительною ревностію и благоразуміемъ началъ заниматься дѣлами государственными, какъ Церковными, такъ и Гражданскими. Церковь наша еще со временъ изгнанія Исидора цѣлыя восемь лѣтъ не имѣла главы отъ раздоровъ Константинопольскаго Духовенства и внутреннихъ нашихъ смятеній; Василій какъ бы въ благодарность Духовенству за особенное содѣйствіе въ его освобожденіи, а можетъ быть и по прошенію самаго Духовенства, первое вниманіе свое обратилъ на то, чтобы постановить Митрополита. Еще вскорѣ послѣ изгнанія Исидора онъ обратился по сему случаю съ прозьбою къ Императору и Патріарху Константинопольскому; но узнавъ достовѣрно, что они вступили подобно Исидору въ постыдный союзъ съ Первосвященникомъ Римскимъ, немедлѣнно повелѣлъ Послу своему возвратиться въ Москву. Не-

счастныя обстоятельства Царьграда, осажденнаго въ сіе время Турками, не позволили ему опять имѣть сношеніе съ Патріархомъ. Такимъ образомъ онъ рѣшился, по примѣру Великаго Ярослава, въ самой Москвѣ составить Соборъ, и на ономъ безъ отношенія къ Патріарху поставить Митрополита изъ нашихъ Епископовъ.

По повелѣнію Государя въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1147 года Святители нашей Церкви, Епископы Ефремъ Ростовскій, Авраамій Суздальскій, Іона Рязанскій, Варлаамъ Коломенскій, Питиримъ Пермскій, Геронтій Архимандритъ Симоновскій, и Мартиніанъ Игуменъ Сергіевскаго Монастыря, многіе другіе Архимандриты, Игумены прибыли на Соборъ (140); и уже съ радостію славя попечительность Великаго Князя о дѣлахъ Церкви, о ея величіи и благоденствіи, хотѣли приступить къ избранію своего Владыки; какъ вдругъ, снова колеблющійся Престолъ, потребовалъ прервать на нѣкоторое время ихъ Церковныя дѣла, и спасать Государя отъ новыхъ бѣдствій междоусобія.

Шемяка, давшій клятву Великому Князю быть искреннимъ ему другомъ, славить милость его до послѣдняго издыханія и никогда не мыслить о Великомъ Княженіи (141), началъ нарушать мир-

ный договоръ, и забывъ милости Великаго Князя, пощадившаго его отъ казни, которой онъ былъ достоинъ, какъ злодѣй и врагъ Престола, снова уже злоумышлялъ противъ своего благодѣтеля (142). Не надѣясь получить успѣха отъ частныхъ средствъ къ исправленію вѣроломнаго и неблагодарнаго врага своего, а съ другой стороны по особенному великодушію своему и добротѣ сердца, не желая предать его гражданскому суду и достойному его наказанію, Великій Князь вздумалъ предложить о его дѣлахъ на Соборѣ, желая судомъ Духовнымъ обратить Шемяку къ раскаянію. Ревностные къ пользамъ Государя и отечества Пастыри наши разсмотрѣли измѣнническія поступки Димитрія, и рѣшились, по совѣту Великаго Князя, силою отеческихъ убѣжденій своихъ и духовнаго наказанія возбудить въ немъ спящую совѣсть, представить ему живо пагубныя слѣдствія его упорства и неповиновенія Государю, и приведши его въ состояніе раскаянія и внутренней скорби о его злодѣяніяхъ, сдѣлать вѣрнымъ сыномъ отечества, и другомъ своего Государя; въ случаѣ же его упорства и непреклонности произнести надъ нимъ осужденіе Церкви и отторженіе его отъ ея благословенныхъ нѣдръ. Въ слѣдствіе се-

го благоразумнаго, достопамятнаго опредѣленія своего, они написали къ Димитрію убѣдительную, но вмѣстѣ и обличительную грозную грамоту, которая для потомства служитъ утѣшительнымъ свидѣтельствомъ ихъ преданности къ Престолу и пламенной ревности о пользѣ и спокойствіи Отечества. „Ты вѣдаешь,—писали „они къ нему, сколь трудился отецъ твой, что„бы присвоить себѣ Великое Княженіе, вопреки „волѣ Божіей и законамъ человѣческимъ: лилъ „кровь Россіянъ, сѣлъ на Престолѣ и долженъ „былъ оставить его; выѣхалъ изъ Москвы толь„ко съ пятью слугами, и Самъ звалъ Василія на „Государство; снова похитилъ оное—и долго ли „пожилъ? Едва достигъ желаемаго, и се въ мо„гилѣ, осужденный людьми и Богомъ. Что слу„лось и съ братомъ твоимъ? Въ гордости и вы„сокоуміи онъ рѣзалъ Христіанъ, Иноковъ, Свя„щенниковъ: благоденствуетъ ли нынѣ? Вспомни „и собственныя дѣла свои. Когда безбожный „Царь Махметъ стоялъ у Москвы, ты не хо„тѣлъ помогать Государю, и былъ виною Хри„стіанской гибели: сколько истреблено людей, „сожжено храмовъ, поругано дѣвицъ и Мона„хинь? Ты, ты будешь отвѣтствовать Всевы„шнему. Напалъ варваръ Мамутекъ: Великій

„Князь *сорокъ разъ* посылалъ къ тебѣ, молилъ
„итти съ нимъ на врага: но тщетно! Пали вѣр-
„ные въ битвѣ крѣпкой: имъ вѣчная память, а
„на тебѣ кровь ихъ! Господь избавилъ Василія
„отъ неволи: ослѣпленный властолюбіемъ, и пре-
„зирая святость крестныхъ обѣтовъ, ты, вто-
„рый Каинъ и Святополкъ въ братоубійствѣ,
„разбоемъ схватилъ, злодѣйски истерзалъ его:
„на добро ли себѣ и людямъ? Долго ли господство-
„валъ? И въ тишинѣ ли? Не безпрестанно ли вол-
„нуемый, порѣваемый страхомъ, спѣшилъ изъ
„мѣста въ мѣсто, томимый въ день заботами,
„въ нощи сновидѣніями и мечтами? Хотѣлъ боль-
„шаго, но изгубилъ свое меньшее. Великій Князь
„снова на Престолѣ: ибо даннаго Богомъ чело-
„вѣкъ не отнимаетъ. Одно милосердіе Василіево
„спасло тебя. Государь еще повѣрилъ клятвѣ
„твоей, и паки видитъ измѣну. Плѣняемый че-
„стію Великокняжескаго имени, суетною, есть-
„ли она не Богомъ дарована; или движимый зла-
„толюбіемъ, или уловленный прелестію женс-
„кою, ты дерзаешь быть вѣроломнымъ, не ис-
„полняя клятвенныхъ условій мира: именуешь
„себя Великимъ Княземъ, и требуешь войска
„отъ Новгородцевъ, будтобы для изгнанія Та-
„таръ, призванныхъ Василіемъ и доселѣ имъ не

„отсылаемыхъ. Но ты виною сего: Татары немедлѣнно будутъ высланы изъ Россіи, когда „истинно докажешь свое миролюбіе Государю. „Онъ знаетъ всѣ твои происки. Тобою наущенный, Казанскій Царевичь Мамутекъ оковалъ цѣпями Посла Московскаго. Седи — Ахмета не „признаешь Царемъ; но развѣ не въ сихъ же Улусахъ Отецъ твой судился съ Великимъ Княземъ? Не тѣ ли же Царевичи и Князья служатъ нынѣ Седи—Ахмету? Уже миновало шесть „мѣсяцевъ за срокъ, а ты не возвратилъ ни святыхъ крестовъ, ни Иконъ, ни сокровищъ Великокняжескихъ. И такъ мы, служители олтарей, „по своему долгу молимъ тебя, Господинъ Князь „Дмитрій, очистить совѣсть, удовлетворить „всѣмъ праведнымъ требованіямъ Великаго Князя, готоваго простить и жаловать тебя, изъ „уваженія къ нашему ходатайству, естьли обратишься къ раскаянію. Когда же въ безумной „гордости посмѣешся надъ клятвами, то не мы, „но самъ возложилъ на себя тягость духовную: „будешь чуждъ Богу, Церкви, Вѣрѣ, и проклятъ „на вѣки со всѣми своими единомышленниками и „клевретами (143).“ Исполнивъ волю Государя и свой долгъ духовнымъ наказаніемъ Димитрія, они обратились къ главной цѣли своего собра-

нія. Кажется, естьли бы Лѣтописцы умолчали о лицѣ, избранномъ на семъ Соборѣ въ Первосвятители нашей Церкви; мы не сомнѣваясь могли бы ожидать, что это было Іона. Ибо всѣ предшествующія обстоятельства служатъ не оспоримымъ доказательствомъ, что мимо сего знаменитаго Пастыря никакъ не могъ пройти жребій Великаго Первосвятительскаго служенія въ нашей Церкви. Лѣтописцы сказываютъ, что еще въ то время, когда онъ будучи Инокомъ Симоновскаго Монастыря подвизался на трудномъ поприщѣ самоотверженія и удаленія отъ мира, блаженный Митрополитъ Фотій, съ удивленіемъ посмотрѣвши на его кроткое, величественное лице во время мирнаго сна его, предсказалъ, что онъ будетъ нѣкогда первымъ Святителемъ земли Русской (144). Достопамятныя слова сіи повидимому приходили уже въ исполненіе, когда Іона послѣ долговременнаго сиротства нашей Церкви по смерти Фотія единогласно избранный всѣми Епископами нашей Церкви, былъ посланъ Великимъ Княземъ въ Константинополь принять благословеніе отъ Патріарха на Митрополитскій Престолъ; но къ несчастію Церкви, Царь и Патріархъ предварительно утвердивъ уже Исидора, принуждены были отказать ему, изъя-

вивъ впрочемъ свое сожалѣніе и согласіе непремѣнно рукоположить его, естьли Промыслъ продлить дни его (145). Послѣ сего, во времяна страшныхъ смятеній и междоусобій отечественныхъ, онъ, отличаясь предъ всѣми Христіанскими добродѣтелями своими и исполненіемъ Пастырскихъ обязанностей, отличился также ревностію къ пользѣ отечества и Престола. Уважаемый даже самимъ Шемякою, онъ конечно не по лестному обѣщанію сего злодѣя (146) возвести его на Митрополитскій Престолъ, но по обѣщанію свободы Великому Князю, рѣшился ходатайствовать о доставленіи ему невинныхъ дѣтей Великаго Князя; и послѣ, когда увидѣлъ обманъ Димитрія, никогда не переставалъ обличать его въ вѣроломствѣ, и силою убѣжденій Пастырскихъ требовать отъ него непремѣннаго исполненія даннаго имъ слова. Наконецъ, когда Промыслъ спасая Василія, обратилъ врага его къ совѣту съ Духовенствомъ о его судьбѣ, Іона на Соборѣ паче всѣхъ возсталъ противъ несправедливости Димитріевой, и неуклонно стоялъ за свободу Великаго Князя.

Теперь представимъ всѣ сіи услуги его Престолу; присовокупимъ къ сему то, что онъ еще въ Иночествѣ былъ преднареченъ предшественни-

комъ своимъ пасти Россійскую Церковь и послѣ дѣйствительно избранъ на степень Митрополита (147); наконецъ въ настоящее время предъ всѣми Пастырями Церкви отличался Святою жизнію, и пользовался всеобщимъ къ себѣ уваженіемъ Духовенства и народа; послѣ сего не должны ли мы заключить, что и на семъ Соборѣ никто не могъ быть столь достойнымъ избранія въ санъ Митрополита всей Церкви нашей, какъ Іона, Великій Пастырь Рязанской Епархіи, мужъ Святой и вѣрный сынъ отечества? И такъ справедливость требовала, чтобы онъ былъ поставленъ Митрополитомъ; такъ и случилось: Великій Князь самъ предложилъ Епископамъ избрать Іону Митрополитомъ;—и всѣ единогласно на Соборѣ утвердили предложеніе Государя, и съ радостію признали Іону своимъ Владыкою. Архіепископъ Новгородскій Евѳимій и Епископъ Тверскій прислали отъ лица своихъ Церквей грамоты, въ которыхъ изъявили свое согласіе на опредѣленіе Собора.

Такимъ образомъ Іона, Рязанскій Епископъ, уже нѣсколько лѣтъ назадъ получившій благословеніе отъ Патріарха на Митрополитскій Престолъ нашей Церкви, теперь по благословенію Епископовъ нашихъ и опредѣленію Священнаго

Собора нашей Церкви, на основаніи Святыхъ Апостольскихъ правилъ торжественно былъ поставленъ Главою нашей Церкви (148). Соборъ сей, достопамятный избраніемъ и опредѣленіемъ на Митрополитскій Престолъ сего Великаго Іерарха, который какъ свѣтильникъ горящій на высокомъ мѣстѣ всѣхъ освѣщалъ свѣтомъ Христіанскихъ добродѣтелей своихъ и Пастырскихъ поученій,—особенно также достопамятенъ потому, что съ сего времени совершенно почти утвердилась независимая отъ Константинопольскаго Патріарха Іерархія въ нашей Церкви (149).

XVIII. Соборъ Московскій.

Не упоминая о трехъ Соборахъ (150), составленныхъ въ Москвѣ въ разныя времена правленія державнаго Князя Іоанна III Васильевича для избранія и постановленія Митрополитовъ Өеодосія (151), Филиппа (152), и Геронтія (153), какъ уже обыкновенныхъ въ сіе время по утвержденіи совершенной независимости нашей Іерархіи отъ Константинопольскихъ Патріарховъ, обратимъ вниманіе на Соборъ, бывшій въ Москвѣ въ 1482 годѣ для избранія Архіепископа въ Новгородъ, любопытный по необыкновенности предмета (154), важный по тогдашнимъ обстоя-

тельствамъ Новагорода, и наконецъ достопамятный по премѣненію правленія въ Новгородской Церкви. Во времена народной вольности Новгородцы, независимые въ избраніи своихъ Гражданскихъ Начальниковъ; были независимы и въ избраніи своихъ Архіепископовъ. Среди собранія народнаго избирали достойныхъ сего высокаго сана, и, почитая указаніе жребія назначеніемъ самаго Промысла, полагали имена избранныхъ на Престолѣ; и потомъ указаннаго первымъ вынятымъ именемъ съ торжествомъ отправляли къ Митрополиту для поставленія (155). Но народная свобода ихъ уже изчезла;—и В. Князь непремѣнно хотѣлъ, чтобы и Іерархія ихъ Церкви была совершенно зависимою отъ Митрополита Россійскаго; посему повелѣлъ поставить имъ Архіепископа въ Москвѣ. Нельзя было не предвидѣть въ народѣ Новгородскомъ сильнаго ропота на сей поступокъ суевѣрныхъ; и такъ нужно было непремѣнно или ослабить въ Новгородцахъ предубѣжденіе къ древнему ихъ обычаю, и хотя нѣсколько польстить народному ихъ самолюбію; или опасаться новаго возмущенія и междоусобій. Благоразумный и осторожный Іоаннъ умѣлъ управить обстоятельствами,—и достигъ своей цѣли! Постановленія Соборовъ Цер-

ковныхъ во всѣ времена Христіанства были самыми Священными законами, которые съ благоговѣніемъ исполняли самые Государи. Посему несомнѣнно можно было надѣяться, что и Новгородцы съ радостію примутъ Соборное опредѣленіе Православныхъ Архипастырей, и еще будутъ гордиться симъ торжественнымъ избраніемъ своего Архіепископа. Такимъ образомъ Государь приказалъ Митрополиту составить по сему случаю Соборъ, и чтобы еще болѣе успокоить Новгородцевъ, въ уваженіе ихъ древняго обыкновенія, утвердить показаннаго жребіемъ.

Въ угодность Государю, Архіепископъ Ростовскій Іосифъ, Епископы Сѵмеонъ Рязанскій, Герасимъ Коломенскій и Прохоръ Сарскій, подъ предсѣдательствомъ Митрополита, въ присутствіи самаго Государя съ своимъ сыномъ, разсуждали о избраніи Преемника Ѳеофилу; общимъ голосомъ объявлены были достойными сего сана Елисей Архимандритъ Спаскій, Геннадій Архимандритъ Чудовскій и Сергій, Монахъ Троицкаго Монастыря, бывшій прежде Протоіереемъ при Церкви Пресвятыя Богородицы. Имена ихъ были положены на Престолѣ; Митрополитъ совершалъ божественную службу; торжественно со всею Церковію и Членами Собора молилъ Бога, дабы

Онъ показалъ достойнаго управлять стадомъ его; послѣ при всѣхъ вынялъ первое имя,—и жребій палъ на Сергія. Уже на Соборѣ опредѣлили быть ему Архіепископомъ Новгородскимъ; но Соборъ еще не окончился. Осторожный Государь, при всемъ этомъ еще опасаясь упорства и возмущеній въ Новгородцахъ, не хотѣлъ послать къ нимъ новаго Владыку ихъ, не узнавъ напередъ ихъ расположенія принять его.

По сему напередъ увѣдомилъ Новгородцевъ о Соборномъ избраніи Сергія, и ожидалъ отъ нихъ отвѣта; Новгородцы молчали, и съ покорностію ожидали новаго Архипастыря своего.

Почти чрезъ два мѣсяца (156) послѣ избранія, Архипастыри рукоположили Сергія въ Архіепископы и окончили Соборъ, на которомъ положено начало полной зависимости Новгородской Церкви отъ Московской Митрополіи (157).

XIX. Соборъ Московскій.

И такъ въ Москвѣ торжествовали совершенное покореніе гордой отечественной Республики! Государь, Духовенство, Царедворцы утѣшались счастливою перемѣною Церковныхъ и Гражданскихъ дѣлъ, необходимою для спокойствія и благоденствія цѣлаго отечества; но къ сожалѣ-

нію еще не знали тогда, что въ покоренномъ Новѣгородѣ скрывается гибельное зло, опаснѣйшее для Церкви и отечества самой вольности Новгородцевъ. Чрезъ восемь лѣтъ по вступленіи Великаго Князя Іоанна III Васильевича на Престолъ, въ Новгородѣ явилась Ересь Жидовская, богохульная, пагубная для Религіи и нравственности, доселѣ неслыханная въ Христіанствѣ; въ продолженіи почти двадцати лѣтъ она тайно, безъ большихъ препятствій распространялась, укоренялась, и къ несчастію весьма многихъ изъ Христіанъ отторгла отъ истинной Церкви. Уже въ 1490 годѣ Великій Князь увидѣлъ ужасныя ея плевелы въ Церкви,—и составилъ Соборъ для ихъ исторженія.

Основателемъ сей Ереси былъ Жидъ Схарія, прибывшій изъ Кіева въ Новгородъ съ Княземъ Михаиломъ Олельковичемъ въ 1470 годѣ (158). Новгородцы, занимаясь ремеслами и торговлею, не имѣли просвѣщенія; подъ видомъ внѣшняго благочестія у многихъ сокрывалось грубое суевѣріе; къ несчастію народа, самое Духовенство, опора истиннаго просвѣщенія и благочестія народнаго, не имѣло основательнаго познанія въ истинныхъ началахъ Религіи. Вѣра по большой части сохранялась только во внѣшнихъ обря-

дахъ и въ вещественныхъ храмахъ, а не въ умахъ и сердцахъ народныхъ. Схарія, хитрый умомъ, искусный словомъ, опытный въ знаніи Каббалистики и Астрономіи, умѣлъ воспользоваться столь бѣдственнымъ состояніемъ народа грубаго и непросвѣщеннаго; обманчивыми своими гаданіями, открытіями и предсказаніями, обратилъ на себя вниманіе любопытныхъ невѣждъ; вымышленными баснями о каббалѣ, утверждавшими ея божественное произхожденіе и таинственную силу производить чудеса въ природѣ и открывать глубокія ея таинства, поколебалъ простую довѣренность къ ученію Христіанскому и Православнымъ отеческимъ преданіямъ, плѣнилъ воображеніе грубыхъ Фанатиковъ, и наконецъ своею хитростію и обманомъ совершенно восторжествовалъ надъ умами слабыми и суевѣрными. Ему вѣрили во всемъ, — и онъ успѣлъ увѣрить ихъ, что Христосъ исповѣдуемый Христіанами не есть истинный Мессія, еще ожидаемый Евреями, и что все Христіанское ученіе есть только одинъ вымыслъ!

Зная, что ничто столько не можетъ имѣть вліянія на образъ мыслей и жизни народа, какъ примѣръ Духовенства, злохитрый Еврей всту-

нилъ въ связь съ двумя Новгородскими Священниками Діонисіемъ и Алексѣемъ.

Легкомысліе и суевѣріе сихъ недостойныхъ Пастырей Христова стада открыли ему надежныя средства содѣлать ихъ своими учениками; онъ обольстилъ ихъ нелѣпыми вымыслами и обворожилъ мнимыми чудесами своего ученія; ловкостію и хитростію привлекъ къ себѣ ихъ сердца; съ охотою слушая его, они сначала безъ сомнѣнія удивились чуднымъ сказаніямъ своего друга; потомъ не имѣя достаточныхъ свѣденій къ опроверженію его обмана, вмѣстѣ съ довѣренностію къ нему начали питать довѣренность къ его ученію, и наконецъ содѣлались первыми несчастными жертвами обольстительныхъ словъ его, и самыми ревностными распространителями и защитителями его ученія. Убѣдившись по невѣжеству и суевѣрію своему въ истинѣ жидовскаго ученія они приняли законъ Моѵсеевъ; отвергли вѣру въ пришедшаго Искупителя, надежду на блаженную вѣчность; смѣялись надъ Священными таинствами нашей Религіи; презирали всѣ Церковные обряды и попирали все, что только есть Священнаго и достойнаго благоговѣнія въ Христіанствѣ. Алексѣй, назвавъ себя Авраамомъ, а жену свою Сарою, содѣлалъ

домъ свой училищемъ для обращающихся къ Ереси ихъ; въ немъ вмѣстѣ съ Діонисіемъ ревностно преподавалъ жидовское ученіе, и со дня на день пріобрѣтая себѣ послѣдователей, утѣшался множествомъ отпадающихъ членовъ Церкви. Вскорѣ на помощь Схаріи прибыли еще друзья его изъ Литвы, и умножали успѣхи его ученія. Развратъ до того усилился въ Новгородѣ, что много духовныхъ дворянъ и простаго народа оставили истинную Церковь и мечтали найти себѣ спокойствіе и благоденствіе въ Синагогахъ Еретическихъ. Св. Іосифъ Волоколамскій, современникъ сихъ ужасныхъ происшествій, говоритъ, что благочестивая земля Руская не видала подобнаго соблазна отъ вѣка Ольгина и Владимірова.

Увлеченные грубымъ Фанатизмомъ послѣдователи Схаріи уже рѣшались принять всѣ обряды ветхозавѣтные; отметая крещеніе, просили Жидовъ обрѣзать ихъ по закону Моѵсееву: но хитрые наставники ихъ, опасаясь открыть истиннымъ Христіанамъ тайну своего соблазна, не соглашались исполнить ихъ желаніе, и непрестанно внушали имъ, дабы не подавали никакого подозрѣнія другимъ въ ихъ отступленіи отъ Церкви, и съ большею осторожностію ра-

спространяли новое ученіе свое. Еретики соблюдали строго всю наружную пристойность, казались смиренными постниками, строгими хранителями доброй нравственности.

Обманутые Жидами, они успѣли обмануть своихъ соотечественниковъ; всѣ удивлялись сначала ихъ благочестивой жизни; превозносили приверженность ихъ къ Божіей Церкви, и не знали, что Ангелы тьмы являются въ свѣтлой одеждѣ Ангеловъ Божіихъ!

Самъ Великій Князь во время пребыванія своего въ Новѣгородѣ въ 1480 годѣ призналъ Алексѣя и Діонисія отличными Пастырями, и изъявивъ имъ особенное благоволеніе свое взялъ съ собою въ Москву; первый сдѣланъ Протоіереемъ Успенскаго Собора, а вторый Архангельскаго. Съ ними перешла туда и Ересь Жидовская, оставивъ корень въ Новѣгородѣ. Алексѣй, подъ одеждою Фарисейскаго лицемѣрія скрывая гнусное свое ученіе, наружнымъ благочестіемъ своимъ успѣлъ снискать особенное благоволеніе Государя, имѣлъ свободный къ нему доступъ, и въ тоже время тайно разпространялъ свою Ересь; самъ и посредствомъ учениковъ своихъ уловилъ въ свою сѣть невѣстку Государеву, Симоновскаго Архимандрита Зосиму, Инока Захарію, Дьяка

и любимца Государева Θеодора Курицына и многихъ другихъ; самъ Государь, не подозрѣвая его въ Ереси, не рѣдко слышалъ отъ него рѣчи двусмысленныя и таинственныя. Соблазнъ непрестанно усиливался; — и Еретики отъ Палатъ Царскихъ до бѣдныхъ хижинъ простаго народа вездѣ имѣли своихъ послѣдователей!

Сергій, поставленный на Московскомъ Соборѣ Новгородскимъ Владыкою, прибылъ въ Епархію тогда, когда страшная буря уже волновала Новгородскую Церковь; но будучи слабъ тѣломъ и духомъ онъ не могъ бдительно хранить ввѣренное ему стадо. Ересь распространялась непрестанно, и въ глазахъ его созрѣвали ужасные плевелы ея; но онъ не могъ имѣть довольно проницательности, чтобы увидѣть ихъ, и позаботиться объ ихъ исторженіи. Не любимый народомъ оскорбленнымъ за его избраніе въ Москвѣ вопреки прежнимъ правамъ Новгородскимъ, онъ тайно сокрушался своею судьбою, и по непродолжительномъ управленіи Епархіею оставилъ неприкосновеннымъ въ Новгородѣ гнѣздо ужасныхъ Еретиковъ (159).

Преемникъ его, Геннадій мужъ просвѣщенный и ревностный поборникъ Православія ужаснулся, увидѣвъ пагубныя дѣйствія Еретиковъ; не-

медлѣнно изслѣдовавъ ихъ ученіе, съ пламенною ревностію вооружился противъ неслыханнаго разврата, обличалъ со всею силою заблудившихся, и увѣдомилъ Митрополита Геронтія, обстоятельно разкрывъ ихъ пагубное ученіе, наименовавъ Еретиковъ, и убѣдительно просивъ его предпринять дѣйствительнѣйшія мѣры къ прекращенію Ереси. Но къ сожалѣнію ревностнымъ усиліямъ Архіепископа не соотвѣтствовало содѣйствіе Митрополита; онъ, вѣроятно, почитая Ересь сію неважною, или, какъ пишутъ Лѣтописцы, не желая безпокоить Государя обремененнаго тогда множествомъ дѣлъ Государственныхъ, и настоятельно требовать розыска и наказанія Еретиковъ, оставилъ Геннадія дѣйствовать въ семъ случаѣ собственными его силами, предписавъ ему съ согласія Государя и Епископовъ обличить обвиняемыхъ Еретиковъ, наказать духовно, а въ случаѣ упорства и неповиновенія предать суду гражданскому. Виновные, узнавъ рѣшеніе Митрополита, тайно ушли въ Столицу, и тамъ подъ защитою Алексѣя еще болѣе распространяли ученіе свое; а необличенные Еретики между тѣмъ не преставали дѣйствовать въ свою пользу въ Новѣгородѣ. Такимъ образомъ возмущеніе Церковное непрерыв-

но продолжалось, и до того наконецъ простерлось, что Геннадій въ 1490 годѣ принужденъ былъ опять отнестись въ Москву, и просить неотступно Государя и Митрополита о принятіи важнѣйшихъ мѣръ къ искорененію Ереси.

Но къ большему несчастію Церкви въ сіе время на мѣсто Геронтія по предстательству Еретика Алексѣя на Престолъ Митрополитскій возведенъ Архимадритъ Симоновскій Зосима, ученикъ его. Мы увидѣли, пишетъ о немъ Іосифъ, чадо Сатаны на Престолѣ угодниковъ Божіихъ Петра и Алексія; увидѣли хищнаго волка въ одеждѣ мирнаго Пастыря. Тайный жидовинъ еще скрывался подъ личиною Христіанскихъ добродѣтелей. Государь, получивъ донесеніе Архіепископа Новгородскаго, немедлѣнно призвалъ Епископовъ Тихона Ростовскаго, Нифонта Суздальскаго, Сумеона Рязанскаго, Вассіана Тверскаго, Прохора Сарскаго, Филоѳея Пермскаго, такъ же многихъ Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ, и велѣлъ Соборомъ изслѣдовать Ересь. 17 Октября 1490 года подъ предсѣдательствомъ Митрополита начали они разсматривать дѣла Еретиковъ Новгородскихъ. По изслѣдованіи, согласно донесенію Геннадія, открылись ужасныя

ихъ заблужденія, совершенно ниспровергавшія самыя основанія Христіанской Религіи и ея таинствъ.

Они отвергали таинство Святыя Троицы, признавая единаго Бога и по существу и по личности; не признавали ученія Евангельскаго истиннымъ, увѣряя, что Іисусъ Христосъ еще не родился, и вѣрили только Божественному происхожденію Моvсеева закона, а посему считали необходимымъ принять всѣ Ветхозавѣтные обряды, жертвоприношенія и обрѣзаніе. Не понимая таинства воплощенія Сына Божія, совершенно отвергали даже вопреки надеждамъ народа Еврейскаго возможность онаго, и не вѣрили бытію первороднаго грѣха въ человѣческомъ родѣ; осуждали иконопочитаніе, называя иконы болванами, и повергая ихъ въ мѣста нечистыя; слѣдуя Саддукейскимъ мнѣніямъ не вѣрили ни Царству Небесному, ни Воскресенію мертвыхъ. Кратко сказать, не вѣрили ничему написанному въ Новомъ Завѣтѣ; но на основаніи жидовской испорченной вѣры, составили свои самыя превратныя и развращенныя понятія о Религіи, нравственности, ниспровергающія все, что только есть въ человѣкѣ достойнаго и высокаго, въ Христіанствѣ святаго и спасительнаго, въ об-

ществѣ полезнаго и необходимаго. Епископы ужаснулись; самъ Митрополитъ казался изумленнымъ. Призвали на Соборъ обвиняемыхъ Инока Захарію, Новгородскаго Протопопа Гавріила, Священника Діонисія и другихъ (глава ихъ Алексѣй умеръ года за два до сего времени). Они заперлися; но свидѣтельства Новгородскія и Московскія были несомнительны. На Соборѣ произнесли проклятіе на уличенныхъ Еретиковъ; самъ Зосима, опасаясь открыть Богохульныя уста свои къ ихъ защищенію, со скорбію и гнѣвомъ принужденъ былъ первый обвинить своихъ единомышленниковъ. Согласно съ волею Государя многіе изъ безумныхъ Еретиковъ были сосланы въ заточеніе; а другіе отправлены въ Новгородъ для наказанія. Архіепископъ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней, лицемъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной, въ шлемахъ берестовыхъ, съ мочальными кистями, съ вѣнцемъ соломеннымъ, и съ надписью: Се есть сатанино воинство! Въ семъ презрѣнномъ и позорномъ видѣ ихъ возили изъ улицы въ улицу; народъ съ презрѣніемъ осыпалъ ихъ справедливыми укоризнами, плевалъ въ глаза, восклицая: се враги Христовы, и наконецъ сжегъ у нихъ на головѣ шлемы. Такимъ образомъ произнеся тор-

жественное проклятіе на жидовскую Ересь, Соборъ Епископовъ окончился въ томъ же годѣ, предоставивъ дальнѣйшее искорененіе заблужденій и обращеніе отпадшихъ чадъ Церкви къ истинной Вѣрѣ частнымъ стараніямъ и попечительности всѣхъ Православныхъ Пастырей Церкви (160).

Къ несчастію проклятіе поразившее Еретиковъ на Соборѣ не тронуло сердце Зосимы; онъ остался въ своихъ заблужденіяхъ, и послѣ Собора сего еще около четырехъ лѣтъ безчестилъ правленіемъ своимъ Священный Престолъ Первосвятительскій.

Не смѣя торжественно вооружиться противъ Православія, онъ тайнымъ образомъ старался распространять жидовскую Ересь, и въ своихъ палатахъ собиралъ единомышленниковъ для разсужденія о средствахъ развратить слабыхъ въ вѣрѣ Христіанъ. Въ 1491 годѣ Великій Князь, неизвѣстно по обличенію ли его въ Ереси, или, какъ говорятъ Лѣтописцы, просто только за нерадѣніе о Церкви и пристрастіе къ вину, повелѣлъ ему оставить Митрополію (161).

И кажется, надлежало бы послѣ сего ожидать совершеннаго искорененія жидовской Ереси, особенно потому, что новый Митрополитъ Симонъ

и Св. Іосифъ Волоколамскій ревностно старались объ обращеніи Еретиковъ къ истинной Церкви въ Москвѣ, а Геннадій въ Новѣгородѣ; но къ сожалѣнію бдительное попеченіе ревностныхъ хранителей Вѣры успѣло только остановить пагубное разпространеніе заблужденій, и пресѣчь явныя скопища Еретиковъ, но не прекратило тайныхъ возмущеній ихъ противъ Церкви. Еще послѣ сего въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ ученіе Схаріи тайно распространялось между маловѣрными и слабоумными; часто обнаруживалось, и было или обличаемо Пастырскими наставленіями Духовныхъ, или поражаемо Церковнымъ проклятіемъ и гражданскимъ правосудіемъ,—и наконецъ уже въ 1503 годѣ снова оказало пагубное вліяніе свое на Церковь. Убѣжденный представленіями Духовенства Великій Князь рѣшился быть строгимъ послѣ того, какъ отеческое снисхожденіе его не могло побѣдить упорства отступниковъ. Возобновилъ бывшій въ 1490 годѣ Соборъ, и самъ вмѣстѣ съ Митрополитомъ и Епископами снова слушалъ доносы на Еретиковъ. Іосифъ Волоколамскій засѣдалъ съ судіями, гремѣлъ краснорѣчіемъ, обличалъ Еретиковъ, и уже не надѣясь отъ ихъ долговременнаго упорства чистосердечнаго по-

каянія, требовалъ имъ мірской казни. Нѣкоторые изъ обличенныхъ отступниковъ не хотѣли оставить своихъ заблужденій, и на Соборѣ не убоялись утверждать мнимую истину своихъ понятій о Вѣрѣ; другіе, видя пылающій предъ собою костеръ, ужасались казни, и изъявляли раскаяніе; но отъ прозорливаго Іосифа не могли скрыть своего лицемѣрія (162). Онъ увѣрилъ Государя, что покаяніе ихъ ложно, и всѣмъ произнесено осужденіе. Упорные были осуждаемы на смерть, всенародно сожигаемы въ клѣткѣ (163); лицемѣрные посажены въ темницы или разосланы по Монастырямъ. Такимъ образомъ Соборъ по случаю Жидовской Ереси совершенно окончился въ 1503 годѣ, строгостію Гражданской Власти пресѣкши возмущенія Еретиковъ (164).

XX. Соборъ Московскій.

Въ то время, какъ Ересь Жидовская возмущала истинную Церковь непрестаннымъ отпаденіемъ отъ нея маловѣрныхъ Христіанъ, приближеніе конца седьмой тысячи лѣтъ отъ созданія міра устрашало суевѣрныхъ мыслію о концѣ міра (165).

Сія мысль еще болѣе утверждаемая всеобщими бѣдствіями, которыя тогда поражали боль-

шую часть Россіи (166), владычествовала въ умахъ даже образованныхъ людей; а малопросвѣщенные непререкаемое доказательство оной находили въ томъ, что съ концемъ сей тысячи оканчивалось изчисленіе Церковнаго круга. Еретики, пользуясь народнымъ мнѣніемъ о кончинѣ міра, основанномъ на мнимыхъ преданіяхъ и предсказаніяхъ, но не видя исполненія онаго, старались увѣрить всѣхъ, что сказанія отцевъ ложны, и Вѣра, которой они держатся, несправедлива (167). Такимъ образомъ Церковь, возмущаемая Ересію, была еще возмущаема суевѣріемъ. Но наконецъ наступилъ новый годъ осьмой тысячи,—и суевѣрные успокоились; увидѣли, что земля стоитъ, и небесный сводъ не колеблется. И такъ съ продолженіемъ міра и Церкви надобно было продолжить и счисленіе временъ Церковныхъ. По сему случаю въ 1492 годѣ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ былъ составленъ въ Москвѣ Соборъ. Еще Митрополитъ Зосима въ то время не былъ лишенъ жезла первосвятительнаго; и потому предсѣдательствовалъ на семъ Соборѣ, состоявшемъ изъ многихъ Архіепископовъ, Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, и другихъ особъ Священнаго чина. Изъ лицъ присутствовавшихъ на семъ Соборѣ Лѣтописцами изчисля-

ются кромѣ Митрополита: Геннадій Архіепископъ Великаго Новагорода, Тихонъ Архіепископъ Ростовскій, Тихонъ Епископъ Суздальскій, Сѵмеонъ Епископъ Рязанскій, Севастіанъ Епископъ Тверскій, Авраамій Епископъ Коломенскій, Прохоръ Епископъ Сарскій и Филоѳей Епископъ Пермскій. На Соборѣ только разсуждали о дѣлѣ, но не дѣлали. Геннадій Новгородскій болѣе прочихъ отличался познаніями и ученостію;—и Зосима, хотя не былъ расположенъ къ нему за его ревность въ искорененіи Жидовской Ереси, однаго принужденъ былъ обратиться къ нему и поручить ему изчисленіе Церковнаго круга. Геннадій принялъ на себя сей трудъ, но между тѣмъ Зосима самъ при пособіи другихъ Архипастырей составилъ изчисленіе Церковнаго круга на 20 лѣтъ, и далъ разсмотрѣть свою Пасхалію Филоѳею, Епископу Пермскому, котораго вычисленія утвердили ея вѣрность. Вскорѣ и ревностный Геннадій совершилъ данное ему порученіе; изчислилъ всѣ времена Церковныя соотвѣтственно теченію планетъ, изложилъ на большихъ листахъ круги Солнечные, Лунные, основанія, Эпакты, *въ руцѣ лѣта* и *ключи границъ*, и представилъ Собору свою Пасхалію до 7980 года. На Соборѣ разсмотрѣли оную, нашли ее

согласною съ древнимъ изчисленіемъ Отцевъ Никейскихъ и положили твердо и непоколебимо держаться оной въ будущія времена. Соборъ сей утвердилъ также, что годъ начинается въ Россіи вмѣстѣ съ Индиктомъ 1 Сентября (168).

XXI. Соборъ Московскій.

Между тѣмъ, какъ Пастыри Церкви старались искоренять заблужденія Еретиковъ и суевѣріе непросвѣщеннаго народа, Великій Князь Іоаннъ Васильевичь, раздавъ Новгородскіе земли Дѣтямъ Боярскимъ, мыслилъ и всѣ прочія принадлежавшія Монастырямъ и Церквамъ села и деревни обратить въ Государственное имущество. Ему казалось непристойнымъ Духовенству, и въ особенности Инокамъ, имѣть во владѣніи своемъ помѣстья по тому, что они возлагали на нихъ множество мірскихъ заботъ;—и онъ рѣшился исполнить свое намѣреніе.

Столь важное дѣло не могло быть рѣшено безъ согласія Духовенства; такимъ образомъ по повелѣнію Государя, въ 1500 годѣ, былъ составленъ въ Москвѣ Соборъ, на которомъ преемникъ Зосимы Митрополитъ Симонъ съ Епископами разсуждалъ о предложеніи Великаго Князя. Слѣдующая

достопамятная рѣчь, произнесенная предъ Великимъ Княземъ посланнымъ отъ лица сего Собора, содержитъ въ себѣ все дѣлопроизводство онаго. „Отецъ твой, Симонъ Митрополитъ всея „Русіи, Епископы, и весь Освященный Соборъ „говорятъ, что отъ Равноапостольнаго Велика„го Царя Константина до позднѣйшихъ временъ „вездѣ Святители и монастыри *держали гра„ды, власти и села.* Никогда Соборы Св. Отцевъ „не запрещали сего; запрещали имъ единствен„но продавать недвижимое достояніе. При са„мыхъ предкахъ твоихъ, Великомъ Князѣ Влади„мірѣ, Ярославѣ, Андреѣ Боголюбскомъ, братѣ „его Всеволодѣ, Іоаннѣ Даниловичѣ, внукѣ бла„женнаго Александра, современникѣ Чудотворца „Петра Митрополита, и до нашего времени Свя„тители и Монастыри имѣли грады и власти, „слободы и села, управы, суды, пошлины, обро„ки и дани Церковныя. Не Святый ли Влади„міръ, не Великій ли Ярославъ сказали въ уста„вѣ своемъ: *кто преступитъ его изъ дѣтей или „потомковъ моихъ; кто захватитъ Церковное „достояніе и десятины Святительскія; да бу„детъ проклятъ въ сей вѣкъ и будущій?* Самые „злочестивые Цари Ордынскіе, боясь Господа, „щадили собственность Монастырей и Святи-

„тельскую: *не смѣли двигнути вещей неподвиж-„ныхъ.* И такъ не дерзаемъ и не *благоволимъ* „отдать Церковнаго стяжанія: ибо оно есть „Божіе и неприкосновенно.“ Великій Князь или убѣдившись представленіемъ Собора, или опасаясь произвести какое либо разстройство и несогласіе, не захотѣлъ упорствовать, и согласился съ разсужденіемъ Собора (170).

XXII. Соборъ Московскій.

Хотя намѣреніе В. Князя и не было совершено; впрочемъ имѣло ощутительное вліяніе на Духовенство. Архипастыри обратили все вниманіе свое на образъ жизни и поведенія подчиненныхъ имъ Священно и Церковнослужителей, и въ 1503 годѣ составился въ Москвѣ новый Соборъ для искорененія безпорядковъ происходившихъ между Духовными.

На Соборѣ семъ Митрополитъ Симонъ, Геннадій Архіепископъ Новгородскій, Нифонтъ Епископъ Суздальскій, Протасій Тверскій, два Никона Коломенскій и Пермскій, Трифонъ Сарскій, многіе Архимандриты и Игумены разсуждали о средствахъ прекратить примѣченные ими безпорядки въ Духовенствѣ, и наконецъ грамотою, утвержденною послѣ Великимъ Княземъ и скрѣ-

пленною ихъ подписями, положили, слѣдуя правиламъ Апостольскимъ и Св. Петра Чудотворца:

1. Священникамъ и Діаконамъ вдовымъ не священнодѣйствовать, но только пѣть и читать на клиросѣ, и получать четвертую часть дохода: первымъ отъ мѣстныхъ Священниковъ, а другимъ отъ Діаконовъ; впрочемъ было позволено Священникамъ вдовымъ возлагать на себя Епитрахиль, а Діаконамъ облекаться въ стихарь при принятіи Св. Таинъ и пріобщаться въ Олтарѣ. Желающіе изъ оныхъ облечься въ Иноческій образъ, и по сему провождать подвижническую жизнь въ обителяхъ Монашескихъ, получали полныя права Священнодѣйствія.

2. Священникамъ и Діаконамъ, уличеннымъ въ нарушеніи цѣломудрія, не только не имѣть никакого права совершать таинства, но даже и не носить одежды, приличной духовному сану. Они должны были по опредѣленію Собора жить между людьми мірскими, носить ихъ платье, стричь подобно имъ волосы и участвовать съ ними во всѣхъ гражданскихъ повинностяхъ.

3. Монахамъ и Монахинямъ не жить въ одномъ Монастырѣ; но быть въ совершенномъ раздѣленіи, въ особенныхъ Монастыряхъ, первымъ подъ управленіемъ Игуменовъ, а вторымъ Игуме-

ней. Въ Женскихъ Монастыряхъ Инокамъ никогда не совершать Богослуженія, но совершать оное бѣлымъ Іереямъ.

4. Воздерживаться отъ всякаго Церковнаго мздоимства подъ опасеніемъ лишиться Святительскаго сана. Силу закона сего вскорѣ испыталъ Геннадій, Новгородскій Архіепископъ (171).

XXIII. Соборъ Виленскій.

По примѣру Московскаго Митрополита и Кіевскій Митрополитъ Іосифъ обратилъ свое вниманіе на состояніе Духовенства Литовской Россіи. Въ 1509 годѣ составилъ онъ въ Вильнѣ Соборъ изъ Семи Епископовъ, на которомъ установлены были весьма строгіе законы для нравственности Священниковъ, и защищены права Духовенства и Церквей отъ притязаній Свѣтской власти. На Соборѣ семъ были положены слѣдующія правила: 1) Іереями должны быть люди безпорочные и женатые; 2) Князья и Паны, хищники Церковнаго имѣнія, отлучаются отъ Церкви; 3) Иноки не должны выходить изъ своихъ Монастырей безъ воли Настоятелей; 4) Мірскіе люди не должны имѣть никакого участія въ управленіи Церковными дѣлами; ибо въ такомъ случаѣ они бываютъ непокорными Пасты-

рямъ, и *сами себѣ*, по слову Апостола, *бываютъ законъ*. 5) Равно осуждаются и тѣ Епископы, которые, оставляя свои обязанности, занимаются дѣлами мірскими. Въ заключеніе сказано, что естьли кто осмѣлится нарушить сіи положенія Собора, то таковаго должно подвергнуть Соборному осужденію Митрополита и Епископовъ.

Дѣянія сего достопамятнаго Собора свидѣтельствуютъ, что Церковь наша пользовалась тогда въ Литвѣ свободою, независимостію, и была вѣрною кореннымъ уставамъ Православія (172).

Сей Соборъ былъ послѣдній въ нашей Церкви до времени Іоанна IV Васильевича Грознаго.

Послѣ сего времени цѣлыя два столѣтія въ Церкви нашей въ случаѣ особенно важныхъ дѣлъ были составляемы Соборы. Уже Петръ Великій положилъ имъ предѣлъ, учредивъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, или постоянный Соборъ знаменитѣйшихъ Іерарховъ нашея Церкви, подъ сѣнію коего Церковь наша до настоящихъ временъ благоденствуетъ и процвѣтаетъ при содѣйствіи Промысла, непрестанно пекущагося о ея цѣлости и безопасности.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Матѳ. XXVIII, 20.

(2) Дѣян. XV и XXI.

(3) I. и VI. Дѣян.

(4) Мартинъ и Еретики Жидовскіе. Смот. ниже Истор. Собор. III и XIX.

(5) Ѳеодоръ Епископъ Ростовскій. См. Истор. Соб. V.

(6) Митрополитъ Зосима. См. Истор. Соб. XIX.

(7) Пастыри обличаемые Исторіею Собора VI.

(8) Великій Князь Изяславъ. См. Карамз. ч. 2, стр. 78.

(9) Митрополитъ Исидоръ. См. Ист. Соб. XV.

(10) См. Исторію Собора III на Мартина и XIX на Ересь Жидовскую.

(11) См. Истор. Соб. I и II.

(12) См. Истор. Соб. XXI и XXIII.

(13) См. Истор. Соб. XV.

(14) См. Истор. Соб. XII.

(15) См. Истор. Соб. VI, XXII.

(16) Исторія Соборовъ бывшихъ въ Россійской Церкви продолжается здѣсь только до временъ Іоанна IV. Васильевича Грознаго по тому, что такъ назначено было покойнымъ Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ.

(17) Никон. Лѣтоп. ч. I. стр. 139.

(18) Такъ пишется въ Никоновой Лѣтописи I. часть стр. 139. Съ нею согласенъ Платонъ въ Церковной Исторіи ч. I. стр. 65, и другіе.

(19) Карамз. 2 часть стр. 336.

(20) Карамз. 2. часть стр. 30.

(21) Здѣсь разумѣется ослѣпленіе нашихъ плѣнниковъ въ

Константинополѣ, о чемъ было выше сказано. Кар. 2. часть стр. 30.

(22) См. Степен. Кн. I. часть, стр. 223 и 224.

(23) Тамъ же въ Степен. книгѣ.

(24) Карамз. 2. часть стр. 26.

(25) Это кажется съ большею вѣроятностію можно заключить изъ того, что тогда еще не болѣе было пяти Епархій въ Россіи, а слѣдовательно и не болѣе Епископовъ мѣстныхъ. Плат. Церк. Истор. ч. I. стр. 40 и 41.

(26) Въ Никоновой Лѣтописи Иларіонъ называется мужемъ благимъ, книжнымъ и постникомъ. Онъ первый положилъ начало Кіевскимъ пещерамъ, ископавъ одну, въ которую еще будучи Священникомъ Церкви Св. Апостолъ Петра и Павла въ Селѣ Берестовомъ ежедневно удалялся, дабы въ уединеніи приносить молитвы Богу. Никон. Лѣт. ч. 1. стр. 140.

(27) См. Плат. Цер. Ист. ч. I. стр. 65.

(28) Никон. Лѣт. ч. 2. стр. 95. Царств. Лѣт. 61. стр. Степен. Кн. ч. I. стр. 250.

(29) Карамз. ч. 2. стр. 118, 138. Плат. Цер. Ист. ч. I. стр. 81. говоритъ, что Михаилъ непрестанно примирялъ между собою Князей, и именно: Князя Ярополка съ его Племянниками въ 1136 годѣ; потомъ Вечеслава Владиміровича со Всеволодомъ Ольговичемъ въ 1138 годѣ.

(30) Плат. Цер. Ист. ч. I. стр. 82.—Карамз. 2. часть стр. 468.

(31) См. Каталогъ Россійскихъ Митрополитовъ. Иннок. ч. 2. стр. 279. Карамз. 2. часть стр. 208 и 469.

(32) Степен. Книг. ч. I. стр. 250.

(33) Карамз. ч. 2. стр. 468.

(34) См. Никон. Лѣт. ч. 2. стр. 95.

(35) Въ Степен. Книгѣ ч. I. стр. 251 пишется о немъ, что онъ бысть вельми доволенъ книжной премудрости, изряденъ Философъ, яко прежде сего не бысть таковъ въ Русіи. А въ Никон. Лѣтописи ч. 2. стр. 95., что онъ былъ зѣло книженъ, и учителенъ и Философъ велій, и много писанія написавъ предаде.

(36) Степ. Кн. ч. I. стр. 251.—Карамз. ч. 2. стр. 468 и 469.

(37) Карамз. Истор. ч. 2. стр. 208, 468 и 469.

(38) Степен. Книга ч. 2. стр. 251.

(39) Степен. Книга ч. 2. стр. 251.

(40) Онъ послѣ поносилъ новаго Митрополита; не соглашался съ нимъ служить; всячески старался свергнуть его съ Престола, и дѣйствительно успѣлъ въ семъ, когда мѣсто Изяслава заступилъ новый Князь, по ненависти къ Изяславу, ненавидѣвшій и избраннаго имъ Митрополита. За сіи поступки онъ былъ любимъ Патріархомъ и получилъ отъ него похвальную грамоту; былъ уважаемъ простымъ народомъ Русскимъ, отъ котораго получилъ наименованіе *Поборника* земли Русской.—Карамз. ч. 2. стр. 208 и 264. Воскр. Сп. ч. II, 28.

(41). Опредѣленное время продолженія сего Собора неизвѣстно, хотя извѣстно то, что онъ продолжался недолго. Доказательствомъ сего служитъ и самый предметъ, для коего онъ составленъ, и особенно сопровождавшія его обстоятельства. Климентъ посвященъ уже послѣ Соборнаго опредѣленія 27 Іюля 1147 года; а Патріарха въ Константинополѣ не стало въ Февралѣ мѣсяцѣ того же года. И поелику Соборъ собранъ потому, что не было въ Константинополѣ Патріарха; то очевидно, что онъ не могъ продолжаться болѣе трехъ иля четырехъ мѣсяцевъ.

(42) См. Карамз. ч. 2. стр. 164.

(43) См. Соборное дѣяніе сего собора подъ конецъ Працицы. Нашъ Исторіографъ сомнѣвается въ достовѣрности сего Собора, потому, 1) что о немъ у Лѣтописцевъ нигдѣ не упоминается, 2) что въ 1151 годѣ не Ростиславъ, но Изяславъ княжилъ въ Кіевѣ, и еще, 3) что слогъ сего дѣянія не древенъ. Карамз. ч. 2. стр. 509. Но противъ сего можно сказать 1), что кромѣ сего Собора много есть Историческихъ произшествій, о коихъ Лѣтописцы не упоминаютъ, и о коихъ однакоже мы достовѣрно знаемъ изъ частныхъ записокъ. Напр. о Соборѣ, бывшемъ при Митрополитѣ Кириллѣ въ 1274 годѣ. 2), что смущенія бывшія тогда между Князьями, и неоднократно случавшееся то восхожденіе на Престолъ Ростислава, то низверженіе съ онаго, легко могли быть причиною, что Ростиславъ, не имѣя въ семъ годѣ Скипетра, имѣлъ однако же имя Великаго Князя; 3) что по слогу трудно различать древнія произведенія наши. Доказательствомъ сему служатъ собранныя Г. Калайдовичемъ древнія произведенія наши двенадцатаго вѣка. Притомъ можетъ быть, дошедшее до насъ дѣяніе сего Собора не есть подлинникъ. Разрѣшенія недоумѣній касательно дѣйствительности сего Собора съ большею ясностію представляются въ Працицѣ лист. 168 и 172. и въ особенномъ разсужденіи соч. Лавровымъ и изданномъ въ 1804 годѣ.

(44) Началомъ сего Собора полагается въ дѣяніи онаго Іюль мѣсяцъ 1157 года, а концемъ Октябрь 1158 года.

(45) Карамз. 3. ч. стр. 31.

(46) Карамз. тамъ же, и Плат. Цер. Ист. ч. I. стр. 98. Никон. Лѣт. ч. II. стр. 178.

(47) См. Кенигсб. стр. 237. Воскр. ч. II. стр. 63.

Никон. Лѣт. ч. II. стр. 178. Церк. Истор. Иннок. стр. 300.

(48) Все дѣлопроизводство сего Собора находится у Татищева IV. т. стр. 160.

(49) Карамз. ч. III. стр. 31.

(50) Никон. Лѣт. ч. II. стр. 206.

(51) Татищ. ч. III. стр. 167.

(52) Никон. Лѣт. ч. II. стр. 207.

(53) Никон. Лѣт. ч. II. стр. 208.

(54) Никон. Лѣт. ч. II. стр. 209. Историіографъ нашъ сомнѣвается въ семъ, потому, что Лѣтописецъ говоритъ, что Θеодора велѣно бросить въ море, котораго тогда не было въ Россіи. Но удивительно ли, естьли Лѣтописецъ въ семъ мѣстѣ употребляетъ слово море потому единственно, что оно употреблено въ текстѣ, на основаніи котораго Соборъ опредѣлилъ сіе наказаніе Θеодору: *Аще кто соблазнилъ единаго отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, лучше есть ему паче, да обяжется камень жерновый на выю его, и потопленъ будетъ въ морѣ.* Иначе не понятнымъ представится, какимъ образомъ Лѣтописецъ могъ сдѣлать столь непростительную ошибку.

(55) Карамз. ч. III. стр. 83. Татищевъ пишетъ еще, что онъ былъ сосланъ на островъ Псій въ Заточеніе.

(56) Татищ. ч. III. стр. 167.

(57) Карамз. IV, 142.

(58) Исторія сего Собора находится въ Русскихъ достопамятностяхъ I. часть стр. 106—138. Карамз. IV, 115.

(59) Татищ. ч. IV. стр. 62.

(60) См. Сокращ. Церк. Ист. Плат. ч. I. стр. 148.

(61) Митрополитъ Максимъ перенесъ Митрополитскій Престолъ во Владиміръ въ 1299 годѣ. Карамз. ч. IV. стр. 155.

(62) Сокращ. Церк. Ист Плат. ч. I. стр. 148.

(63) Степ. Кн. ч. I. стр. 414. Сокращ. Церк. Ист. Плат. ч. I. стр. 154. Карамз. ч. IV. стр. 178.

(64) Князь Галицкій, услышавъ о самовольствѣ Геронтія, рѣшился воспрепятствовать исполненію его замысловъ. Уважая Святую жизнь Петра, Игумена Волынскаго, убѣдительно просилъ его, принять Первосвятительскій жезлъ; и послѣ неоднократныхъ убѣжденій успѣлъ получить отъ него согласіе. Петръ съ Княжескою грамотою отправился къ Патріарху, и предупредивъ Геронтія, получилъ благословеніе на Всероссійскую Митрополію; впрочемъ Престолъ Митрополитскій не былъ перенесенъ въ Волынію, какъ хотѣлъ сего Князь Галицкій. Степ. кн. ч. I. стр. 414.

(65) Сокращ. Церк. Истор. Плат. ч. I. стр. 155.

(66) Никон. Лѣт. ч. III. стр. 132.

(67) Карамз ч. IV. стр. 178.

(68) Писатель степенной книги передаетъ намъ письмо Патріарха къ Св. Петру въ слѣдующихъ словахъ: „Всесвя„щеннѣйшій Митрополитъ Кіевскій и всея Русіи, о Св. „Духѣ возлюбленный брате, и сослужитель нашего „смиренія Петръ! Вѣси, яко избраніемъ Св. Духа по„ставленъ еси Пастырь и Учитель словеснаго Христо„ва стада, и се нынѣ пріидоша отъ вашего языка и „твоего предѣла словеса тяжка на тя, яже слухи моя „наполниша, и помыслъ мой смутиша; потщися убо сія „очистити и исправити.“ Письмо сіе служитъ свидѣтельствомъ отличной любви Патріарха и уваженія къ Св. Петру.

(69) Исторія сего Собора заимствована изъ Ник. Лѣт. ч. III. стр. 153, и степ. книга ч. I. стр. 410—419.

(70) Татищевъ пишетъ въ своей Исторіи ч. IV. стр 92. что

на семъ Соборѣ былъ осужденъ Еретикъ Сеитъ, Новгородскій Протопопъ, поносившій Монашество и соблазнявшій Иноковъ, которые оставивъ обитель женились; но повѣствованіе сіе, не подтверждаемое никакимъ Лѣтописцемъ, противорѣчитъ Исторіи сего Собора, изложенной въ Никоновой Лѣтописи и Степенной книгѣ. Татищевъ, опуская главную причину сего Собора, (то есть: клевету Андрея Еп. Тверскаго на Св. Петра), пишетъ, что Митрополитъ Петръ едва могъ низложить Еретика при помощи Князя Ивана Даниловича; но Никоновъ Лѣтописецъ, исчисляя другихъ Князей, присутствовавшихъ на семъ Соборѣ, не упоминаетъ о присутствіи Ивана Даниловича на семъ Соборѣ. Притомъ оканчивая совершенно Исторію сего Собора тѣмъ, что Митрополитъ обличивъ и простивъ Андрея, всѣхъ отпустилъ съ миромъ, Никоновъ Лѣтописецъ, уже послѣ упоминаетъ о низложеніи Еретика Сеита. Слѣдовательно повѣствованіе Татищева о Сеитѣ нельзя относить къ описанному нами Собору; но вѣроятно Еретикъ былъ осужденъ Митрополитомъ и преданъ проклятію.

(71) Карамз. ч. IV. стр. 201.

(72) Татищ. ч. IV. стр. 163.

(73) Карамз. ч. V. стр. 370 говоритъ, что Иноки занимались торговлею.

(74) См. Карамз. ч. V. стр. 53. Степ. кн. ч. I. стр. 465.

(75) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 68. Степ. кн. ч. I. стр. 466.

(76) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 69. Хитрый Митяй отказывался отъ сего важнаго сана, дабы болѣе возвысить себя въ очахъ Князя и бояръ его. Но въ сіе же время увидѣлъ новые и необыкновенные опыты любви къ нему Великаго Князя; ибо онъ не смотря на притворные

отказы Митяя, убѣдительно просилъ его принять предлагаемый Санъ, и даже объявилъ ему, что онъ намѣренъ его возвести на Митрополитскій Престолъ по смерти Алексѣя.

(77) Никон. Лѣтопис. ч. IV. стр. 67. Благословеніе, данное Св. Алексѣемъ Матѳею, давало ему право на степень Митрополита, съ тѣмъ условіемъ, *естьли Богъ, Патріархъ и Вселенскій Соборъ удостоятъ его править Россійскою Церковію.* Отсюда можно заключить, что Св. Алексѣй не хотѣлъ только предъ смертію упорствовать противъ Великаго Князя и оскорбить его совершеннымъ отказомъ въ его прозьбѣ касательно благословенія Митяя въ Митрополиты; но не имѣлъ сердечнаго желанія имѣть его своимъ преемникомъ.

(78) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 66. Тат. ч. IV. стр. 245.

(79) Никон. Лѣт. ч IV. стр. 70. Татищ. IV. стр. 246.

(80) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 70. Татищ. ч. IV. стр. 246. Карамз. ч. V. стр. 56.

(81) Митяй, отправляясь въ Царьградъ, получилъ отъ Великаго Князя нѣсколько бѣлыхъ хартій, запечатанныхъ его печатію, дабы онъ воспользовался ими сообразно обстоятельствамъ, или для написанія грамотъ отъ его имени, или для нужнаго займа денегъ. Съ нимъ въ Грецію отправились три Архимандрита, Московскій Протопопъ Александръ, и нѣсколько Игуменовъ, 6. Бояръ Митрополитскихъ, два переводчика, и *цѣлый полкъ* всякаго рода *людей,* подъ главнымъ начальствомъ Великокняжескаго Боярина Юрія Васильевича Кочевина Олешинскаго. Казну и ризницу везли на телегахъ. Все сіе служитъ доказательствомъ чрезвычайной къ нему любви Великаго Князя. Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 73. Карамз. ч. V. стр. 57.

(82) Митяй, узнавъ о намѣреніи Діонисія ѣхать къ Патріарху, просилъ Великаго Князя воспрепятствовать ему, и успѣлъ задержать его по волѣ Князя подъ стражею. Впрочемъ хитрый Діонисій, по ходатайству и ручательству Св. Сергія получивъ свободу подъ условіемъ не отправляться въ Царьградъ, тайно ушелъ къ Патріарху. Не получивъ Митрополитскаго жезла, онъ получилъ званіе Архіепископа. Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 72. Татищ. IV. 247. Карамз. ч. IV. стр. 108.

(83) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 74. Тат. Ист. ч. IV. стр. 249. Никон. Лѣт. говоритъ, что тогда многіе подозрѣвали спутниковъ Митяя въ томъ, что они лишили его жизни насильственно. Никон. ч. IV. стр. 76. И неудивительно: ибо Митяй своею гордостію и жестокостію оскорблявшій какъ Духовныхъ, такъ и свѣтскихъ чиновниковъ, долженъ былъ имѣть многихъ тайныхъ непріятелей.

(84) По смерти Митяя спутники его долго спорили о томъ, кого избрать въ Митрополиты. Одни хотѣли Іоанна Архимандрита Петровскаго, другіе Пимена Архимандрита Переславскаго. Патріархъ сперва отказывалъ тому и другому; но послѣ, преклоненный корыстію, благословилъ Пимена. Впрочемъ Великій Князь не принялъ Пимена; но вызвалъ изъ Кіева Кипріяна и принялъ его съ честію.—Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 77. Тат. ч. IV. стр. 252.

(85) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 195. Тат. ч. IV. стр. 362.

(86) Карамз. ч. V. стр. 87.

(87) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 116.

(88) За тридцать верстъ отъ Твери встрѣтилъ Кипріяна Князь Александръ, внукъ Великаго Князя Александра Михайловича съ многими Боярами. На другой день за-

двадцать верстъ отъ города встрѣтилъ его старшій сынъ Великаго Князя Иванъ Михайловичь, также сопровождаемый многими боярами. Наконецъ на третій день въ Субботу вечеромъ Самъ Великій Князь Михаилъ Александровичь со множествомъ Бояръ и Князей встрѣтилъ Митрополита за 5 верстъ отъ города, и принялъ съ великою честію, облобызалъ дружески, и долго бѣседовалъ о пользѣ душевной. Ник. Лѣт. ч. IV стр. 196.

(89) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 197 и 198.

(90) Поступокъ Арсенія, назначеннаго на мѣсто Евфимія, кажется, неоспоримо доказываетъ, что Твертяне сами были болѣе виновны, нежели обвиняемый ими Евфимій. Арсеній нашелъ въ Твери чрезвычайные безпорядки и неустройство, съ ужасомъ оставилъ Тверь, и послѣ уже противъ воли долженъ былъ отправиться для управленія Тверской Епархіею. Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 198 и 199.

(91) Тамъ же.

(92) Карамз. ч. V. стр. 129.

(93) Карамз. ч. V. стр. 130. Плат. ч. I. стр. 232.

(94) Карамз. ч. V. стр. 177.

(95) Карамз. ч. V. стр. 157.

(96) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 301.

(97) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 311.

(98) Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 301.

(99) Карамз. ч. V. стр. 219.

(100) Карамз. ч. V. стр. 219.

(101) См. прим. 89.

(102) Карамз. ч. V. стр. 223.

(103) Въ сіе время Кіевъ и Южныя губерніи наши находились подъ властію Витовта Кестутьевича, Князя Литовскаго, тестя Василія Димитріевича, составляли отдѣ-

ленную часть Россіи, независимую отъ Московскаго Престола. Карамз. ч. V. стр. 153.

(104) Онъ написалъ, какъ говорятъ Лѣтописцы, за четыре дни предъ своею кончиною чудную нѣкую прощальную грамоту, въ которой благословлялъ всѣхъ, и у всѣхъ просилъ себѣ Христіанскаго прощенія. Грамоту его послѣ списывали многіе его преемники, и приказывали читать при своемъ погребеніи. Ник. Лѣт. ч. V. стр. 3. Сокращ. Церк. *Ист.* Плат. ч. I. *стр.* 257.

(105) Карамз. ч. V. 222.

(106) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 34. 221 и 223.

(107) Онъ прежде жилъ въ пустынѣ съ Великимъ старцемъ Акакіемъ. Когда сей былъ возведенъ на Святительскій Престолъ въ *Греціи, Фотій вмѣстѣ съ нимъ оставилъ* пустыню, и получилъ благословеніе на Всероссійскую Митрополію. Отправляясь въ Россію онъ взялъ съ собою Священно—Инока Пасхалія, вмѣстѣ съ нимъ подвизавшагося въ пустыни; построилъ для него келью и Церковь въ лѣсу близь озера Сенгу, и самъ нерѣдко удалялся туда, и среди подвиговъ пустынническихъ со слезами воспоминалъ о прежней неизвѣстной свѣту жизни его. Никон. Лѣт. ч. V. стр. 34 и 39.

(108) Карамз. ч. V. 222 и 223.

(109) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 51.

(110) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 52.

(111) Плат. ч. I. стр. 276.

(112) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 51, 52 и 53.

(113) Никон. Лѣт. 53, 58, 59. Карамз. ч. V. стр. 222 и 223.

(114) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 59. Карамз. ч. V. стр. 224.

(115) Софійск. Лѣт. стр. 366. Карамз. ч. V. стр. 226. Никон. Лѣт. ч. V. стр. 64.

(116) Карамз. ч. V. стр. 268. Татищ. Ист. ч. IV. стр. 517.

(117) Карамз. ч. V. стр. 267.

(118) Карамз. ч. V. стр. 268. Татищ. ч. IV. стр. 518.

(119) Татищ. ч. IV. стр. 517. Карамз. ч. V. стр. 271.

(120) Карамз. ч. IV. стр. 517. Ник. Лѣт. ч. V. стр. 124.

(121) Карамз. ч. V. стр. 271.

(122) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 127. Татищ. ч. IV. стр. 522. Карамз. ч. V. стр. 272.

(123) Съ ними отправилось до ста духовныхъ и свѣтскихъ особъ, между коими былъ и одинъ Епископъ, именно Авраамій Суздальскій. Карамз. ч. V. стр. 271.

(124) Здѣсь нѣсколько подробно излагаются дѣянія Флорентинскаго Собора потому, что съ оными соединены поступки Исидора, открывающіе его характеръ и вину противъ Церкви, и для того, чтобы чрезъ полное разкрытіе опасностей Церкви на семъ Соборѣ яснѣе открыть благодѣтельныя дѣйствія Промысла.

(125) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 128—136. Татищ. Ист. ч. IV. стр. 523—530. Карам. ч. V. стр. 274 и 275.

(126) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 138, и далѣе Татищ.

(127) Карамз. ч. V. стр. 283.

(128) Литовскія Епархіи опять въ сіе время перешли во власть Московскаго Митрополита; ибо преемникъ Григорія Герасимъ былъ сожженъ на кострѣ Свидригайломъ, новымъ владыкою Литвы, по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ Кестутьевичемъ. Степ. Кн. ч. II, 72. Карамз. ч. V. стр. 271. Грамота Исидора находится въ Никон. Лѣт. ч. IV. стр. 148. Татищ. ч. IV. стр. 541. Карамз. ч. V. стр. 282.

(129) Карамз. ч. V. стр. 283.

(130) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 155. Татищ. ч. IV. стр. 546.

(131) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 155, и далѣе. Татищ. ч. IV. стр. 547, и далѣе. Карамз. ч. V. стр. 284 и далѣе.

(132) Исидоръ вскорѣ послѣ сего тайно ушелъ изъ заключенія вмѣстѣ съ учениками своими чернцемъ Григоріемъ и Афанасіемъ; Великій Князь, узнавъ о побѣгѣ его, не велѣлъ гнаться за нимъ, и такимъ образомъ доставилъ ему возможность достигнуть Рима, гдѣ Папою былъ принятъ съ отличною честію, и получилъ мѣсто въ думѣ Кардиналовъ. Ник. Лѣт. ч. V. стр. 159. Тат. ч. IV. стр. 551. Карамз. ч. V. стр. 286.

(133) Рускій Временникъ ч. II. стр. 14.

(134) Карамз. ч. V. стр. 298, 299, 300.

(135) Карамз. ч. V. стр. 301.

(136) Карамз. ч. V. стр. 303.

(137) Карамз. ч. V. стр. 305—314.

(138) Рускій Временникъ ч. II. стр. 14. Карамз. ч. V. стр 314.

(139) Руск. Времян. ч. II. стр. 15. Карамз. ч. V. стр. 315—319.

(140) Степ. Кн. ч. II. стр. 22. Карамз. ч. V. стр. 320. Плат. ч. I. стр. 301. Никон. Лѣт. ч. V, 215.

(141) Никон. Лѣт, ч. V. стр. 214. Карамз. ч. V. стр. 320.

(142) Никон. Лѣт. ч. V. стр. 215. Карамз. ч. V. стр. 320.

(143) Карамз. ч. V. стр. 324, 325, 326, и 327.

(144) Карамз. ч. V. стр. 268.

(145) Карамз. ч. V. стр. 270. Плат. ч. I. стр. 301.

(146) Нѣкоторые сей поступокъ Іоны ставятъ ему въ предосужденіе; но естьли бы онъ дѣйствительно былъ виноватъ въ семъ дѣлѣ, дѣйствительно сдѣлалъ это изъ угожденія и приверженности къ Шемякѣ; то могъ ли бы онъ послѣ такъ жарко на Соборѣ возставать противъ Шемяки и обличать его; и могъ ли бы послѣ самъ Великій Князь Василій Васильевичъ быть расположеннымъ къ нему и возвести на Митрополитскій Престолъ.

(147) Карамз. ч. V. стр. 286. Плат. ч. I. стр. 301.

(148) Карамз. ч. V. стр. 320. Плат. ч. I. стр. 301.

(149) Карамз. ч. V. стр. 321.

(150) Соборы сіи были ни что иное, какъ собранія Епископовъ для рукоположенія Митрополита. Доселѣ подобные Соборы были особенно важны, потому, что они были составляемы по особеннымъ случаямъ, когда нельзя было имѣть сношенія съ Патріархомъ: съ сихъ поръ они стали обыкновенны; ибо не Патріархъ, но Епископы наши стали избирать себѣ Митрополитовъ.

(151) Плат. ч. I. стр. 317. На семъ Соборѣ въ 1461 годѣ присутствовали слѣдующіе Епископы: Филиппъ Суздальскій, Евфросимъ Рязанскій, Геронтій Коломенскій, Вассіанъ Сарайскій; Новгородскій Архіеп. Іона и Тверскій прислали грамоты, въ коихъ объявили свое согласіе на избраніе Ѳеодосія въ Митрополиты.

(152) Сей Соборъ въ 1465 годѣ состоялъ изъ Архіепископа Ростовскаго Трифона, Епископовъ: Евфимія Брянскаго, Давыда Рязанскаго, Геронтія Коломенскаго и Вассіана Сарайскаго. Плат. ч. I. стр. 319. Карамз. ч. VI. стр. 12.

(153) Сей Соборъ былъ въ 1470 годѣ. На ономъ были: Вассіанъ Архіепископъ Ростовскій, Евфимій Суздальскій, Ѳеодосій Рязанскій и Прохоръ Сарскій. Плат. ч. I. стр. 329.

(154) Доселѣ Архіепископы никогда не были избираемы на Соборахъ.

(155) О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ см. Карамз. ч. VI. стр. 92—133. Карамз. ч. VI. стр. 131 и 388.

(156) Онъ былъ избранъ Іюля 18, а произведенъ Сентяря 4 дня.

(157) Щербат. Истор. т. V. ч. II. стр. 193. Карамз. ч. VI. стр. 388. Плат. ч. I. стр. 337.

(158) Др. Росс. Вивліоѳ. ч. XIV. стр. 129. Карамз. ч. VI. стр. 184.

(159) Карамз. ч. VI. стр. 131 и 388.

(160) Др. Росс. Вивлиоѳ. ч. XIV. стр. 129—147. Никон. Лѣт. ч. VI. стр. 120. Степ. кн. ч. II. стр. 193. Карамз. ч. VI. стр. 184—188.

(161) Ник. Лѣт. ч. VI. стр. 146. Плат. ч. I. стр. 345. Карамз. ч. VI. стр. 189 и 190.

(162) Св. Іосифъ могъ увѣриться въ ложномъ ихъ покаяніи изъ примѣра единомышленниковъ ихъ, пораженныхъ Геннадіемъ, Архіепископомъ Новгородскимъ, повѣрившимъ ихъ покаянію. Они едва избавились отъ опасности, какъ немедленно, не оставивъ своихъ заблужденій, оставили свое отечество, и убѣжали въ Литву къ Нѣмцамъ и въ другія мѣста. См. Карамз. ч. VI. стр. 449. примѣч. 565.

(163) Казнь совершена была Декабря 17. Главные изъ обвиненныхъ были: Дьякъ Волкъ-Иванъ Курицынъ, Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ и Кассіанъ, Архимандритъ Юрьевскаго Монастыря. Никон. Лѣт. ч. VI. стр. 171.

(164) Карамз. ч. VI. стр. 311 и 312. Степ. кн. ч. II. стр. 155.

(165) Карамз. ч. VI. стр. 10.

(166) Отъ чрезвычайнаго холода пропадалъ хлѣбъ въ поляхъ; два года сряду выпадалъ глубокій снѣгъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Язва въ одномъ Новгородѣ истребила 48,402 человѣка и множество въ другихъ мѣстахъ. См. Карамз. ч. VI. стр. 11.

(167) См. Посланіе Игнатія Митрополита Сибирскаго. Рукопись въ Библіот. Санктпетербургской Дух. Академіи.

(168) Древ. Росс. Вивлиоѳ. ч. XVI. стр. 85. Карамз. ч. VI. стр. 339.

(169) Доказательствомъ сему служитъ Исторія слѣдующаго Собора.

(170) Карамз. ч. VI. 339 и 340.

(171) Древ. Росс. Вивлiое. XIV. стр. 206—210.

(172) Сведенiя о семъ Соборѣ заимствованы единственно изъ Исторiи Карамзина; посему ничего болѣе и нельзя было сказать объ ономъ. Полная исторiя онаго еще донынѣ находится въ рукописи хранимой въ Сѵнодальной Типографiи. См. Карамз. ч. VII. стр. 189 и 326.

Конецъ.
